

Александр Филичкин

ДОРОГА НА ФРОНТ

Александр Тимофеевич Филичкин
Дорога на фронт
Серия «Война», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68586534

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман основан на реальных событиях. Выпускник войскового училища Яков Малинин приехал на фронт. В связи с недостатком офицеров в частях, лейтенант получил под своё руководство батарею зениток. Он защищал Сталинградский тракторный от нападения гитлеровцев. После тяжёлого ранения в голову, его отправили в госпиталь.

Содержание

Вступление	4
Каспий	9
Астрахань	42
Приближение к фронту	63
Верхняя Ахтуба	99
Переправа за Волгу	154
Сталинград	192
Батарея зениток	223
У сборочного цеха завода	248
Вторая атака	265
Краткая передышка	306
Ранение в голову	318
Эвакуация в тыл	334
Заключение	367
Главы, не вошедшие в роман	369
Спецшкола	369
«БУЗА»	380
Заключение	412

Александр Филичкин

Дорога на фронт

Вступление

Фашисты стремительно мчались вперёд. Они очень старались, как можно быстрее, проскочить открытое место. Стреляя на полном ходу, враги в полный рост бежали к батарее зениток. О точном огне не могло быть и речи, но пули свистели так близко и часто, что уберечься от них было почти невозможно.

Оказавшись в неглубоком укрытии, Яков вдруг успокоился, и начал действовать так, словно вновь очутился в тире войскового училища. Дымящиеся гильзы «ТТ» вылетали из выводного окна одна за другой. Тяжёлый затвор дёргался после каждого выстрела, возвращался на прежнее место и вгонял новый заряд в опустевший патронник.

Яков всегда отличался завидною точностью на огневом рубеже. Сейчас лейтенант находился в очень удобной позиции. Бил никуда, не спеша и с упора, и каждый выстрел зенитчика срезал одного врага за другим.

Выпустив все восемь зарядов, парень увидел, что кожух затвора не вернулся назад, как положено. Оголив круглый

ствол, он остался в том положении, куда его сдвинуло выстрелом.

Левой рукой парень взял из подсумка запасной магазин. Мгновенно сменил им порожний. Большим пальцем правой руки парень спустил рычажок «затворной задержки». Приготовился к ведению огня. Вскинул оружие на уровень глаз и с ужасом понял, что уже опоздал. Пока он возился с перезарядкой, немцы приблизились к краю окопа.

К счастью зенитчиков, магазины у карабинов и пулемётов врагов уже опустели. Фашисты не имели возможности пополнить запасы патронов. Они это хорошо понимали и удивительно дружно рванулись врукопашную схватку.

Убив высокого немца, бегущего к пушке, Яков сдвинулся в сторону, пропустил мимо мёртвое тело, которое продолжало бежать, и заметил приклад, летящий в лицо. Парень резко отпрянул назад. Грохнулся на спину и выстрелил в противника снизу.

Тяжёлая пуля пробила лобную кость и влетела в череп фашиста. Мозг нападавшего фрица превратился в серое, жидкое месиво. Из носа и рта мертвеца хлынула алая жидкость. Подчиняясь инерции, покойник устремился вперёд, и рухнул на лежащего Якова.

Стараясь уйти из-под тяжёлого трупa, лейтенант дёрнулся в сторону. Опёрся о землю и ощутил под ладонью черенок от сапёрной лопатки. Парень крепко сжал пальцы. Вскинул-

ся на ноги и, стараясь удержать равновесие, взмахнул левой рукой.

Рядом вдруг оказался огромный фашист. Он держал карабин, как дубину, и пытался ударить зенитчика сверху. Парень повёл инструментом в обратную сторону и рубанул узким лезвием по горлу врага.

Остриё перебило артерии с мышцами. Из глубоких разрывов ударила горячая алая кровь. Штурмовик уронил верный «Mauser» и схватился за рану руками. Он упал на колени, как перед древней иконой, и, содрогаясь в страшной агонии, свалился ничком.

Вокруг, началось настоящее месиво. Вертясь, как юла, Яков уходил от прикладов фашистов. Бил лопаткой вправо и влево, а когда понимал, что уже не успеет ударить, палил во врага из «ТТ».

Краем глаза, он видел, что левый наводчик орудия расстрелял все патроны. Боец поднялся на ноги и, следуя правилам боя штыком, направил винтовку вперёд. Мужчина отбил мощный удар, направленный в грудь. Продолжая движение, он врезал прикладом по морде напавшего фрица. Тот кувыркнулся, и словно лёгкая кегля укатился куда-то в сторону.

Боец выставил ствол перед собой и воткнул острое лезвие в живот другого фашиста. Длинный клинок вспорол всю одежду и потное тело. Стенки брюшины разъехали в стороны. Серо-багровые органы кучей рванулись наружу.

За спиною у Якова грянул раскатистый крик. Это послышалось родное: – Ура!

Откуда-то сзади выскочило с десятков бойцов. Они все в едином порыве помчались на немцев. Те слегка отшатнулись назад. Ряды враждующих армий мгновенно смешались. Образовалась огромная жуткая свалка.

Никто из противников не чувствовал рядом своих. Каждый видел только врага, что стоял перед ним. Он дрался сам за себя и за свою драгоценную жизнь. Крики ярости, злобы и боли, слились в оглушительный, неразборчивый рёв.

Чавканье разрубленных тел, треск перебитых костей, хрипы израненных в драке и уже умирающих воинов, сопровождали картину неистовой битвы. Их дополнял безудержный мат на двух языках.

Каким-то неведомым образом лейтенант оказался во втором эшелоне безудержной схватки. Он перевёл сбившееся от напряжённого дыхание и, как можно скорее, перезарядил пистолет.

Стараясь не угодить в советских солдат, офицер стал палить в проклятых фашистов. Яков всегда был приличным стрелком. Он легко попадал в нужную цель, что была на дистанции в тридцать-сорок шагов. Захватчики падали один за другим.

Выпустив последний патрон из «ТТ», Яков пошарил взглядом вокруг. Парень искал хоть какое оружие, готовое к

бою. Всюду лежали неподвижные трупы. Среди них, находились винтовки с пустыми затворами и парочка «шмайсеров» без магазинов.

Противники опустошили обоймы, когда фашисты бежали к зениткам. Перезарядиться уже никто не успел. Столкнувшись с врагом, все стали драться лишь тем, чем попало под руку. В ход шли штыки и приклады, небольшие лопатки и железные каски.

Все сразу же впали в какую-то жуткую, невероятно высокую степень агрессии. Все били руками, ногами и головами, куда попадут. Остервенело душили друг друга. Рвали зубами лица и глотки. Давили руками в глаза неприятеля, пока те не вытекали наружу, как грязная кровавая жидкость.

Смертельные антагонисты ни в чём не уступали друг другу, ни в силе, ни в ловкости, ни в злобе, ни в ярости. Никто не хотел отходить от занятой ими позиции.

Раненные, вместе с убитыми, снопами вались на землю. Однако, живые и там продолжали борьбу. Все бились до тех самых пор, пока его личный враг не переставал шевелиться.

Каспий

Двадцать второго августа 1942-го года, ровно в восемь утра, в дом лейтенанта-зенитчика прибыл нарочный из коммисариата. Офицеру вручили повестку и велели немедленно пройти по данному адресу.

Взволнованный Яков Малинин пришёл к военкому и, без проволочек, получил предписание. В казённого вида бумаге значилось чёрным по белому: – Прибыть в распоряжение Сталинградского фронта.

Вместе с ним туда направлялся ещё один молодой человек, окончивший соседнюю группу «БУЗы». Как это ни странно, но выпускники бакинского войскового училища были мало знакомы. Яков знал только то, что звали его Алексем Павленко. Он был украинцем, и жил в Азербайджане вместе с родителями.

Остальных однокурсников разбросали по всему Предкавказью, от города Грозного, что находился в Чечне и до Моздока, в Осетии. Кое-кому из друзей повезло. Каким-то мистическим образом они умудрились остаться на родине. Большинство их разослали по тем батареям, что охраняли нефтяные поля и морской порт Баку.

К этому времени, фашисты провали юго-западный фронт в районе города Сальска, и заняли железнодорожную линию

на большом протяжении. Добраться до места своего назначения, лейтенанты могли только морем. Сначала, дойти на теплоходе в Махачкалу. Оттуда, тем же водным путём, до устья матушки Волги.

Там им придётся расстаться. Алесь останется в Астрахани. Яков же двинется дальше на север. Парень проедет на поезде вверх по левому берегу до узловой станции Верхний Баскунчак.

Оттуда до пристани, что называлась Паромная. Лишь после этого, он переправиться на правую сторону, в деревню Латошинка. Оказавшись на западном берегу великой реки, Яков будет искать штаб Сталинградского фронта. Где его руководство окажется, к этому времени, никому неизвестно.

К вечеру двадцать четвёртого августа, у причалов Баку был сформирован морской караван. Утром нового дня, десяток судов должен был выйти из гавани, и пойти в направлении, нужном молодым командирам.

Во внушительных трюмах корабли повезут самое главное, что требуется на современной войне: горючее и смазочные масла для различных машин. Без них не сможет работать военная техника.

На рассвете двадцать пятого августа, молодые артиллеристы явились в определённое предписанием место и поднялись на борт нужного им корабля. Им оказался скромный буксир. Он должен был буксировать огромную баржу с бен-

зином.

Зенитчики осмотрели попутчиков и с облегчением узнали, что они не одни. Среди пассажиров находилось трое военных. Старшим среди них оказался седовласый майор, лет сорока с небольшим. Он возвращался из госпиталя, где недолго лечился после ранений.

Ещё на борту оказалось два их ровесника, лейтенанты, неделю назад окончившие Бакинское пехотное училище имени Серго Орджоникидзе.

Парень замечательно знал центр Баку и его основные районы – Чёрный, Белый город и всё остальное. Яков немедленно вспомнил, как обитатели небольшого посёлка под названием Зых объясняли, где же они проживали.

– «Памятник Кирову знаешь?» – говорили они с неистребимым бакинским акцентом: – «Так, он правой рукой указывает на противоположную сторону бухты. Там, вдоль низкого берега, идёт улица адмирала Нахимова. На ней, кроме пехотного, стоит ещё и морское училище».

«Древний» майор, был одет в неновую уже гимнастёрку и галифе такого же линялого цвета. По сравнению с ним, все лейтенанты выглядели настоящими франтами. Они, словно сошли со страниц советских военных журналов.

Новенькая добротная форма, замечательно пригнанная по стройной фигуре. Отлично пошитые, сапоги из мягкого хрома, нагуталиненные до аспидно-чёрного, жирного блеска. Фуражки, надетые с небольшим креном вправо. Истинно

гвардейская выправка.

Вот только, не всё было так хорошо, как казалось. В отличие от бывавшего в боях «старика», у молодых офицеров не имелось оружия. В училище офицерам сказали, что «ТТ» или «Наганы», положенные им по назначенной должности, они все получают только на фронте.

Поэтому, чтобы новенькая кобура, хрустящая коричневой кожей, не выглядела совершенно пустой, пришлось им пойти на небольшую уловку. Все лейтенанты взяли обычные тряпки и набили ими чехлы для оружия.

Как оказалось, на крохотном теплоходике не нашлось пассажирских кают. Командированным на войну офицерам пришлось разместиться на палубе. Кроме людей, там ещё находилось множество ящиков разных размеров.

Приближался конец тихого августа. Погода была очень хорошей. Дул небольшой ветерок. Безбрежное море выглядело совершенно спокойным. Поверхность синего Каспия слегка волновалась, но удивительно слабо. Качка на корабле не ощущалась совсем.

Ехать было ещё далеко, а сидеть офицеру на голых досках как-то неловко. Хотя, если честно сказать, то они оказались достаточно чистыми. Скорее всего, капитан здесь очень придирчиво следил за порядком. Не очень давно, матросы всё вымыли забортной водой.

Яков взглянул на бывалого воина и сделал всё так же, как

седовласый майор. Он развязал специальный ремень, развернул плотную скатку и сожаленьем взглянул на новенькую, недавно со склада, шинель.

Форменное пальто лейтенанта немного ушил знакомый портной, сосед по двору. Парень его лишь примерял, но ещё никуда не носил. В Бак было очень тепло. Зенитчик вздохнул, что она немного помялась. Мол, где-то теперь её удастся погладить? Потом махнул на всё это рукой и постелил на деревянную палубу.

Рядом, он бросил мешок с едой и вещами, собранными мамой в дорогу. Яков улёгся на плотное шерстяное сукно и подложил две руки под стриженный под машинку затылок. Он стал лениво следить за крупными чайками, парящими в воздухе.

Изредка, белые птицы замечали что-то внизу, под собой. Они тут же складывали длинные изящные крылья и камнем падали в зеленоватую воду. Через секунду, выныривали с мелкой рыбёшкой, зажатой в удивительно остром, слегка изогнутом клюве.

Пернатые совершенно спокойно сидели на маленьких волнах, и выглядели, словно обычные домашние утки. Они запрокидывали голову к небу и, сильно дергая шей, как курица, торопливо глотали добычу.

Спустя какое-то время, выпускники разных училищ легко познакомились. Один из двух пехотинцев был армянином,

которого звали Хорен Гаракян. Его крепкий друг оказался азербайджанцем по имени Тофик Бабаев.

Четыре ровесника быстро нашли общий язык, а когда проголодались, то все вместе сели обедать. Они немного посомневались, но потом пригласили пожилого офицера в компанию.

Седовласый мужчина не стал строить большого начальника, которому не позволительно есть с теми людьми, что ниже по званию. Майор сообщил, что его зовут Степан Сергеич Дроздов. Он устроился рядом и первым развязал вещмешок, выдавший многие виды.

Ребята последовали такому примеру. После чего, сразу же выяснилось, что наборы продуктов у всех очень схожи. Чурки, вяленое мясо, тушёнка и сухофрукты на сладкое. Два молодых офицера оказались курящими. Они везли с собой папиросы.

Плыть до мест назначения, пятерым офицерам нужно было несколько дней. Война гремела, где-то на северо-западе, далеко-далеко. Поэтому, майор вёл себя с молодежью довольно свободно. Без излишней воинской строгости.

Он не допускал панибратства ни с их, ни со своей стороны. Однако, был с ними достаточно мягок, словно опытный дядька, везущий группу курсантов в летний лагерь на сборы.

Лейтенанты сразу же поняли, что «пожилой» человек относиться к ним доброжелательно. Все оказались весьма лю-

бопытными. Они тут же пристали к майору с вопросами: – Где и как воевал? В каком из сражений он получил большое ранение и куда теперь направлялся?

«Старик» отвечал очень уклончиво. Он сообщил, что бывал во многих местах разных участков. Подстрелили его ранней весной, на Юго-Западном фронте. Вдаваться в подробности он, почему-то, не стал, а как все ветераны поведал интересную байку. Причём, он рассказывал так интересно и живо, словно сам был участником этой истории

– Как только подсохла весенняя грязь, наши дивизии тронулись с мест своей дислокации. Двенадцатого мая мы мощно ударили по немецким позициям. Сначала удача сопутствовала РККА. Мы очень быстро продвигались вперёд.

Однако, удивительно скоро фашисты опомнились, собрали силы в кулак и перехватили инициативу у нас. Они прорвались через фланги, окружили наступавшие части у городка Барвенково и отрезали нас от складов снабжения.

Я изучил карту местности, лежавшую вокруг небольшой деревеньки. После чего, вызвал к себе молодого сержанта, который был со своим отделением в распоряжении нашего штаба.

Показал подчинённому на небольшую группу квадратиков, расположенных в глубинах обширного леса и сообщил: – Сейчас ваш взвод находится здесь. В двух километрах от восточной околицы, расположен крохотный хутор в пару-тройку домов.

Бери всех своих здоровых ребят. Двигай по данному лесному просёлку и посмотри, нет ли там немцев? Если найдёшь, то постарайся их выбить и закрепиться на какое-то время. Возникнет нужда, пришлешь связного ко мне. Выполний.

– Есть! – ответил сержант. Он бегом направился к месту, где размещалось его отделение. Пехотинец поднял на ноги голодных и усталых людей. Проверил их снаряжение, объяснил всем задачу, и велел двигаться в путь.

Наш прорыв начался не очень давно. Вооруженье бойцов оказалось весьма неплохим. Сержант имел «ППШ». У восьми прочих солдат были обычные «мосинки» и ручные гранаты. Десятый боец, нёс ручной пулемёт Дегтярёва с круглым диском, крепившимся сверху.

Они вышли из деревеньки и оглядели лиственный лес, темнеющий возле околицы. На первый взгляд, всё было спокойно, но кто его знает, что же таится внутри? Вдруг там засела рота фашистов и ждёт лишь команды для начала атаки?

Взяв оружие наизготовку, бойцы построились в длинную цепь и, пригибаясь, двинулись в путь. Короткими перебежками красноармейцы добрались до леса. Не доходя до опушки, растянулись в высокой траве. Затаились и какое-то время внимательно вслушались в тихий шелест листвы.

Не обнаружив присутствия немцев, они ползком тронулись с места, и по-пластунски направились к зарослям. С

большой осторожностью углубились в зелёный плотный подлесок. Преодолели густые кусты, растущие возле опушки, и опять осмотрелись.

Не заметив ничего подозрительного, они поднялись на ноги, и разделились на две, равные группы. Одна встала слева, другая направилась вправо от извилистой узкой дороги.

Солдаты расположились в нескольких метрах от пыльной грунтовки, так чтобы постоянно держать её в поле зрения. Затем, вытянулись в небольшие цепочки и, стараясь шагать, как можно бесшумнее, двинулись вглубь лесного массива.

Не встретив никого на пути, отряд в полчаса преодолел расстояние, отделявшее небольшую деревню от хутора. Он вышел к светлой опушке и замер в тени плотных ветвей.

Перед людьми находилась большая поляна с высокой травой. Она протянулась метров на триста в каждую сторону. У края обширного луга рос очень мощный раскидистый дуб в два обхвата. Его даже в упор винтовочной пулей, вряд ли пробьёшь.

Сержант надёжно укрылся за лесным великаном. Он поднял к глазам армейский бинокль, который ему я дал перед рейдом, и настороженно выглянул из-за толстого дерева. Немедленно выяснилось, что предусмотрительность советских бойцов не оказалась излишней.

Три бревенчатых дома и четыре сарая, стояли близко друг к другу. Между ними мелькали каски нескольких фрицев.

Их было шесть или семь человек. Глядя на знаки различия, можно было понять, это были поляки, служившие Гитлеру.

Судя по напряжённым движениям, фашисты недавно вошли в этот хутор с другой стороны. Теперь они перебежками двигались от здания к зданию. Весьма осторожно входили внутрь каждой постройки и хорошенько осматривали все помещения. Нет ли там неприятеля?

Сержант отнял бинокль от глаз. Обернулся к солдатам и показал им условными знаками, чтобы они растянулись в длинную линию. Укрываясь за густыми кустами, все пехотинцы рассредоточились параллельно опушке.

Красноармейцы низко пригнулись к земле. Вышли на некошенный луг и, перебегая с места на место, устремились вперёд. Они устремились к жилью, стоящему на обширной поляне.

Немцы так увлеклись изучением зданий, что не замечали бойцов, прячущихся в высокой траве. Сначала летней компании, фашисты прошли от широкого Немана до этого места. Они обыскали множество пустых деревень.

Фрицы нигде встречали большого отпора. Вот и теперь совершенно не ждали никакого подвоха. Они собрались на одном из дворов и стали о чём-то болтать. То ли, усиленно думали, куда им направиться дальше? То ли, решали другие проблемы?

Сержант подобрался к ближайшему дому метров на тридцать. Оглянулся на молодого ефрейтора, шедшего рядом, по-

чти на карачках, и сделал несколько знаков рукой. Мол, бери тех фашистов, что находятся справа.

Прижал приклад автомата к плечу. Встал в полный рост и дал короткую очередь по врагам, расположенным слева. С криком: – Ура! – он рванулся в атаку. Паля на ходу во всех, кого видел, командир побежал к центру хутора.

Ефрейтор поднялся вслед за сержантом. Повёл оружием в правую сторону. Увидел фигуру во вражеской форме. Нажал на крючок спускового устройства и срезал фашиста двумя-тремя пулями.

Заметил другого противника, чуть повернул «дегтяря». Выстрелил снова и снова попал. Солдаты тоже вскочили на ноги. Все подхватили клич командира и помчались за ним. Загрохотало восемь винтовок.

Чья-то пуля попала в гранату, торчавшую за поясом фрица. Кусочек свинца пробил металлический корпус. Затем, он прошёл сквозь оболочку из аммонала и врезался в капсулю, сидевший в середине снаряда.

Заряд мгновенно сработал. Раздался громкий хлопок. Взрывная волна врезалась немцу в живот. Разрубила его пополам и разбросала все внутренности на несколько метров вокруг.

Серые клочья кишок повисли на соседнем заборе, как требуха от забитой скотины. Пару секунд они покачались на кольях. Свалились на землю и пропали в пыли.

Осколки гранаты брызнули в разные стороны. Большая часть врезалась в тех, кто оказался поблизости. То есть, в «комрадов» погибшего фрица. Другие рванулись к советским бойцам, но те находились ещё далеко. Кусочки железа не долетели до наших солдат и не смогли причинить какой-либо вред.

Ошеломлённые внезапной атакой, фашисты не смогли устоять. Не думая об отпоре врагу, фрицы дружно рванулись к ближайшим постройкам. Отстреливаясь на полном ходу, они метнулись в густые кусты, стоявшие стеной на опушке. Пока пехотинцы домчались до хутора, все немцы скрылись в лесу.

Сколько из них было ранено, и удалось ли кого-то убить, красноармейцы, конечно, не знали. Идти в зелёные заросли, чтобы это проверить, никому не хотелось. В чаще старого леса можно укрыться за каждым кустом и легко пристрелить человека, что бежит за тобой по пятам.

Сержант велел двум солдатам найти укрытия возле опушки, где скрылись фашисты. Организовать охранение и держать под прицелом все подходы к селению. В первую очередь, с запада.

Всем остальным рядовым приказал, заняться осмотром домов, погребов и сараев. Разбившись на двойки, они разбежались по скромному хутору, и очень внимательно осмотрели все его уголки.

Никого из людей бойцы не нашли. Видно, местные жители испугались приближения фронта. Хуторяне схватили все ценные вещи. Погрузились в телеги и куда-то уехали.

Вместе с собою крестьяне забрали и всех домашних животных. Вплоть до последней худенькой курицы, кота и собаки. Из питомцев нашлась только овца, дрожавшая от громкого шума случившейся стычки. Похоже, что в ходе бегства хозяев, она отбилась от стада. Потерялась в лесу и, ничтоже сумняшеся, вернулась в родные пенаты.

Сержант и ефрейтор осмотрели четырёх убитых фашистов. К пятому, что разорвало на две половины и порубило, как в мясорубке, они не захотели приблизиться. Было слишком противно трогать руками то жуткое месиво, в которое он превратился.

Все гитлеровцы имели винтовки «Mauser», штык, в виде кинжала в кожаных ножнах, и наступательные гранаты «М-24». Плюс ко всему, противогаз в круглом тубусе, котелок из алюминия и подсумки с патронами.

Ни ранцев с вещами, ни скатки, ни на ком не нашлось. Скорее всего, оставили где-то поблизости. Решили без лишнего груза сбегать в разведку и посмотреть, нельзя ли чего-то прибрать к своим загребушим рукам?

Поэтому, и не взяли с собой никакого запаса съестного. В карманах лежали лишь сигареты в почти пустых мятых пачках и надкусанные плитки шоколада тёмного цвета со стран-

ным названием «Scho-ka-kola».

У прочих красноармейцев дела обстояли несколько не лучше. Хорошенько обшарив пустые постройки, солдаты не смогли отыскать в них ни крошки съестного. То ли хозяева увезли всё с собой? То ли надёжно укрыли в соседнем лесу? Скорее всего, схрон, был где-то рядом, но пойди, отыщи его в этой чащобе.

Лазать по зарослям, где скрылись фашисты, никто не хотел. Поэтому, взоры голодных солдат обратились на дрожащую от испуга овцу. Какой-то боец вынул штык из ножен фашиста.

Взял животинку за мохнатую холку и, почти без усилия, вытащили из сарая во двор. Ловко подсёк ей передние ноги. Прижал её сверху правым коленом и крепко припечатал к земле. Задрал левой рукой кудлатую голову. Поднёс кинжал под нижнюю челюсть скотинки и провёл острым остриём по напряжённому горлу.

Алая кровь ударила толстой струёй. Смешалась с пылью в тёмную грязь и скоро застыла маленькой лужей. Жалобный крик сменился прерывистым хрипом. Он быстро стих. Отчаянное биение сердца навсегда прекратилось.

Подошёл ещё один бывалый солдат. Бойцы взяли животное за задние ноги. Подняли его над землёй и при помощи тонкой верёвки повесили на перекладину сарайных ворот.

Действуя парой острых ножей, старики сделали несколько надрезов в нужных местах. Вместе взялись за кожу. Рывком

дёрнули вниз и стянули мохнатую шкуру, словно длинный чулок.

Тем временем, остальные солдаты не стояли без дела. Одни разводили рядом костёр. Другие принесли из сарая глубокий котёл и обмыли пыльную ёмкость свежей водой из колодца.

Третьи положили баранину в глубокий казан. Налили его до самого верха и поставили на яркий огонь. Все стали с возделением ждать, когда же сварится свежее мясо?

Как только жидкость начала закипать, прибежали двое дозорных, стоявших на западе хутора. Они сообщили, что из леса вышел десяток фашистов с винтовками. Не успели красноармейцы занять оборону, как слева по ним ударили «шмайсеры».

Поняв, что отделение оказалось под перекрёстным огнём, сержант дал приказ: – Отходим в сторону леса, откуда пришли!

Прячась за стенами домов и сараев, бойцы добрались до опушки, и укрылись за стволами деревьев. Не видя противника в плотных кустах, немцы тотчас прекратили огонь, но и в чащу они не полезли. Никто не хотел нарываться на пулю.

Фашисты рассредоточились по всему хуторку. Наученные недавним сражением, они двигались, низко нагнувшись, так, чтобы случайно не попасться врагу на прицел.

Оказавшись в подлеске, сержант стал говорить только шё-

потом, и приказал провести переключку. Каждый назвал имя с фамилией и сообщил о своём состоянии. Выяснилось, что двух человек слегка зацепило. Одного в левую руку, второго в бедро правой ноги.

Лежавшие рядом, соседи порылись в карманах и своих вещмешках. Нашли пару свёртков чистых бинтов. Сорвали с них упаковки из плотной бумаги и помогли бойцам с перевязкой. Те быстро пришли в себя от пулевых попаданий и заявили, что могут стрелять только лёжа.

Сержант вдруг подумал о том, что не исполнил приказ командира и не выбил фашистов из хутора. Кроме того, нельзя оставлять подлым фрицам котёл с кипящей бараниной.

Потери у них небольшие. Те, кого ранили, будут палить из кустов. Так что, можно отбить у врага варёное мясо. Он окликнул одного из бойцов и отправил в деревню, к начальству. Мол, пусть нам майор даст солдат на подмогу

Минут через сорок, пришло ещё одно отделение, которое им послал командир. Бойцы в нём имели тоже оружие, что и первый отряд. К этому времени, мясо в котле хорошенько прогрелось и принялось исходить упоительным запахом. Над лесом поплыл такой аромат, что у советских бойцов заурчало в желудках.

Красноармейцы разошлись по кустам длинной дугой. Разместили у неё края «ППШ» с «ручниками» и открыли ураганный огонь. Под прикрытием автоматов и пулемётов, все

остальные с громкими криками дружно рванулись вперёд.

Заметив, что к ним устремилось около двадцати человек, десяток фашистов немедленно бросились к лесу, и мгновенно растворились в кустах.

Без всяких потерь красноармейцы опять захватили маленький хутор. По приказу сержанта, бойцы установили охрану и сразу помчались к площадке, на которой варилась баранина.

Тот, кто готовил еду на костре, знает о том, что открытый огонь работает, не так эффективно, как нормальная печь. Много тепла бесполезно рассеивается в разные стороны.

Крупный котёл нагревается удивительно медленно. Поэтому, мясо пока не сварилось и оказалось полусырым. Есть его было пока что нельзя. Пришлось ещё подождать.

Однако, солдаты опять не смогли попробовать горячую пищу. С немецкого запада послышался рёв мощного дизеля. Следом за этим, затрещали кусты и деревья.

Затем, на поляну влетел полугусеничный бронетранспортёр с тевтонским крестом на серой броне. Сверху стоял станковый пулемёт «MG 34». Следом за угловатой машиной бежали тридцать фашистов с винтовками наперевес.

Красноармейцы не стали сражаться с превосходящими силами фрицев. Они схватили манатки и откатились к опушке. Вернулись в густой лиственный лес, и укрылись в нём так, чтобы их не достали немецкие пули. Оказавшись в кустах, перевязали трёх раненых однополчан и снова послали

связного в расположение роты, за помощью.

Через какое-то время, из деревни примчалось шесть пехотинцев. Причём, они находились верхом на броне «тридцатьчетвёрки». Танк с ходу влетел на большую поляну и немедленно пальнул из длинной башенной пушки.

Снаряд попал борт в «ганомага». Двигательный отсек транспортёра немедленно вспыхнул. Машина тотчас превратилась в огромную кучу пылающей стали. Клубы чёрного дыма широким столбом устремились к вершинам деревьев.

Советский танк выстрелил ещё несколько раз. Большая часть из фашистов была убита шрапнелью. Вместе с ними погиб и весь небольшой хуторок. Жилые дома раскатились по брёвнышку. Хлева и сарай разлетелись на доски и щепки.

Минуту спустя, на месте десятка построек остались только развалины. Среди дымящихся куч виднелись тела неподвижных врагов.

Пехотинцы опять закричали: – Ура!

Они дружно выскочили из ближайших кустов и рванулись в атаку. Не встретив сопротивления фашистов, рассыпались по хуторку и добились оглушённых противников. На этом бой и закончился.

Солдаты, приехавшие на прочной броне, увидели вооружённых солдат. Они слегка напряглись, но заметив, как воины расправлялись с фрицами, с облегчением вздохнули. Это были свои.

Покончив с фашистами, бойцы стали искать котёл с варёной бараниной. Несмотря на все их усилия, солдаты ничего не нашли. Скорее всего, один из снарядов попал точно в костёр и разметал всю еду по ближайшим окрестностям.

Выслушав интересную байку о том, как советским солдатам не удалось хорошенько поесть, Яков слегка усмехнулся вместе со всеми. Потом немного подумал и пришёл к печальному выводу. Ветераны не хотят говорить об ужасах прошедших сражений. Поэтому, вспоминать о таких пустяках.

– «Хотя, какие же тут пустяки?» – одёрнул себя молодой лейтенант: – «Шёл бой за лесной хуторок, в котором погибло штук тридцать фашистов и ещё «ганомаг» с пулемётом. Причём со стороны наших бойцов оказалось лишь несколько раненых. Вот если бы так мы всегда воевали, то наверняка, уже находились в Берлине».

Ещё через сутки, конвой из судов прибыл в город Махачкала. Бакинцы узнали, что дальше они поплывут на большом теплоходе, который носил длинное имя «Память товарища Войкова». Это название он получил в честь пламенного революционера, погибшего в польской столице Варшаве, в далёких двадцатых годах.

Взглянув на огромный корабль, Яков тут же заметил, что на бортах и надстройках, имеется множество крупных отметин от пуль и осколков. Причём, совершенно недавних. Бле-

стящий металл ещё не успел потемнеть.

Покинув буксир, майор тут же направился к руководителю порта. Нужно было узнать, когда они смогут двинуться дальше. В ходе беседы, комендант сказал Степану Сергеичу: – Двадцать четвёртого августа наш теплоход вышел из Астрахани. Он тащил на буксире три огромные баржи. В них находились войска и различная техника, предназначенная для Северо-Кавказского фронта.

На тех судах находилась дивизия, прибывшая из Казахстана. Тринадцать тысяч вооружённых бойцов должны были сойти в Махачкале и двигать пешком на Кавказ, в район города Нальчика.

Через какое-то время, с проклятого запада прилетели три двухмоторных бомбардировщика «Junkers 88». Пилоты фашистов заметили небольшой караван и немедленно сбросили множество бомб.

Один из тяжёлых фугасов упал за кормой теплохода и тут же сработал от удара об воду. Туча осколков разорвала буксировочный трос и разрушила нос первой баржи.

Ещё два снаряда врезались в судно, что находилось в центре цепочки плавсредств. Мощные взрывы убили почти всех солдат, что находились на палубе и во внушительном трюме.

Ударные волны подняли в воздух сотни бойцов и разнесли их на многие метры вокруг. Трупы людей и оторванные части их тел плавали в солёной воде и окрашивали зеленоватые волны в буро-коричневый цвет. Постепенно они все

утонули.

Израсходовав боезапас, фашисты развернулись на запада, и очень быстро исчезли из вида.

К счастью всех остальных, уцелел теплоход и две баржи из трех. После налёта, матросы спустили несколько шлюпок. Они нашли тех несчастных, что ещё подавали признаки жизни. Подняли на борт и оказали всем раненым посильную помощь.

Затем, отцепили горящую баржу, которая начала погружаться в пучину, и продолжили рейс в пункт назначения. В порту оказалось, что во время воздушной атаки, было ранено или убито около двух тысяч советских бойцов.

После того жуткого случая, военный комендант Махачкалинского порта приказал обеспечить зенитными средствами все большие суда, заходившие в его акваторию.

К сожалению всех моряков, свободных орудий на складах, увы, не нашлось. Снимать же их с батарей, защищавших гавань, молы и пристани, никто не решился. Ведь их тоже нужно оборонять от врага.

Поэтому, скорострельные пушки заменили комплектами счетверённых «Максимов». К каждому такому устройству было приписано по два стрелка и отделению бойцов, вооружённых винтовками «Мосина». Именно эти, четыре пулемётных ствола, закреплённые на металлической раме, должны теперь защищать морские суда от фашистских атак.

Яков переглянулся со своим однокурсником и с огромным сомнением покачал головой. Каждый из лейтенантов сказал про себя: – «Конечно, это значительно лучше, чем совсем ничего. Да только вряд ли солдаты смогут попасть в скоростной бомбардировщик, идущий на большой высоте».

Новоиспечённые командиры пехоты удивлялись не меньше зенитчиков. Правда, они говорили совсем о другом: – Зачем нас везут в Сталинград? – спрашивали они друг у друга: – Ведь немцы уже ворвались в Ставрополь с Краснодаром. Сначала нужно отбить те города, которые находятся рядом с нефтеносным Баку, а уж потом двигаться дальше на север.

Майор прислушался к шумной дискуссии молодых лейтенантов и тремя короткими фразами прервал эти прения: – С бугра, как говорится, видней! Как сказал мой бывший комдив: – «С кем и куда, тебя братец пошлют, с тем, туда и пойдёшь!»

Офицеры сходили в военную комендатуру, где отстояли длинную очередь. Лишь ближе к вечеру, они всё же отметили своё прибытие в порт. Получили новые проездные бумаги и отправились на указанный им теплоход.

Он весьма отличался от того небольшого буксира, на котором они плыли сюда. Здесь оказалось много кают, но все они были забиты людьми. Поэтому, остальным пассажирам пришлось разместиться на палубе.

Несмотря на большие размеры, вся горизонтальные плоскости судна были заставлены громоздкими ящиками. Среди

упакованного кое-как оборудования теснились утомлённые граждане с чемоданами или просто с узлами.

К корме прицепили три длинные баржи с нефтепродуктами и всевозможными военными грузами. Там находились самолёты и танки непривычных лейтенанту моделей. Их везли из Ирана согласно соглашению «лендлиз», заключённого СССР с далёкой Америкой.

Прозвучал очень долгий прощальный гудок. Корабль отвалил от причала и двинулся к городу Астрахани. Так же, как прежде, стояла неплохая погода тёплого августа. Самолёты фашистов их пока не тревожили. В течение суток, Яков с друзьями наслаждался прогулкой по тихому морю.

За это короткое время общительный седовласый майор познакомился с пожилым усатым матросом. Он поговорил с ним по душам, а затем задал пару щекотливых вопросов.

Мариман немного помялся, не зная, что и сказать. Скоро он понял, что перед ним боевой командир, а не представитель карательных органов. Старик успокоился и рассказал много чего интересного.

Степан Сергеевич всё отлично запомнил и почти слово в слово, передал своим юным спутникам. С большим изумлением, лейтенанты узнали о той обстановке, что сложилась в последние месяцы. Ведь в сводках «Сбвинформбюро», регулярно звучавших по радио, об этом не говорилось ни единого слова.

Выяснилось, что в конце июля 1942-го, фашисты заняли все аэродромы Донбасса. Теперь немецкие асы могли патрулировать широкое устье матушки Волги

Используя преимущество в числе самолётов, немцы завоевали господство в небе страны. Они барражировали над северной акваторией моря и нападали на любые суда, идущие, как по реке, так и по Каспию.

Почувствовав свою безнаказанность, стервятники совсем обнаглели. В первую очередь, фрицы атаквали тихоходные баржи с горючим. Расстреливали их из пулемётов, а если не удавалось поджечь просто пулями, топили авиационными бомбами.

Мало того, они приспособились сбрасывать морские тяжёлые мины, что весят пятьсот килограммов, а то и целую тонну. В течение пары недель, фашисты установили взрывные устройства на протяжении четырёхсот километров русла реки.

Первое время, враги ставили их по ночам. Чтобы не промахнуться, они ориентировались на горящие бакены, указывающие судам, где расположен фарватер. Пришлось отказаться от включения таких фонарей, установленных на берегу и буях.

Теперь корабли шли только днём и подвергались атакам люфтваффе. От самолётов нужно обороняться. Для этого, на палубах крупных судов установили пулемёты Максима и даже зенитки. Да только они не всегда помогали. Особенно,

если фашисты пикировали со стороны яркого солнца. Пойди их там разгляди.

Каждую ночь, тральщики чистили дно у реки, но даже такая работа не решила проблемы. В течение августа, на Волге уже подорвалось сто кораблей с людьми и военными грузами.

Если и дальше всё так же пойдёт, то затонувшие большие суда перегородят всё русло. Навигация совсем прекратиться. Речники всё время ищут обходные пути, лежащие рядом с фарватером. Однако, как долго всё это продлится, никто толком не знает.

В последние дни, фашисты вышли к городу Утта в Калмыкии. Линия фронта приблизилась к Астрахани на расстояние в сто пятьдесят километров. Начались бомбардировки крупного города.

Власти решили эвакуировать жителей напрямиком в Казахстан. Людей и оборудование грузят на корабли и отправляют в порт Гурьев, стоящий в северо-восточной области Каспия. Там, где в него впадает Урал.

Таща три тяжёлые баржи, большой теплоход приблизился к северной оконечности моря на сто семьдесят пять километров. Там он вошёл в знаменитый Волго-Каспийский судоходный канал.

Но сколько любознательный Яков не вертел головой, он не заметил вокруг никаких берегов. Куда ты не глянь, кругом

виднелись одни невысокие зеленоватые волны.

Как объяснил парню майор, данный канал представлял собой лишь большую траншею, по которой ходили морские суда. Её здесь проложили в конце прошлого века.

А чтобы пробить данный фарватер, на мелководье привели на буксире большие плавсредства, что зовут земснарядами. Они отчерпали со дна огромное количество грунта и погрузили на баржи. Те, в свою очередь, свалили песок в глубоких местах. Так и создали безопасный проход.

Как сообщил старый матрос, его глубина достигала пяти с лишним метров, а ширина составляла сто двадцать – сто тридцать. Корабли большого размера свободно расходятся без всяких проблем.

Пришло раннее утро нового дня. Плавание по Каспийскому морю продолжалось так же, как раньше, совершенно спокойно. Яков недавно проснулся. Привёл себя в полный порядок и быстро позавтракал с четырьмя офицерами. Подкрепившись, он сел на свёрнутую «в подушку» шинель и стал смотреть на лениво идущие низкие волны.

Во время отплытия судна, двое солдат поднялись на крышу надстройки их теплохода. Регулярно сменяясь, дежурные были там постоянно. Они осматривали весь небосвод в старый армейский бинокль.

Всё было тихо до настоящего времени. Яков решил, что фронт ещё далеко. Немецкие асы сюда прилетали лишь вре-

мя от времени. Скорее всего, корабль, без проблем доберётся до Астрахани. Ну, а потом, будет значительно хуже.

Именно в этот момент, всё вокруг изменилось. На краю горизонта появились тёмные точки. Солдаты заметили их, дёрнули за тонкую проволоку и подали сигнал в капитанскую рубку.

Тут же раздался гудок теплохода. Включились все репродукторы, что висели на судне. Над морем разнёсся взволнованный голос молодого матроса: – Боевая тревога! Слева по курсу самолёты фашистов!

Из корабельного трюма выскочило отделение красноармейцев с винтовками «Мосина». Бойцы посмотрели в разные стороны и заметили в небе три силуэта, летящие с запада. По команде сержанта, все взяли оружие наизготовку. Они передёрнули затворы оружия и стали выцеливать ближний бомбардировщик.

Едва тот приблизился на две сотни метров, бойцы одновременно открыли пальбу. Видно, надеялись, если не убить одного из пилотов, так хоть чем-нибудь повредить грозной машине.

Тем временем, наблюдатель отвёл от глаз тяжёлый бинокль, висевший у него на груди. Оба стрелка подошли к установке, стоявшей на корабельной надстройке, и принялись её разворачивать в сторону летящих врагов.

Четыре пулемёта «Максим» размещались на грубо сваренной металлической раме. Впереди к ней крепились объ-

ёмные кожухи с длинными патронными лентами. Каждая полоса из брезента вмещала пять сотен зарядов.

Концы этих лент были заправлены в приёмные щели пулемётных затворов. Вся эта конструкция крепилась к прочной треноге, доходящей бойцу до середины груди.

Внизу, возле турели лежали запасные контейнеры с боеприпасами. Второй номер расчёта присел рядом с ними и стал открывать короба один за другим. Стрелок взялся за ручки, навёл пулемёт на первый бомбардировщик и потянул на себя, тягу спускового устройства.

Четыре ствола загрохотали все разом. В утренний воздух рванулось великое множество пуль. Следы белых трассеров ушли в синее небо, но они пролетели в сорока с лишним метрах от самолёта. Вторая очередь тоже не принесла результата.

Офицеры-зенитчики переглянулись и, не сговариваясь, метнулись к стене капитанской надстройки. Яков вдруг оказался чуть ближе к узенькой лесенке, ведущей на крышу.

Он ловко взобрался наверх. Подбежал к молодому сержанту, ведущему бестолковый огонь, и приказал отойти ему в сторону. Пулемётчики удивлённо посмотрели на парня. Они сразу заметили алые кубики в чёрных артиллерийских петлицах, и не осмелились спорить с молодым командиром.

Яков занял место первого номера. Встал под подплечники небольшой установки и посмотрел на ведущий бомбарди-

ровщик. В воздухе двигался отлично знакомый зенитчику, двухмоторный «Junkers 88». Парень его часто видел на фотографиях, висевших в бакинском училище.

Это был самый универсальный и самый массовый самолёт фашистских люфтваффе. Он мог нести на себе две с лишним тонны всяческих бомб или же несколько крупных торпед.

Немного отстав от сокурсника, Алесь подошёл к нему сбоку. Бросил взгляд на круглую рамку прицела и поправил сбившееся при сварке кольцо, изготовленное из простой ржавой проволоки.

Проверяя лёгкость хода стволов, Яков повёл ими вверх-вниз и справа налево. Поймал в перекрестье фашистского аса. Набрал полную грудь прохладного воздуха и открыл ураганный огонь.

Зенитчик заметил, что первая очередь пролетела мимо стервятника. Он тут же сделал небольшую поправку, что предложил стоящий рядом приятель, и снова нажал на железную тягу. В этот раз, десяток бронебойных цилиндриков смачно вошли в длинное крыло самолёта.

По дюралевой плоскости прошла короткая очередь пуль. Ощувив дрожь от ударов, немецкий пилот повернул голову, и посмотрел на повреждённый врагом фюзеляж. Он с испугом заметил, что правый двигатель бомбардировщика начал чихать и дымить.

Лётчик решил, следует без промедления выйти из боя. Он

резко подал штурвал в левую сторону и направил машину на север, к ближайшему берегу. Иначе спустишься на парашюте на воду и даже на резиновой шлюпке не доберёшься до суши. До неё больше ста километров.

Стараясь облегчить самолёт, лётчик откинул чёрную крышку, размещённую в верхней части гашетки. Ни секунды не медля, он сильно вдавил большую красную кнопку.

Широкие люки тотчас распахнулись. Смертоносные бомбы градом посыпались в море. К счастью советских людей, они все упали в стороне от судов. К небу поднялись султаны разрывов, которые не причинили вреда.

Следя за уходящим фашистом, Яков продолжил стрелять в дымящийся хвост самолёта. Секунд через десять, немецкий стервятник был уже далеко. Парень так и не понял, попал в него снова или же нет?

Яков стрелял в головную машину. Остальные бомбардировщики заметили это и изменили маршрут. Они приняли вправо и напали на два корабля, идущие за большим теплоходом.

Оказалось, что стоявшие там, пулемётчики подготовлены значительно хуже, чем выпускники знаменитой «БУЗы». Поэтому они все промахнулись.

Фашисты подлетели вплотную к судам и сбросили по несколько бомб. Две из них всё же нашли свою цель. Они врезались в середину той баржи, что шла третьей в строю.

Раздались громкие взрывы. В воздух взметнулся столб красного пламени и чёрного дыма. В разные стороны полетели обломки фальшборта и куски ржавой палубы. Среди них промелькнули фигурки людей. Кто-то был ещё жив и беспомощно дёргался в воздухе, как марионетка на ниточках

Внутри несчастного судна, что-то оглушительно грохнуло. Корабль разломился на две почти равные части. Передняя часть сухогруза подняла нос к синему небу и быстро ушла в зеленоватую воду. Корма продержалась на зыбкой поверхности ещё минут пять или шесть. Потом, и она затонула.

Каким-то неведомым чудом, моряки со второй и четвёртой посуды успели всё сделать, как нужно. Они перебили все тросы, что связывали их караван в единое целое. Иначе, обломки разорванной баржи утянули бы всех за собою на дно.

Не успели матросы облегчённо вздохнуть, как самолёты вернулись назад. Фашисты снова напали на застывшие в море плавсредства. Теперь они приближались с востока, со стороны вошедшего солнца.

Один из пилотов решил, что стоит напасть на большой теплоход. Ведь эта добыча намного крупней и значительней баржи. Фриц ринулся к ней. Возле его самолёта появились следы частых трассеров. Несмотря на лучи, бьющие прямо в глаза, Яков стрелял очень неплохо.

Фашист нерешился подойти ещё ближе и отвернул в левую сторону. Сброшенные стервятником бомбы упали, не

долетая до цели. Второй вражеский ас оказался более точным.

Его боевые снаряды угодили в четвёртое судно. Взрывы разворотили корму, но к счастью всех пассажиров, баржа не потеряла плавучесть. Пожар на ней тоже не смог разгореться. Матросы быстро управились с ним.

Тем временем, все пулемётчики приноровились к стрельбе из счетверённых «Максимов». Множество пуль, стало свистеть рядом с машинами фрицев. Это заставило лётчиков изрядно понервничать.

Теперь они целились не так хорошо, как было нужно, и все промахнулись. Сделав два неудачных захода, самолёты растратили боезапас. Они одновременно повернули на запад и, обойдя караван по дуге, отправились на немецкие базы.

Яков взглянул на солдат, которые всё время налёта находились поблизости. Бойцы напряжённо смотрели, что и как делал зенитчик, а заодно, выполняли обязанности вторых номеров боевого расчёта.

Они очень ловко меняли опустевшие ленты, на снаряженные боевыми патронами. Все готовились встать на место стрелка, если бы с ним, что-то случилось.

Лейтенант дал им несколько толковых советов по обращению с грозным оружием. Затем, облегчённо вздохнул и вместе с сокурсником двинулся к краю надстройки.

Яков спустился вниз по узенькой металлической лесенке

и встал на ржавую палубу. Парень поднял глаза. К нему, улыбаясь, подбежали молодые офицеры-бакинцы.

Они окружили артиллеристов. Стали радостно хлопать их по плечам и хвалить за отличные стрельбы. Затем, подошёл невозмутимый майор. Не говоря ни единого слова, он крепко пожал руки зенитчикам. Они оба смутились от такого большого внимания.

Восторги друзей-пехотинцев немного утихли. Яков тихо сказал: – Хорошо, что у фрицев не имелось торпед. Иначе бы сбросили их на подлёте к судам и утопили нас в море, словно котят.

Благодаря воздушной атаке, караван понёс очень большие потери. Он сократился на четверть и теперь состоял из теплохода и двух внушительных барж. Одна, из которых оказалась сильно разрушена. Хорошо, что ещё была на плаву.

Конец долгого дня и короткая ночь, прошли совершенно спокойно. Где-то на севере, надсадно гудели бомбардировщики фрицев. Корабли не включали огней и ли в темноте. Так что, враги не заметили их. Ни один самолёт не появился в непосредственной близости.

Астрахань

Ближе к полудню, короткий конвой, приблизился к раскидистой дельте великой русской реки. Покинув Волжско-Каспийский судоходный канал, корабли вошли в самую западную протоку разветвлённой водной системы. Как сказал старый матрос, она звалась Бахтемир и вела к порту Оля. Оттуда рукою подать до главного русла.

Теперь суда продвигались на север по извилистому фарватеру Волги. Они поднимались вверх по течению, обозначенному справа и слева малозаметными вешками.

Двадцать шестого августа, небольшой караван, наконец-то, добрался до конечной точки маршрута, до города Астрахани. Уже на закате, он встал у совершенно пустого причала.

В несколько ловких движений, офицеры скрутили шинели в плотные скатки. Быстро связали их ремешками и перекинули через плечо. Затем, подняли с палубы свои немногие вещи.

В отличие от пассажиров, нагруженных многочисленным скарбом, выпускники бакинских училищ самыми первыми спустились по сходням на берег. Вслед за майором они отправились в комендатуру волжского порта.

Там командиры узнали, где же находится нужный им ка-

бинет. Опять они отстояли длинную очередь, и, наконец-то, попали к дежурному. Он был сильно измучен большим потоком людей. Прибывавших сюда оказалось так много, что он не успевал разбираться с бумагами.

Через пару часов, офицеры отметили свои документы. Они узнали у служащих: – Где выход из порта? – и двинулись в указанном им направлении. Минут через десять командированные на фронт очутились у небольшой проходной.

Один за другим, прошли сквозь вертушку и оказались на совершенно пустынной запущенной улице. Майор спросил у охранника: – Как добраться до железнодорожного вокзала вашего города?

– Наш общественный транспорт дано уж не ходит. – ответил небритый боец, одетый в потёртую форму пехоты: – Поэтому, вам всю дорогу придётся топтать пешком. Пройдёте вдоль тех путей около пяти километров и попадёте на место. – он устало махнул рукой на восток.

Военные закинули за спину полупустые вещевые мешки и отправились в путь. Топая по пыльной дороге, Яков растерянно думал: – «Интересно, почему в этом городе не работает рельсовый транспорт? С автобусами всё мне понятно, их реквизировала РККА на военные нужды.

Ведь нужно доставить людей и оружие на передовую, а обратно везти сотни раненых воинов, но вот куда делись трамваи? Их ведь на фронт не отправишь и не сможешь исполь-

зовать в качестве санитарных машин. Скорее всего, у них здесь нелады с электричеством. Не хватает жидкого топлива для генераторов».

Скромный отряд прошёл сто с чем-то метров, вышел на широкую улицу и оказался на пустой остановке. Об этом им сообщил жёлтый плакатик с большой красной литерой «Т» в белом кругу. Там офицеры увидели нечто весьма необычное.

Выяснилось, что две колеи, ведущие в разные стороны, плотно забиты, но не трамваями, как они ожидали. Везде находились железнодорожные грузовые платформы, теплушки, и даже вагоны для пассажиров дальнего следования.

Удивлённо переглянувшись, мол, что это значит, офицеры пожали плечами и двинулись дальше. Скоро они убедились, что чем ближе подходили к центральным районам, тем хуже обстояли дела с рельсовым транспортом.

Теперь подвижной состав стоял не только на рельсах и вдоль них на земле, но и везде, где только возможно. Все скверы и небольшие площадки между домами тоже были забиты подвижным составом.

У Якова создалось впечатление, что он шагал по полустанку, давно позабытому нашей страной. Его ощущение усиливало то обстоятельство, что многие колёсные пары вдавливались в мягкую почву и погрузились в неё по самые буксы.

Скоро совершенно стемнело. Высоко в облаках послы-

шался звук самолётов, летевших с проклятого запада. Сзади, со стороны речного порта, раздались частые выстрелы крупнокалиберных зенитных орудий. Их сопровождали удивительно мощные взрывы. Минуту спустя, над землёй поднялось яркое зарево большого пожара.

– Похоже, что бомба попала в баржу с горючим. – хмуро бросил майор: – Семьсот километров тащили её из Баку, а прилетели фашисты и без всяких хлопот сожгли возле Астрахани. Где же наши прославленные «красные соколы»? Спят, как сурки, или давно уже сбили их в воздушных боях?

Как и все остальные, Яков тотчас повернулся в сторону Волги. Как ему показалось, они отошли от реки на два с небольшим километра. Лейтенант посмотрел на буйные красные всполохи, закрывшие часть горизонта, и со страхом подумал о людях, которые мечутся в пылающем пекле.

Наверняка, они безуспешно пытались, сбить очень высокое пламя. Ведь нужно, как можно скорее, тушить огромный пожар и спасти оружие с топливом, привезённое с Каспийского моря.

Возвращаться назад офицеры не видели смысла. Пока добежишь до расположения порта, там всё благополучно сгорит. К тому же, на проходной стояла охрана, которая никого не пропустит без пропуска. А будешь им что-то доказывать, так примут за диверсантов и пальнут из винтовки без долгих раздумий.

Откуда-то слева, послышался громкий хлопок. К нему

прибавилось злое шипение, словно струя сжатого воздуха выходила из проколотой шины. В небо взвилась небольшая ракета. Точно такими патронами подавались сигналы в войсках. Сияя ослепительным блеском, яркий сгусток огня полетел в сторону порта и, застыл над его территорией.

Справа раздался такой же отрывистый звук. Ещё один мощный «светильник» зажётся в безоблачном небе. Из разных мест одна за другой вылетали пылавшие «люстры». Они повисали на небольших парашютиках и указывали бомбардировщикам фрицов дорогу к причалам.

– Что ж мы стоим? – крикнул кто-то из молодых лейтенантов: – Нужно поймать этих мерзавцев!

Майор укоризненно глянул на возбуждённых попутчиков. Они были готовы сорваться на бег и броситься в плотную тьму на поиски пособников немцев. Мужчина грозно нахмурился и приказал: – Стоять всем на месте!

Заметив удивлённые взгляды парней, пожилой офицер доходчиво всё объяснил: – Шпионы отлично вооружены, а у нас один пистолет на пятерых и всего две запасные обоймы. Они замечательно знают весь этот район, а мы тут впервые.

Так что, перестреляют нас здесь, как куропаток на убранном поле. Кроме того, судя по количеству вспышек ракет, их здесь значительно больше, чем нас. Посмотрите туда. – Степан Сергеич указал в направлении вокзала, куда они все направлялись.

Над центральным районом тихого города тоже висело четыре огня. Там часто грохали большие зенитки. Слышались звуки мощной бомбёжки, и уже разгоралось пламя большого пожара.

– Откуда здесь столько фашистов? – изумился азербайджанец Тофик Бабаев: – Ведь мы же находимся в нашем глубоком тылу?

– К сожалению, это не немцы. – устало ответил майор: – Это бывшие советские граждане. Скорее всего, те, кому совсем не нраву советская власть. Таких в нашей стране процентов сорок, не меньше. Это бывшие богатые люди, лавочники, кулаки, служители церкви, офицеры царской империи, полиции или охраны.

У них всех имелись взрослые дети, в которых они воспитали ненависть к нашему строю. Сюда можно прибавить и тех, что оказались в плену в самом начале войны, в 41-м году. Они не хотели терпеть лишения и голод в немецких концлагерях. Поэтому, лишь появилась возможность, тотчас перешли на сторону фрицев.

После небольшой подготовки, их всех забросили сюда самолётами. Предатели спустились на парашютах, где-то за городом, затерялись в неразберихе прифронтной полосы и усердно работают на новых хозяев.

Яков уже часто услышал, как Степан Сергеич употребил слово фрицы. Он вспомнил о том, что таким же макарон, немцев называл и старик, что жил у них во дворе. Ветхий дед

был на фронте в Первую мировую войну. Иногда он говорил о тогдашних врагах, как о гансах или германцах.

Вдалеке раздались длинные трели милицейских свистков. К ним тут же прибавился топот нескольких ног и редкие выстрелы пистолетов, револьверов и «мосинок».

– Ну вот и наряд сюда подоспел. – хмуро бросил майор: – Пусть занимаются своим прямым делом, а нам нужно двигаться дальше.

Следуя за Степаном Сергеевичем, Яков неожиданно вспомнил о том, 1 сентября 1939 года Германия внезапно напала на Польшу. Почти беспрепятственно, вермахт ворвался вглубь её территории, а оттуда, двинулся дальше, к границам Союза Социалистических Советских Республик.

Правительство СССР совсем не желало увидеть фашистов у своих рубежей. Оно не стало спокойно смотреть на агрессию Гитлера. 17 сентября, Рабоче-крестьянская Красная армия тронулась с мест своей дислокации и устремилась в восточные области соседней страны.

В состав нашей державы вошли Западная Украина, Западная Белоруссия и часть Виленского края, которая, лет двадцать назад, отошла к буржуазной Литве. Благодаря той операции, возникло большое предполье, что размещалось между Советским Союзом и нападающей армией фюрера.

Продвижение войск было удивительно мощным и очень стремительным. Вельможные паны не смогли оказать до-

стойного сопротивления соседней державе. Всё это опять подтвердило, насколько сильны советские вооружённые силы.

Жители присоединённых земель вовсю ликовали. Они встречали солдат хлебом и солью, а так же цветами и транспарантами алого цвета. На лицах людей было написано, что они очень рады такому большому событию.

Всё это Яков видел в кинотеатрах Баку, где постоянно крутили кино о «Польском походе». Там же мелькали весьма необычные кадры. Командиры РККА встречались с офицерами вермахта и принимали совместный парад советских освободительных войск. И те и другие военачальники говорили о дружбе наших народов на долгие годы вперёд.

В напряжённой учёбе, почти незаметно, прошёл 1939-й. За ним наступил 1940-й. К этому времени в город вернулись сотни военных, благополучно отбывших срочную службу. Среди них оказались и те, кто смог поучаствовать в освободительной операции РККА.

По Баку поползли невероятные слухи. В них говорилось о том, что жители присоединённых земель не очень довольны тем, что случилось. Оказывается, они совсем не хотели, оказаться в Советском Союзе.

Якова поразил рассказ одного паренька, с которым он постоянно встречался в училище. Николай рассказал ему этот случай, как довольно нелепую, смешную историю. Однако,

всё это подростку показалось достаточно странным.

По словам одногруппника, его старший брат участвовал в том знаменитом походе. Их военная часть вошла в небольшое селение. Оно выглядело настолько ухоженным, что хоть сейчас, снимай на видовую открытку. Всех советских солдат разместили в домах местных жителей и дали кратковременный отдых после тяжёлого марша.

Офицеры предупредили бойцов, чтобы те оставались настороже. Немедленно выяснилось, что командиры говорили об этом не зря. По ближайшей округе крутились отряды «польских панов», вставших на сторону Гитлера. Однако, в городок они не совались.

Патрули советских бойцов регулярно обходили все улицы. Так что, там было тихо. Лишь иногда доносились редкие выстрелы вражеских снайперов. Они хоронились в лесу, расположенном рядом, и били по тем бойцам, что решились пройти по окoliце.

Оказавшись в такой безопасности, уставшие в походе, солдаты отсыпались целыми днями. Время от времени, офицеры давали команду, провести быстрый рейд по окрестностям.

Солдаты прочёсывали ближайшие заросли и уничтожали таящихся там «партизан». Затем, возвращались в небольшой городок. Чистили и ремонтировали боевое оружие. Приводили в порядок обмундирование, потрёпанное в большом переходе, и ждали того пополнения, что им обещали военна-

чальники фронта.

Одно отделение разместили в просторном зажиточном доме, расположенном возле окраины. Большое хозяйство принадлежало крепкой, уверенной женщине лет сорока. Звали её пани Ядвига.

С её слов выходило, что муж этой дамы являлся поручиком Польского Войска. Защищая страну от армии Гитлера, он героически погиб в самом начале военной компании. Двое малолетних детей находились у бабушки, жившей на хуторе. Других родных у неё не осталось.

Кроме хозяйки, у дома крутилось три огромных собаки. Они охраняли обширный участок с приличным числом дворовых построек. Среди добротных сараев имелась конюшня на четырёх лошадей. Там же стоял хлев на десяток свиней, да пара вместительных птичников. Один был для кур, второй для гусей.

Много советских солдат прибыло в полк из российской глубинки. Деревенские парни с нескрываемой завистью смотрели на большое подворье, и удивлённо пожимали плечами. Все недовольно ворчали, что невозможно одной крепкой женщине справиться с подобным хозяйством.

Для того, чтоб содержать всё в порядке, нужно иметь пять или шесть батраков. Тем более, как обмолвилась полька, у неё имелись поля, засеянные пшеницей и рожью. На них ведь тоже, должен кто-то трудиться. Наверняка она нанима-

ла около десяти человек.

Неулыбчивая пани Ядвига никогда не вступала в споры с бойцами и помогала всем, чем могла. Она добровольно взяла на себя чрезвычайно большую заботу. Хозяйка стала готовить еду для всех постояльцев. Причём, делала это без всякого ропота три раза каждые сутки.

Пища всегда была очень свежая, вкусная и в том количестве, которое нужно для голодных людей. Блюда всем подавались, как в ресторане, на новой посуде, и каждому в отдельной тарелке. Сервировка блистала своей чистотой.

В кои-то веки, бойцы оказались под крышей прекрасного дома, а не в тесной казарме. Они были сыты, спокойны и ничем особым не заняты. Все хорошо понимали, что, три раза в день, кормить девять здоровых мужчин весьма тяжело. Да и возиться с горами посуды непростая задача.

– Когда она всё успевает? – удивлялись бойцы. Все постоянно хотели ей чем-то помочь. Предлагали ей дров нарубить для печи, почистить лук и картошку, вымыть тарелки после еды.

Хозяйка позволяла им делать чёрновую работу, но только сама всегда занималась всем остальным. Она никого не пускала в просторную кухню. Особенно перед тем, как всех приглашала поесть.

Стол находился в великолепной гостиной. Он был настолько большим, что за ним умещались все бойцы отделения. Пани Ядвига пчёлкой металась между плитой и столо-

вой. Расторопная женщина, как официантка, быстро обслуживала голодных солдат.

Замечательный отдых продолжался так пару недель. Потом, из тыла пришло обещанное полку пополнение. Прибывших людей распределили в подразделения, где возник недостаток в ходе большой операции. Кто-то был ранен в скоротечных боях, кто-то вдруг заболел и отправился на лечение в госпиталь. В частности, в их отделение, тут же зачислили двух новых бойцов.

Командир осмотрел шеренги солдат и остался доволен их внешним видом. Ещё он сказал короткую речь о заботе товарища Сталина, направленной на Красную армию. Напоследок, он заявил, что завтра в девять утра, часть отправится дальше на запад.

После плотного и очень вкусного завтрака, солдаты дружно поднялись из-за стола и с явной грустью глянули по сторонам. Они постарались запомнить такой замечательный дом, где очень спокойно прожили полмесяца.

Затем, все попрощались с хлебосольной пани Ядвигой. Дама невозмутимо послушала их тёплые речи, и довольно прохладно кивнула. Так же, как и всегда, она принялась собирать грязные тарелки, ложки и вилки. Складывать посуду в высокие стопки и уносить всё в просторную кухню.

Солдаты направились к выходу. Подхватили оружие и вещмешки, стоявшие возле дверей. По очереди вышли во

двор. Построились в короткую линию и рассчитались. Как ожидалось, все оказались на месте и никто ничего не забыл.

Сержант дал команду: – Налево! – а затем: – Шагом марш!

Походным порядком, отделение двинулось к расположению взвода.

Замыкавший шеренгу, брат Николая был сильно тронут радушием пани Ядвиги. Боец решил напоследок сказать ей ещё раз «большое спасибо». Он немного отстал от друзей и устремился к богатому дому, мимо которого все проходили. Солдат заглянул в раскрытое настежь окно. К своему удивлению парень увидел такую картину.

Полька стояла, согнувшись, и ставила на пол использованные недавно приборы. Возле неё находились все три дворб-ые псины. Они вертелись вокруг и дружно глотали остатки еды, лежавшей в грязной посуде.

Заметив, что на какой-то тарелке не осталось объедков, женщина брала её с пола. Опускала в ведро с грязной водой и ополаскивала лёгким движением руки. Почти тотчас вынимала и ставила на деревянную полку.

К удивлению солдата, облизанный псами и побывавший в помоях, фаянс удивительно ярко сверкал белизной. Парень очень любил всяких животных. В его доме всегда жили питомцы разного рода. Он иногда, их кормил прямиком со стола. И собака и кошка частенько облизывали пальцы хозяина.

Молодой человек не обращал на это внимания, и не бегал

тотчас ополаскивать руки. Поэтому, боец не расстроился от того, что увидел. Солдат усмехнулся и побежал за друзьями, ушедшими немного вперёд. Он догнал своё отделение, построился в хвост короткой колонны и двинулся следом.

Солдат понимал, что не все сослуживцы относятся к домашним зверькам с той же любовью, как он. Многие люди очень брезгливы. Если б подобные граждане знали, как поступала пани Ядвига, всё бы закончилось плохо. Они вернулись назад и расстреляли её вместе с огромными псами.

Полк быстро покинул селение. Лишь после этого, в голове молодого бойца возникла новая мысль: – Раз женщина так ненавидела советских солдат, то могла поступать и значительно хуже. Например, плевать в любую тарелку и даже мочиться в еду, приготовленную для проклятых врагов.

– «В следующий раз, нужно всё будет готовить самим». – решил красноармеец и тихо добавил: – «Если, конечно, нам доведётся, пожить в доме богатых поляков и немцев...

Выслушав этот рассказ, Яков взглянул на приятеля, что со смехом рассказывал эту историю. Он вежливо улыбнулся в ответ, а сам вдруг подумал с неожиданной горечью:

– «Значит, не всем пришлось по нутру освобождение Западной Белоруссии и Украины. Особенно местной буржуазии. Тем, кто как Ядвига владели большими поместьями, заводами и другим производством. Мужчины из этих семей ушли в «партизаны». Женщины остались в домах и вредили

войскам, как могли.

Но если та женщина так ненавидела советских солдат, то могла делать то, о чём не подумал брат моего одноклассника. Опасаясь расстрела, она, конечно, не стала б травить их насмерть стрихнином. Однако, ей нечего бы не стоило подсыпать им в пищу мышьяк. От малых доз этого яда человек не умрёт, но начинает сильно болеть».

Вспомнив события позапрошлого года, Яков сказал про себя: – После нападения Гитлера на Советский Союз, всё изменилось в худшую сторону. Пани Ядвига и люди, которые думали так же, как эта полячка, наконец-то, дождались своего звёздного часа. Теперь, они могут, вредить нам, совершенно открыто. Да ещё получать боевые награды от бесноватого фюрера.

Прошагав два или три километра, офицеры добрались до нужного места. Вокруг него, ярко горело несколько деревянных домов, сильно разрушенных взрывами бомб. В красных всполохах пламени, Яков увидел широкую площадь.

Она оказалась заставлена подвижным железнодорожным составом. Вся территория оказалась плотно забита, так же, как и все близ лежащие улицы и трамвайные рельсы тёмного города. Лишь вдоль длинного здания оставалась полоска дороги, мощёная серым булыжником.

Пять офицеров пробрались между пустыми теплушками, стоящими на голой земле, и очутились возле вокзала. Как

объяснил лейтенантам майор, он был построен в «мавританской манере» прошлого века.

На взгляд коренного бакинца, здание весьма походило на мечеть мусульман. Центральная часть его украшалась тремя узкими окнами стрельчатой формы, объединёнными в общую рамку. Только купол сооружения оказался не круглым на плане, словно половинка арбуза, как делали всегда на востоке. Здесь он был в основании, почему-то, квадратным.

Благодаря такому решению зодчего, сбоку он больше всего смахивал на огромную юрту степного кочевника. Не очень давно, по двум сторонам от странного свода, располагались прямоугольные флигели с пологими, двускатными крышами.

Какое-то время назад, крыло, что находилось с востока, пострадало от попадания внушительной бомбы. Сильный взрыв разрушил торцовую стену и превратил часть прекрасного здания в кучу мелкого щебня.

С другой стороны от вокзала находились пути железной дороги. Между ними темнели большие воронки. В непосредственной близости дымились остовы трёх пассажирских вагонов, недавно сгоревших дотла.

Кое-где стояли пожарники. Они были одеты в брезентовые мешковатые робы. На всех виднелись французские каски времён первой всемирной войны. Насколько знал Яков, их разработал генерал Огюст Адриан ещё в начале двадцатого века. Головные уборы, имели козырёк впереди, как у ка-

кой-нибудь кепки, поля шириною в два пальца, небольшой назатыльник и гребешок на макушке.

Одни огнеборцы держали брандспойты в руках. Другие работали ручными насосами, имевшими вид коромысла. Они качали воду из ближайшего резервуара и заливали сильное пламя слабой струей.

Вокруг суетились три или четыре бригады из «скорой помощи». Белые когда-то халаты были испачканы сажей. Время от времени, к машинам прибегали утомлённые медики с тяжёлыми ручными носилками.

Они грузили увечных в кузова «санитарных карет» и закрывали узкие дверцы, с красным крестом. Завывая сиренами, переполненные людьми, экипажи срывались с места и пропадали во тьме мрачных улиц.

По ржавым рельсам неспешно тащился небольшой паровозик, что в народе называли «Кукушкой». К заднему буферу локомотива был прикреплён металлический трос.

Приглядевшись к концу небольшого буксира, Яков вздрогнул от ужаса. Оказалось, что к нему прочно привязана немецкая авиационная бомба, весом в двести пятьдесят килограммов.

Видно, она не взорвалась от удара о землю. Вот её и решили оттащить от перронов подальше. Ведь кто его знает? Вдруг в ней установлен взрыватель замедленного действия, который может сработать неизвестно когда? Чаще всего, это

случается в самый неподходящий момент. Когда рядом окажется очень много людей.

Набитый тротилом, цилиндр волочился вдоль низкой галечной насыпи. Время от времени, он бился о шпалы и рельсы. Звук получался удивительно громкий. У зенитчика мороз драл по коже. С замиранием сердца, лейтенант ожидал, сейчас прогрехочет оглушительный взрыв.

На счастье механика с чумазым лицом и, всех, кто находился поблизости, этого пока не случилось. «Кукушка» укадила во тьму и, вместе со смертоносным снарядом, исчезла из виду.

Лишь после этого, Яков заметил, что долгое время стоял не дыша. Он набрал воздуха в грудь и едва не закашлялся от гари и копоти, наполнявшего атмосферу вокруг. Парень чуть усмехнулся. Снял войсковую фуражку и вытер рукой мокрый лоб.

Офицеры дождались завершения пожарных работ, которые длились почти до рассвета. В шесть утра, майор нашёл коменданта вокзала и, вместе с молодыми попутчиками, предъявил свои документы.

Капитан просмотрел протянутую пачку бумаг, и послал однокашника Якова в комендатуру города Астрахань. Теперь он поступал в распоряжение местных властей.

Алесь узнал, как ему удобней добраться до нужного адреса. Простился с товарищами по путешествию из Баку на

войну. Крепко обнялся со своим земляком и ушёл в указанном ему направлении. Больше зенитчики никогда не встречались.

Всем остальным военнослужащим, а кроме четырёх офицеров, их оказалось немало, комендант объяснил, что вчера и сегодня, самолёты фашистов устроили мощный налёт на магистраль Астрахань – Урбах.

Насколько знал любознательный Яков, она имела стратегическое значение для фронта и проходила по левому берегу Волги. Именно по этим путям к Сталинграду бежали сотни составов. В них находилось горючее, оружие, продовольствие, а так же, иностранная техника, поставляемая в СССР союзной Америкой через Иран.

Во время бомбёжки фашистов, все железнодорожные разъезды и станции, а так же и насыпи, во многих местах, были сильно разрушены. Благодаря чему, создались многокилометровые пробки. График движения всех поездов безвозвратно нарушен.

В Астрахани скопилось большое количество подвижного состава. Обстановка стремительно ухудшается изо дня в день. Ремонтные бригады путейцев и бойцы железнодорожных частей РККА трудятся целыми сутками без передыха.

Как только удастся восстановить расписание, все военнослужащие тут же отправятся в подразделения, к которым приписаны. Но это случится не раньше, чем через сутки.

Мест в переполненном зале для ожидания, увы, не на-

шлось. Три лейтенанта с майором расположились в одной из теплушек, стоявшей на площади возле вокзала. Благо, что их оказалось в избытке. Офицеры хорошо подкрепились. Расстелили шинели на дощатом полу и дружно отправились на боковую.

Ближе к полудню, командировочные разом проснулись. Они пообедали и сразу же выяснили, что продовольствие, взятое ими в Баку, почти что закончилось. Офицеры отправились в городскую комендатуру. Там, как всегда, отстояли длинную очередь и предъявили сертификаты РККА.

Им выдали ордера на получение «сухого» пайка. С подписанными начальством бумагами пришлось прогуляться на воинский склад, расположенный в противоположном конце протяжённого города. Затарившись пищей на пять дней вперёд, они все направились обратно, к вокзалу.

После плотного ужина офицеры узнали, что первый поезд пойдёт в шесть утра. Они стали думать, чем бы заняться до этого времени? До наступленья рассвета, делать им было, в общем-то, нечего.

Кто-то из пехотинцев с грустью сказал: – Как жаль, что Астрахань стали бомбить по ночам. А то отпросились бы у Степана Сергеича, сходили бы в парк «Культуры и Отдыха» и познакомились с местными девушками. Потанцевали, проводили красавиц домой, а потом, вернулись назад.

Пожилой офицер пристально глянул на закавказских пар-

ней. Было понятно, что они застоялись от большого безделья, словно крепкие кони. Он усмехнулся, но ничего не сказал.

Майор хорошо помнил то время, когда был и сам таким же молодым и горячим, как три лейтенанта. В те далёкие годы, он точно так же, бежал на свидания к юным девицам.

Степан Сергеевич отошёл в угол теплушки, в которой они провели прошедшую ночь. Постелил шинель на полу подальше от двери. Лёг на бок так, чтобы пистолет был всегда под рукой, и мгновенно уснул.

Яков посмотрел на майора и невольно подумал: – «Что значит опытный боевой офицер, много бывавший на фронте. Давно научился, спать про запас, в любое свободное время».

Приближение к фронту

Утром двадцать седьмого августа, Степан Сергеич встал самым первым. Стараясь не разбудить молодёжь, он быстро привёл себя в полный порядок. Немного открыл откатную дверь так, чтобы проскользнуть в щель бочком, и тихо выбрался из тесной теплушки.

Майор легко спрыгнул на землю, отправился на астраханский вокзал и отыскал коменданта. Тот проводил совещание прямо на железнодорожном перроне. Наконец, уставший за ночь, капитан разогнал своих подчинённых с важными для них поручениями.

Пожилой офицер подошёл и спросил: – Как ведутся дела с отправкой войск к Сталинграду?

Серый от недосыпа военный сказал, что на подступах к сортировочной станции сформировали «двойной» эшелон. В него входят платформы с воинской техникой и теплушки с солдатами. Кроме того, к нему прицепили плацкартный вагон для командиров РККА.

Степан Сергеич вернулся назад. Разбудил трёх ребят и дал им минуту на сборы. Услышав долгожданный приказ, Яков с товарищами тотчас оживились и быстро собрали свои немногие вещи.

Все выпрыгнули из «товарняка», бывшего домом две но-

чи подряд. Направились в указанном им направлении, и среди множества длинных составов нашли то, что было нужно. Майор пообщался с проводником и показал ему документы. Железнодорожник открыл для него одну из дверей. Офицеры шагнули в купе на четырёх человек и стали в нём размещаться.

На правах старшего в группе, Степан Сергеич занял нижнюю полку, что была расположена спиной по ходу движения. Бакинцам осталось лишь лечь на жребий.

Они извлекли из коробки три очень похожие спички. Отломали у одной деревяшки кусочек с нижнего края и получили две длинных и одну короткую палочку. Яков крепко зажал их между пальцев. Ребята тотчас разыграли – кому, где лечь?

Армянин Хорен Гарамян оказался самым везучим из тройки ребят. Он расположился через проход с пожилым офицером. Яков и другой пехотинец – Тофик Бабаев, быстро устроились на жёстких верхних местах.

Немного позднее, вошли ещё два молодых лейтенанта. Из доклада майору, Яков узнал, что они сопровождали бойцов, ехавших в обычных теплушках. Пехотинцы пришли уже после делёжки. Им достались места на третьем ярусе полка, расположенных под крышей вагона.

Все предыдущие дни, солнце светило вовсю. Жара в городе Астрахани стояла ничуть не слабее, чем в знойном Баку. Температура под потолком поднялась удивительно сильно.

Забравшись на верхотуру, лейтенанты тотчас ощутил весьма неприятную вещь. Воздух там оказался горячим, словно на верхнем полке русской бани. Ребята утешали себя: – Ничего! До Сталинграда всего четыреста с небольшим километров. Доедем туда с ветерком, за восемь, самое многое, за десять часов.

Бакинцы согласились с двумя офицерами, но все они очень сильно ошиблись. В семь утра поезд тронулся в путь. Вот только двигался он удивительно медленно. Совершенно не так, как раньше думали молодые ребята.

Вагоны скрипели всеми суставами и, как корабли в бурном море, сильно качались то вправо, то влево. Они катились вперёд со скоростью старой телеги, что ехала по плохому просёлку. То есть, в лучшем случае, делали двадцать километров за час.

К удивлению Якова, встречная колея была тоже заполнена до последней возможности. В сторону Астрахани, один за другим шли большие составы. Они оказались набиты ранеными красноармейцами и беженцами из Сталинграда.

В нескончаемых эшелонах виднелось много платформ, нагруженных огромными ящиками, сколоченными из толстых досок. Как хорошо знал зенитчик, в них находилось станки и машины с заводов. Их с невероятной поспешностью увозили от наступавшего фронта.

Меж тем, солнце стремительно поднималось к зениту и

светило всё ярче. Температура быстро и резко повысилась. В тесном купе стало нечем дышать. Поэтому, майор приказал: – Открыть окно настежь и всем спуститься на нижние полки.

Оказавшись внизу, Яков рванулся на помощь Хорену, что пытался исполнить приказа командира. Они крепко взялись за гнутые железные скобы, и потянули к земле деревянную раму, разохшуюся от продолжительной службы. Она даже не тронулась с места. Действуя в четыре руки, друзья навалились всем весом, и с огромным трудом опустили её до уровня столика.

Разгорячённый молодой человек высунул голову в открытый проём. Зенитчик повернулся лицом к Сталинграду и подставил лицо ветерку. Непроизвольно, он глянул по ходу движения. Выяснилось, что рельсы, идущие к северу, делали небольшой поворот в правую сторону.

Из-за изгиба низенькой насыпи, парень увидел, что дальше, бежали другие составы. Причём, все они двигались с весьма небольшим интервалом. Их разделяло пространство всего лишь в один километр, если не меньше. Сзади была та же картина.

– «Да у них разрыв-то совсем ничего». – удивился зенитчик: – «Ведь чаще всего, дорога идёт по прямой, как стрела, а не по длинной дуге, как теперь. Не везде можно понять, как же дела впереди? Случись что, на дистанции, тяжёлый «сдвоенный» поезд не остановится достаточно быстро. Па-

ровоз сильно врежется в последний вагон, и случится большая беда».

Тут он увидел мужчину, стоявшего возле путей с флажками в руках. Лейтенант бросил взгляд вправо и влево. Он разглядел цепочку людей, уходящую до горизонта. Они располагались на расстоянии тысячи метров один от другого и все смотрели по ходу движения.

В памяти всплыла короткая фраза, слышанная в зенитном училище – «живая блокировка составов». Если боец заметит крушение, он тут же поднимет красный флажок.

Это увидит другой человек, стоящий у него спиной. Он повторит данный сигнал. Заработает, так называемый, «оптический телеграф», то бишь, семафор. Команда «стоп» быстро дойдёт до машинистов всех прочих составов. Они сразу начнут тормозить.

Двигаясь неспешным порядком, поезд дошёл до какого-то небольшого посёлка. Там Яков увидел последствия налёта фашистов. От попаданий множества бомб, сооружений и склады на маленькой станции все превратились в низкие кучи кирпича и щебёнки.

Вдоль всех путей лежали остовы разбитых вагонов, искорёженных пушек и закоптившихся от пламени танков на разорванных гусеницах. Вся эта техника не сумела добраться до фронта и поучаствовать в битве с врагом.

Здесь же валялся локомотив, разорванный взрывом на две

неравные части. Длинный тендер с углем был небрежно отброшен на несколько метров. Давлением пара вывернуло котёл наизнанку.

Он выглядел, как ядовитый цветок, чьи лепестки, широко развели в разные стороны. Большие колёса были задраны к небу, как лапы мёртвой доисторической твари.

– «Чем ближе мы подъезжаем к городу Сталина, тем больше видим ужасной разрухи». – невольно сказал себе Яков: – «Интересно, как обстоят дела в самом пекле? Наверное, там не осталось и камня на камне».

Чем дальше состав уходил от засушливой Астрахани, тем медленней он продвигался на север. Мало того, он значительно чаще замирал вдруг на месте. Каждый раз, приходилось стоять по много часов. По эшелонам ползли неприятные слухи. Мол, впереди какой-то вагон сошёл с колеи и теперь стоял на земле.

Спустя какое-то время, появлялись путейцы и служащие железнодорожных частей РККА. Судя по внешнему виду, и те и другие были сильно измучены нескончаемой вахтой.

Как слышал Яков, эти несчастные люди жили поблизости с насыпью. Их небольшие землянки скрывались среди густого кустарника, растущего в ста метрах от места опасной работы.

Рядом валялись длинные кучи старых изношенных рельсов, а так же, гнилые деревянные шпалы, оставшиеся с до-

военных времён. В незаметных с воздуха балках, пряталась различная техника, необходимая для починки дороги: автомобили, тракторы и примитивные краны. Они были укрыты маскировочной сетью пыльного серого цвета.

На гусеничном тягаче ремонтники приближались к месту аварии. Они цепляли к теплушке или платформе железные тросы и пытались стащить её под откос. Если не получалось, то звали на помощь солдат, находившихся в ближайшем вагоне. Десятки бойцов упирались в бок подвижного состава. Раскачивали его, как только могли и общими силами сталкивали вниз, в неглубокий кювет.

Рассыпанное продовольствие, которое можно было собрать, складывали в «полуторки» и под присмотром чекистов, тотчас отправляли неизвестно куда. Скорее всего, обратно на военные склады.

Новейшие танки, пушки и вооружение с боеприпасами бросали прямо на месте. Мол, сейчас его некому и нечем грузить. Возможно, позднее всё соберут. Всё это добро оставалось лежать, словно какой-нибудь мусор.

Затем, подвозили необходимые материалы, и путейцы брались за починку рельсовой трассы. Иногда разрушения железной дороги оказывались настолько серьёзными, что такие работы тянулись по много часов. После чего, соединялись разорванные на части составы, и начиналось, удивительно медленное, продвижение на север.

К огромному сожалению всех лейтенантов, даже такая ез-

да, продолжалась короткое время. Чуть впереди, происходила очередная авария. Всё опять повторялось сначала.

Первые сутки поездки прошли в той же унылой, тягучей манере. Других происшествий, кроме постоянных задержек, в дороге пока не случилось. Заняться пассажирам купе было, в общем-то, нечем.

Как читал Яков в книгах, офицеры из царских времён могли играть в карты, распивать дорогое шампанское и даже звать к себе в поезд табор цыган вместе с медведем.

Служащие РККА не относились к классу эксплуататоров трудового народа. Денег у них было не густо. Поэтому, все вели себя точно так же, как остальные советские люди. То есть, удивительно скромно.

Газет, журналов и книг, а так же каких-либо забав для игры на столе, вроде домино, шашек и шахмат, у проводников теперь не имелось. Во время страшных боев с гитлеризмом им оказалось не до такой ерунды.

Пришлось пятерым лейтенантам развлекать себя по-другому. Они стали один за другим, рассказывать смешные анекдоты и случаи, которые могли только припомнить.

Ребята были совсем молодыми. Чаще всего, это происходило не с ними, а с кем-то из дальних знакомых. Майор им совсем не мешал. Он с весёлой улыбкой слушал их болтовню.

В военное время, по кварталам Баку ходило много исто-

рий, связанных с фронтом. Как это ни странно, но люди, что там побывали, почему-то не говорили, как проходили сражения. Большею частью все вспоминали о том, как они голодали.

То ли, не хотели рассказывать о тех страшных боях? То ли, просто боялись, что их посадят чекисты за распространение панических слухов? Якову сильно запомнилась такая солдатская байка.

Пехотный полк, в котором служил рассказчик истории, устало продвигался вперёд. Во время тяжёлых боёв, старшина отстал вместе с обозом полка. Пропала и полевая кухня их роты. Так что, всем сослуживцам пришлось голодать двое суток подряд.

Сухари, лежавшие в вещмешках для подобного случая, давно уже кончились. Встречные городки и деревни были дотла сожжены проклятыми фрицами. Вместо жилья попадались кирпичные печи, одиноко стоящие на больших пепелищах.

Местами торчали остовы разрушенных зданий. Но сколько бойцы не лазали по пыльным развалинам, они не нашли и крошки съестного. Вокруг не виднелось ни единой души. Не у кого было спросить даже корочку хлеба. Так и шли себе дальше с пустыми желудками.

К полудню, рота дошла до середины чистого поля. Там обнаружился вражеский «Опель», съехавший в неглубокий

кювет. Небольшого размера снаряд влетел в радиатор немецкой машины.

Слабенький взрыв разворотил моторный отсек и кабину. Задняя часть грузовика осталась в полной сохранности. Даже старый брезентовый тент, так же, как прежде висел на металлических дугах. Его лишь слегка посекло десятком осколков.

Лейтенант подозвал молодого разведчика и велел обыскать изувеченный транспорт. Боец осмотрел задний борт. Убедился, что от него не тянется проволока к натяжному взрывателю. Напряжённо вздохнул и аккуратно подвинул полог в сторонку. На его счастье, ничего не случилось.

Приподнявшись на цыпочки, разведчик настороженно глянул в кузов автомобиля. Там он увидел деревянные ящики с непонятными надписями и маркировкой. Поблизости не было опасных предметов, приведённых в боевую готовность.

Разведчик слегка успокоился и продолжил осматривать неожиданный трофей. Он осторожно открыл замки по бокам. Откинул задний борт деревянного кузова и аккуратно поднялся наверх.

Смирив своё любопытство, другие солдаты стояли чуть вдалеке от брошенного грузовика. Все думали приблизительно так: – «Кто его знает, что там придумали фрицы? Одна часть машины не заминирована, но тронешь что-то другое, раздастся оглушительный взрыв. Тогда точно убьёт всё»

живое вокруг».

Как специально, во всей этой роте не осталось сапёров. Не нашлось даже бойца, прилично знакомого с данной военной наукой. Поэтому, пришлось действовать старым дедовским способом. Двое крепких ребят, связали два десятка ремней, снятых с голодных друзей.

Один конец прикрепили к ближайшему ящику. Отошли на длину всей «верёвки». Залегли в неглубокой канаве и мощным рывком стащили контейнер на землю. К счастью, ничего не случилось.

Убедившись, что всё по-прежнему тихо. Они подтащили добычу к себе, и сапёрной лопаткой поддели тонкие доски. Послышался скрип выдираемых длинных гвоздей. Следом раздались громкие крики бойцов: – Ребята! Здесь банки с консервами!

Дальше дело пошло веселей. Тем же макарком быстро «разгрузили» машину. Снятые с кузова, ящики поодиночке отнесли в разные стороны метров на тридцать и с большой опаской вскрыли. Везде нашлись только банки, украшенные заковыристой надписью неизвестно на каком языке.

Среди них, не было видно ни свастики, ни фашистских орлов, ни угловатых готических букв. То что, слова не немецкие, все поняли сразу. Вот только, какая там речь и о чём говорилось, никто, конечно, не знал.

Молодой лейтенант не очень давно окончил училище

по пехотному профилю. Офицер очень, долго разглядывал текст. К своему сожалению, он так ничего и не понял и не смог сообщить что-то дельное.

Всем сильно хотелось, что-нибудь съесть и командир благоразумно решил, что нечего тут гадать. Нужно вскрыть все эти коробки и посмотреть, что в них лежит. По команде начальства, добычу тотчас разделили между всеми солдатами. Каждому воину досталось по две упаковки.

Спустив ноги в канаву, бойцы дружно уселись на обочину грунтовой дороги. Вынув ножи из мешков, бойцы вскрыли жестянки, и отогнули отрезанные зубчатые крышки.

Внутри оказалась непонятная желеобразная смесь непривычного белёсого цвета. В глубине студёнистой массы виднелись полоски волокон, похожих на мясо отваренной птицы.

Все наклонились к непонятной добыче. Осторожно принюхались и немедля учуяли ароматы съестного. После большой голодовки, он показался таким упоительным, что головы у всех закружились.

Красноармейцы втянули в себя воздух поглубже. К своему удивлению, они сразу узнали приятные запахи. Аромат навеял мечты о домашнем бульоне, сваренном из только что, зарезанной курицы.

– Голод не тётка, блинами тебя не накормит! – говорила народная мудрость. В этом же случае, её можно было пере-

фразировать так: – Сколько не смотри на еду, а сыт ею не будешь.

Поэтому, один из солдат зачерпнул ложкой немного консервированного кем-то продукта и с ощутимой опаской отправил в распахнутый рот. Задумчиво всё прожевал. С удовольствием проглотил и сказал: – Это тушёнка из кочета! – после чего, он принялся есть с такой удивительной скоростью, что стало трещать за ушами.

Все остальные последовали такому примеру и ощутили во рту мягкий вкус молодого цыплёнка. Текстура у мяса напоминала нежные куриные крылышки. Иногда на зубах тихонько хрустели тонкие косточки птицы.

Бойцы живо умяли по одной большой банке. Немного подумали и принялись за вторую. Вскоре ложки достали до доньшка быстро пустеющей тары. Вдруг, кто-то испугано вскрикнул: – Что здесь такое?

Все обернулись на восклицанье товарища. Красноармейцы увидели очень худого и сильно смущённого парня. На носу у него были большие очки в тонкой железной оправе.

Благодаря своей шуплости, он выглядел простым семиклассником, одетым в мешковатую форму. Рядовой сидел на земле в напряжённо-выжидательной позе. В правой руке он держал нечто совсем непонятное.

– Где же ты взял эту гадость? – спросил седой пехотинец, сидевший рядом с тщедушным солдатом.

– В этой банке лежало! – жалко проблеял «пацан».

Старик взял странную вещь. Она весьма походила на куриное крылышко, хорошенько очищенное от полупрозрачной пупырчатой кожи. К удивлению бойца, на тонком конце, оказалось, пять очень длинных суставчатых пальцев. Стараюсь, что-то припомнить, пожилой человек помолчал и вдруг твёрдо сказал: – Это лапка болотной лягушки.

Находившийся невдалеке, лейтенант поднял полупорожнюю банку вровень с лицом. Лишь после этого, офицер разглядел мелкую латинскую надпись, которую он не заметил с первого раза.

– «Made in France». – прочитал командир: – Сделано во Франции. – перевёл он вслух для своих подчинённых и с досадой добавил: – А всех этих французов в Европе зовут лягушатниками.

– Почему? – спросил какой-то боец, из сидевший поблизости.

– Потому, что они очень любят, жрать болотных лягушек! – со злостью выкрикнул какой-то солдат: – Вот и сейчас, накормили нас этой гадостью.

От сказанных слов кого-то внезапно стошнило. Волна рыгающих звуков стремглав прокатилась по роте. Как по чьему-то приказу, содержимое солдатских желудков бурно плеснулось наружу.

Весьма озадаченный, молодой лейтенант поддался порыву

ву, охватившему подчинённых бойцов. Так что и он не избежал той же участи. Злой, словно чёрт, командир поднялся на ноги и швырнул в чисто поле опустевшую банку с иноземной едой.

Стараясь не наступать в лужи рвоты, офицер вышел на узкий просёлок. Утёр губы ладонью и гаркнул на полную мощь: – Кончай привал! В колонну по два, становись! – хмуро глядя перед собой, он подождал, когда все бойцы исполнят короткий приказ. Потом, громко крикнул: – Шагом марш!

Голодные красноармейцы нехотя сдвинулись с места. Неспешно встали в затылок друг другу и нестройным порядком пошли по дороге. Они продвигались туда, где гремели раскаты артиллерийских орудий.

Поведав эту историю, Яков посмеялся со всеми, и тут же продолжил: – Среди соседей по улице были люди многих национальностей и поклонники разных религий.

Мусульмане с евреями, не ели свинину. Встречались азербайджанцы с армянами, которые очень боялись притронуться к ракам и мидиям. В тоже самое время, сам я с большим удовольствием ел и то и другое и третье. Так почему бы французам не лопать лягушек? Кто может скажет, чем они хуже речных и морских обитателей?

По рассказам отца, в голодные годы гражданской войны, люди ели всё то, что им удавалось добыть: сурков, кроликов,

сусликов и всяческих птиц. В том числе, сов и ворон. Об этом даже у Мопассана написано.

К тому же, как я где-то читал – продолжил рассказывать Яков: – у китайцев существует пословица: – Можно есть всё, что летает, бегают, плавают, ползает по нашей земле. Тем более, на голодный желудок.

Скорее всего, красноармейцы поддались могучему стадному чувству. Мол, раз одного из них сразу стошнило, значит, он съел нечто такое, что вообще непригодно для употребления внутрь.

– Это точно. – подтвердил седовласый майор: – Однажды, моему небольшому отряду пришлось голодать трое суток. После чего, я вместе с солдатами, ел старую конскую шкуру.

Судя по внешнему виду, она несколько лет провалялась в крестьянском сарае. Ну, а потом, мы почти три часа, варили её на костре. Запах был у неё просто ужасный, но голод не тётка. Сlopали всё под чистую.

В середине нового дня, произошло именно то, чего все так сильно боялись. Время приближалось к полудню. Откуда-то издалека, послышался гул авиационных моторов.

Лейтенанты бросились к окнам, что находились в коридоре вагона. Сквозь пыльные стёкла, они все увидели самолёты фашистской Германии. Держась походными «тройками» они спокойно летели с проклятого запада.

Яков вгляделся в боевые машины. Они все имели доволь-

но «упитанные» внешние контуры. Значит, к железной дороге несутся четыре звена вражеских «хейнкелей». От своих «сослуживцев по армии», они отличались широким размахом внушительных крыльев и расположением стеклянной кабины.

В этом бомбардировщике пилоты и штурманы находились в носу самолёта, а не так, как у знакомого зенитчику «юнкерса». Там часть летунов размещались на хребте фюзеляжа. Благодаря чему, «Junkers 88», выглядел весьма необычно, словно носатый узбек в тибетейке.

На каждом «Heinkel 111» бомб было в два раза меньше, чем на «восемьдесят восьмом», который атаковал теплоход. Однако, легче от этого Якову, почему-то, не стало. Ведь они нападали среди белого дня. Никто не мешал им, хорошенько прицелится. К своему удивлению, парень вдруг понял, что не видел зениток ни на одном эшелоне.

Отсутствовало даже такое простое оружие, как счётверённые пулемёты «Максима». Не говоря уж об автоматических пушках с малым калибром, хотя бы двадцатимиллиметровых.

Ястребки «сталинских соколов» куда-то давно бесследно пропали. Краснозвёздные крылья не мелькали высоко в облаках, а несравненные асы совсем не стреляли в неповоротливых немецких «бомбёров».

Куда делись все истребители СССР, парень догадаться не мог. Ведь в училище им говорили, что у нас их, значитель-

но больше, чем у всех соседних держав. Причём, многие из военных пилотов прошли прекрасную выучку и небе франкистской Испании и по всевозможным параметрам превосходили любого врага.

Кто-то из машинистов заметил самолёты фашистов. Он немедленно схватился за рукоятку сирены, висящую у лобового окна, и потянул на себя. Над пыльными степями Заволжья далеко разнеслись гудки паровоза.

Секунду спустя, откликнулись локомотивы, идущие и сзади и спереди. Следом за этим, послышался скрип тормозов и громкое лязганье сотен стальных буферов. Эшелоны задёргались, как в лихорадке, и стали снижать свой, и так очень медленный, бег.

Фашистские лётчики отчётливо видели цепочки составов, идущих по рельсам в затылок друг другу. Командир воздушных стервятников связался с другими пилотами и дал команду: – Заходим на цель!

На глазах у зенитчика, эскадра удивительно чётко перестроилась на полном ходу. Она вытянулась в две короткие линии. Одна по дуге ушла в левую сторону и двинулась к югу, к городу Астрахани. Другая, свернула направо, на север, и пошла напрямиком к Сталинграду.

Через пару минут, цепочки боевых самолётов оказались точно над насыпью. Пилоты поймали вагоны в перекрестья прицелов и, немедленно ни единой секунды, нажали на красные

кнопки гашеток. Ураганный огонь обрушился сверху на беззащитные крыши составов.

Град свинцовых цилиндриков насквозь прошивал тонкие доски теплушек. Он звонко стучал по платформам с военной техникой. Убивал и калечил людей, что оказались у него на пути.

Следом посыпались бомбы весом от пятидесяти килограммов до четверти тонны. Оглушающий грохот гремел, не прекращаясь даже на миг. Почва тряслась, как при землетрясении или извержении вулкана.

Мощные взрывы дробили закалённые стёкла в блестящую крошку, и разносили толстые доски в мелкие клочья. Ударные волны корёжили грузовые машины, и даже же орудия с танками, стоявшие на открытых площадках.

То, что могло загореться, тотчас занималось жарким огнём. Воздух вокруг затянуло огромными тучами пыли и чёрным удушливым дымом. Мерзко воняло жжёным металлом и горелым мясом людей.

Уцелевшие в этом аду, пассажиры прыгали в окна, двери или пробоины, возникшие в стенах вагонов или теплушек. Они кубарем слетали по насыпи и мчались прочь от длинных составов.

На многих из них ярко пылала одежда. Красноармейцы валились на землю и с оглушительным криком катались по ней. Они безуспешно пытались тушить на себе жгучее пла-

мя.

Всюду валялись куски множества человеческих тел, разорванных мощными взрывами. Слышались крики израненных и умиравших бойцов, изувеченных пулями и осколками бомб.

По команде майора, Яков и пехотинцы бросили вещи, за которые было схватились, и, без раздумий, скакнули в окно тормозящего поезда. Один за другим, они ловко приземлились на ноги. Отбежали от полотна метров на тридцать и нырнули в большую воронку. Она здесь осталась от прежних налётов фашистов.

Тут их догнал Степан Сергеич Дроздов. Как капитан корабля, майор уходил из вагона последним. Он повалился рядом с ребятами и покривился от боли в ноге. Видно, ранение, полученное не очень давно, напомнило сейчас о себе.

Офицеры укрылись во внушительной яме. Цепочка из шести самолётов прошла над длинным составом, в обратную сторону. Снова пилоты открыли огонь. Множество пуль прошили крышу вагона, где все находились минуту назад. На счастье военных, у «хейнкелей» закончились бомбы.

За два пролета над железной дорогой, фашисты расстреляли патроны, имевшиеся в самолётах в наличии. Издеваясь, над уцелевшими воинами, они покачали широкими крыльями им на прощание.

Затем, повернули на запад. На полном ходу перестроились в плотный походный порядок и двумя ровными «трой-

ками» исчезли из виду. Где-то там, вдалеке, к ним подошла и вторая шестёрка эскадры.

Командир воздушных стервятников, был очень доволен своими молодыми пилотами. Все чрезвычайно успешно исполнили боевую задачу, поставленную перед ними начальством.

Фашистские асы уничтожили десятки вагонов с военным имуществом, с техникой и живой силой противника. Причём, не понесли ни единой потери. Вот что значит несокрушимая сила арийцев. Как против них могут выстоять дикие полуголые скифы?

Летающие, бомбардировщики скоро скрылись из вида. Яков поднялся на ноги и посмотрел в сторону Астрахани. Судя по внешнему облику, их эшелон пострадал не так чтобы сильно. А вот, длинному поезду, следующему прямо за ними, досталось значительно больше.

Паровоз и передняя половина состава остались почти невредимой. Зато, часть платформ, расположенных ближе к середине, были сильно побиты осколками бомб. Десяток вагонов в хвосте превратились в огромные кучи горящего железа и дерева.

Все, что находилось чуть дальше, терялось в беспросветном дыму. Откуда, иногда доносился отчётливый грохот и трескотня одиночных винтовочных выстрелов. Похоже, что ящики с боеприпасами оказались в огне. Поэтому, часто

взрывались снаряды с патронами.

Пассажиры вагонов, обстрелянных самолётами фрицев, вернулись к путям и поспешили к местам, что недавно покинули в ужасающей спешке. Нужно было помочь пострадавшим от атаки фашистов.

Отовсюду, слышались громкие возгласы и тяжёлые стоны. Уцелевшие при налёте, бойцы принялись выносить на обочину красноармейцев, получивших увечья от пуль и осколков.

Несчастливых людей укладывали вдоль полотна и тут же оказывали медицинскую помощь. Санитары металась среди множества тел, истекавших кровью. Старались, как можно скорее, перевязать их глубокие раны.

Затем, пришёл скорбный черёд заняться убитыми. Держа мёртвых за руки, за ноги, их тащили наружу. Опускали на землю и закрывали побелевшие лица, чем только придётся.

В ход шли пилотки, чистая ткань, вынутая из чьих-то мешков, а то и куски пыльной материи, что оторвали от гимнастёрок покойников. Теперь им одежда была не нужна.

Со стороны Сталинграда появились путейцы. На старых полуторках примчалась бригада в чёрных пыльных бушлатах. Они дружно высадились возле участка дороги, разрушенного немецкими бомбами, и взялись за работу.

В первую очередь, им надлежало расчистить узкую насыпь от сгоревших теплушек и открытых платформ с разбитой во-

инской техникой. После чего, привести часть дороги в надлежащий порядок. Тогда все эшелоны продолжат движение к фронту.

Лишь после этого, дело у них дойдёт до покойных. Но и тогда, мёртвых бойцов не повезут на ближайшее кладбище. У погибших людей соберут документы и отправят их в Астрахань вместе с проводником из состава, стоявшего рядом.

Недалеко от железной дороги, отроют бульдозером большую могилу. Уложат в неё всех покойников и быстро засыпят тонким слоем земли. Затем, поставят на холмике старую шпалу с вырезанной пятиконечной звездой. Вот и весь ритуал погребения в военных условиях.

Прошли два хмурых путейца, ведущих о чём-то беседу. Яков невольно прислушался к их разговору. Лейтенант разобрал обрывок коротенькой фразы. Зенитчик с огорчением понял, что на данный ремонт уйдёт около суток: – «А потом, появятся фрицы и опять всё разрушат». – подумал он с удивительной злостью.

Ремонтники отцепили изувеченный подвижной состав, который не мог уже двигаться дальше. Появились солдаты и, под их руководством, сбросили всё неглубокий кювет.

Чумазые донельзя, машинисты вернулись из балки, находившейся рядом. Там они прятались вместе с бойцами, что выскочили из окон вагонов. Водители железнодорожного транспорта поднялись в кабину и дали протяжный гудок.

Им тут же ответили десятки локомотивов. Все останови-

лись в степи, чтоб переждать бомбёжку фашистов. Люди в панике бросились к своим прежним местам. Послышался лязг буферов. Караван поездов, так же неспешно, как раньше, покатился вперёд.

Заметив, что состав медленно тронулся, Яков пулей помчался к вагону. Парень вскочил на подножку, ловко поднялся в сильно разрушенный тамбур и пошёл по коридору налево. Всюду свисали куски разбитой обшивки, сорванной тяжёлыми пулями.

Лейтенант оказался в купе и настороженно глянул по сторонам. Яков увидел полки и стены, прошитые кусками свинца. Он отчётливо понял, если б не прыгнул в окно за друзьями, то наверняка здесь погиб.

Все вещмешки и шинели оказались прострелены во многих местах. Нужно было их срочно чинить. Не ходить же, как оборванец, с приличными дырами, оставленных пулями.

С пайком, полученным в Астрахани, дела обстояли значительно хуже. Некоторые продукты, такие, как «сухой концентрат» разного вида, был плотно завёрнут в простую бумагу. От попаданий кусочков металла, все эти брикеты превратились в труху и перемешались друг с другом.

Это не показалось зенитчику очень уж страшным. Из них можно сварить нечто вроде той каши, что зовут «кулешом по-солдатски». Поголодаешь дня два или три, и за милую душу проглотишь мешанину из круп и гороха.

Среди пяти лейтенантов было два человека, что любили курить. К их сожалению, в общую смесь из продуктов попала соль и табак, вылетевший из папирос. Подобную пищу есть уже никак невозможно. Пришлось им всё бросить в окно.

Остальные попутчики вошли в положение огорчённых товарищей, и поделились с ними своими припасами. Всё равно, пока едут в вагоне, вся их еда идёт в «общий котёл». С этого и начинается военное братство. На фронте иначе нельзя.

Вот так, ни шатко, ни валко, поезд ехал на север ещё двое суток. Потом затормозил и остановился в местечке Богдо. Как сказал проводник, оно расположено в тридцати километрах от посёлка Верхний Баскунчак.

Яков высунулся в открытое настежь окно. Здесь наблюдалась та же картина, что он видел раньше. Одноэтажный кирпичный вокзал пострадал от налётов фашистов очень значительно, так же, как и прочие здания, построенные на всей этой ветке.

Все пути полустанка плотно забили «сдвоенные» составы. Измученные долгой стоянкой, солдаты слонялись между вагонами. Они просто не знали, чем себя можно занять в такой глухомани?

Селение железнодорожников оказалось совсем небольшим. В данный момент, оно представляло собою развалины, между которых виднелись землянки. Вокруг них расстилась совершенно пустынная безводная степь. Даже пойти

прогуляться, здесь было некуда.

Чисто побрившись, Степан Сергеич, одёрнул ладно сидящую на нём потёртую форму, надел фуражку с зелёной кокардой и покинул купе. Майор пошёл искать коменданта распределительного узла железной дороги. Вернулся он почти через час и рассказал лейтенантам жуткие, просто невероятные вещи.

С его слов выходило, что дорога, ведущая до самого Сталинграда, подвергалась частой бомбёжке. На все станции, стоящие дальше на север, и две переправы – «Паромная» и «Владимирская Пристань», иногда, нападало более тридцати самолётов фашистов.

И так случалось по несколько раз каждый день. Пути впереди очень сильно разрушены. Движение полностью замерло. Если оно восстановится, то лишь завтра с утра.

Массированные налёты на данное место, майор кивнул на окно, открытое настежь, ведутся с большой пунктуальностью и происходят, раз вдвое суток. С часу на час, путейцы ждут нападения фрицев, но им совершенно нечем отбиться.

У них нет ни зенитных орудий, ни даже простых пулемётов. На ближайшем аэродроме не осталось ни одного истребителя, который может летать. Все самолёты продырявлены пулями, как решето. Пилоты убиты, или же ранены. Так что, чем завершится атака фашистов, нам всем понятно!

Скорее всего, все эшелоны, стоящие здесь, будут целиком

уничтожены, как это случилось на станции Сарепта, что расположена к югу от Сталинграда. Девятого августа 42-го, на их путях оказалось пять сотен вагонов с различными боеприпасами. Там же стояли триста открытых платформ с пушками и два состава с новыми танками.

Несколько эшелонов взорвались от прямого попадания бомб. Затем, фашисты перенесли огонь на затон, находящийся рядом со станцией. В результате воздушной атаки, на воздух взлетели три баржи, где были снаряды крупных калибров.

Вокзал и весь близь лежащий посёлок разрушило вплоть до фундаментов. Ужасающий взрыв оказался настолько силен, что люди слышали грохот за тридцать и более километров вокруг.

Взглянув на удручённые лица попутчиков, майор сразу понял, о чём все они усиленно думали. Мол, столько времени потратили на зубрёжку в училище. Так долго готовились с схватке с врагом, и всё пропало впустую. Вместо боя с фашистами, придётся погибнуть на мелком разъезде, стоящем в ста километрах от фронта.

Офицер поспешил успокоить расстроенных спутников и продолжил рассказ: – Когда я разговаривал с начальником станции, случайно глянул в окно его кабинета.

В этот момент, к небольшому крыльцу подъехала новая с виду «полупторка». Она встала возле крыльца. Из кабины немедленно вышел достаточно странный лейтенант-особист.

Дело всё в том, что бравого НКВД-ешника сопровождали не солдаты в синих фуражках, как это положено по нашим законам. С ним оказалось отделение обычной армейской пехоты, с малиновыми петлицами на гимнастёрках.

Конечно, в ходе своих операций, особисты могут надеть форму любого подразделения РККА. Однако, уж очень выглядели эти бойцы неказисто. Сразу понятно, это деревенские парни, недавно прибывшие в войска из колхоза.

Тогда я подумал: – «Видно, весь их состав занят ловлей шпионов, и дезертиров с бандитами. Поэтому, приходится брать обычных солдат. Как бы то ни было, но этот чекист имел при себе грузовик. Так что, нужно узнать, куда он сейчас направляется? Вдруг, нас он тоже захватит? Так сказать, по пути».

Тем временем, особист вошёл в кабинет. Увидев его, начальник вокзала сильно напрягся. Лейтенант представился по полной программе и строго спросил, где он может заправить машину?

Услышав просьбу чекиста, капитан успокоился. Он объяснил, где и как найти нужный склад и подмахнул разрешение на отпуск горючки. НКВД-ешник забрал подписанный ордер и собрался уже уходить.

Тут я и понял, нужно немедленно действовать. Сделал один шаг вперёд. Вежливо к нему обратился и аккуратно спросил: – Не мог ли бы Вы нас подвести к Сталинграду?

Он взглянул на меня и потребовал предъявить документы. Внимательно просмотрел все бумаги. Убедился, что я не шпион, засланный фрицами в тыл Красной армии, и спросил, сколько нас человек? Я ответил, что четверо.

Он немного подумал и, к моему удивлению, согласился устроить нас в кузове, вместе с бойцами. Похоже, опер решил, мол, ему нужно ехать через пустынную заволжскую степь, а там, всякое может случиться. Ну, а коли им встретятся парашютисты фашистов, то лишние люди помехой не будут. Помогут отбиться от диверсантов врага.

Лейтенант вернул мои документы и сообщил, что сейчас он двинется прямо на склад ГСМ. Там заправит машину, а через тридцать минут отправится в город Ахтубинск.

В заключение рассказа, майор приказал: – Ребята, берите вещички и двигаем к северу, к выезду с этой перегруженной станции. Будем там ожидать появления чекиста. Если вдруг разминёмся, то будем искать любой другой транспорт.

Молодые бакинцы не заставили себя долго упрашивать. Они схватили шинельные скатки и полупустые мешки. Нправились к двери и за руку простились с двумя лейтенантами, ехавшими с ними в купе.

Два пехотинца выглядели донельзя расстроеными. Судя по выражению лиц, оба с отчаянной радостью помчались бы вслед за майором. К сожалению двух офицеров, они сопровождали солдат, размещённых в теплушках, и не могли про-

сто бросить свою военную часть.

Степан Сергеич повернулся к понуро сидевшим ребятам, и настойчиво им посоветовал: — На вашем месте, я взял бы сейчас свои вещи. Пошёл прямо к теплушкам, где едут ваши солдаты, и заставил их приготовиться к эвакуации из этого поезда.

Кроме того, поставьте своих наблюдателей на крыши вагонов и поднимитесь к ним сами. Определитесь, как и куда начнут отходить ваши бойцы и, где они после налёта, соберутся в команду.

Как только в небе, появятся бомбардировщики фрицев, хватайте оружие со всеми припасами и бегите в открытую степь. Там прячьтесь в ямы и балки и ждите, когда завершится атака. Уверен, что если вы вовремя всё это сделаете, то все останетесь живы.

Закончив давать наставления, майор на прощанье, кивнул пехотинцам, и первым вышел из небольшого купе. Бакинцы помчались за ним. Они выскочили из полуразрушенного врагами вагона и направились вслед за быстро идущим Степаном Сергеичем.

Двигаясь по низеньким насыпям, офицеры прошли около двух километров. Наконец, они покинули станцию, забитую войсковыми составами до максимальных пределов. Они миновали избушку обходчика, и бодрой походкой двинулись дальше.

Через десять минут, показалась грунтовка, ведущая на северу. Недалеко от обочины, с наветренной стороны от «шоссе», стоял невысокий бугор. Офицеры встали поблизости и огляделись вокруг.

К верховьям реки шли «полуторки», заполненные до отказа солдатами, и различными грузами, укрытыми серым брезентом. Навстречу им медленно продвигались арбы и телеги, заваленные мешками, узлами и другими вещами гражданских людей. Рядом с повозками шли толпы беженцев, измученных большим переходом по безводной степи.

Скоро подъехал новенький «ГАЗ-АА» защитного цвета. Автомобиль затормозил возле военных. Сидевший рядом с шофёром, молодой лейтенант-особист узнал пожилого майора. Он по-приятельски кивнул «старика», но так и остался в тесной кабине.

Из кузова выскочили одиннадцать молодых пехотинцев. Они окружили лейтенантов с майором и навели на них «мосинки» с примкнутым штыком. Армейский сержант приказал предъявить документы, дождался, когда офицеры достанут их из карманов своих гимнастёрок, и быстро собрал все бумаги. Бегло их пролистав, он передал всё командиру

Другие бойцы проверили вещмешки возможных попутчиков. Они убедились, что в них нет ни оружия, ни взрывчатки, ни подрывной литературы вроде брошюр и листовок.

С невесёлой усмешкой бойцы посмотрели на кобуры трёх лейтенантов, набитые тряпками. С большим облегчением,

они опустили и закинули за спину свои «трёхлинейки».

Выйдя из тёмно-зелёной машины, чекист изучил полученные от сержанта бумаги и убедился, что всё в них в полном порядке. С невозмутимым лицом особист вернул их владельцам.

Мотнув головой, указывая себе за спину, он сообщил: – Могу вас подбросить в расположении шестьдесят второй армии. То есть, до станции Безродное, что расположена в посёлке Верхняя Ахтуба.

От неё вы пройдёте на север, до переправы «Паромной». Судя по карте, это километров десять-двенадцать. Там работает судно, названное в честь вождя всех народов, «Иосифом Сталиным». Поплывёте на нём на правый берег и доберётесь туда, куда следует.

– Спасибо! Это то, что нам нужно! – благодарно ответил Степан Сергеич. Майор сложил документы в карман гимнастёрки и подождал, пока чекист сядет рядом с шофёром.

Как только пассажирская дверца захлопнулась, он встал на подножку и опёрся правой рукой на крышу кабины. Левой ладонью схватился за борт. Оттолкнулся ногами и одним быстрым движеньем перелетел в открытый кузов машины.

Никто из трёх лейтенантов и не пытался повторить ловкий трюк «старика». Опираясь на задние колёса полуторки, они, как по вертикальной стремянке, один за другим, поднялись наверх.

Яков увидел картину, отлично знакомую по летним ка-никулам. Вернее сказать, по тем войсковым лагерям, где он бывал последние несколько лет. Сначала учеником артиллерийской спецшколы, а затем и курсантом училища под названием «БУЗА».

Поперёк деревянной платформы, с шагом около метра, крепились четыре прочных доски. На каждой из них легко умещалось пять крепких бойцов, одетых в объёмную зимнюю форму РККА.

Таким образом, в кузове каждой «полуторки» могло ехать на фронт, самое малое, два отделения. Да ещё оставалось свободное место для пулемётов и ящиков с боеприпасами.

В данный момент, здесь должно разместиться четверо стройных, как кипарис, офицера, плюс крепкий сержант и десять солдат. Причём, все в лётнем «хб». Итого, в сумме – пятнадцать. Всё по уставу, машина не перегружена ни на одного человека. Даже несколько ящиков, что лежали у заднего борта, никому не будут мешать.

Бывшие курсанты училищ пробрались вперёд. Они сели в первом ряду длинных лавок, рядом со Степаном Сергеичем. Чуть дальше, прямо за ними, находились сержант и остальные бойцы.

Скорее всего, так приказал лейтенант-особист. Во-первых, бойцы ниже по званию. Во-вторых, они будут приглядывать за своими попутчиками. Ведь кто его, знает, что у тех

на уме? Идёт большая война с проклятыми фрицами, всякое может случиться.

Пока все размещались, майор снял фуражку. Раздвинул брезентовый ремешок, расположенный над козырьком, крытым материей. Надел головной убор на себя и, ловким движением пальцев, стянул под подбородком тесьму защитного цвета.

Затем, строевой офицер обернулся назад и осмотрел маленький кузов. Убедившись, что всё в полном порядке, все сидят на местах, Степан Сергеич тихо стукнул в крышу кабины.

Машина тронулась с места и покатила по отлично накатанному пыльному грейдеру. В лицо тут же ударил воздух горячей степи. Чтобы не остаться простоволосым, как какой-то гражданский, Яков последовал примеру майора. То же самое, сделали и другие бакинцы.

Оставив посёлок Богдо за спиной, машина свернула налево, и резво помчалась в сторону Волги. Перед отъездом из дома, Яков хорошо изучил географическую карту Поволжья.

Насколько помнил зенитчик, железнодорожная трасса на этом участке шла прямо на север, на станцию «Верхний Баскунчак». Там она резко сворачивала и почти под прямым углом уходила на запад.

– «Двигаясь по степному шоссе, мы срежем приличный кусок, и сократим время в пути процентов на тридцать». –

прикидывал Яков: – «Проскочим полста километров и к полудню прибудем в город Ахтубинск. Оттуда до Сталинграда рукою подать. Всего сто тридцать вёрст.

Выходит, что при таком продвижении мы доберёмся до нужного места за пять-шесть часов, а сколько бы суток тащились на поезде, никому неизвестно. Может быть, больше недели».

Спустя двадцать минут, за спиною зенитчика послышался не утихающий грохот. Сидящие в кузове, военнослужащие, все, как один, непроизвольно оглянулись назад.

Клубы чёрного дыма поднимались над тем самым местом, которое они спешно покинули. Над плотными тучами сажи мелькали тёмные продолговатые точки. Яков с трудом разглядел силуэты фашистских стервятников.

Парень представил себе, что в данный момент, происходило на маленькой станции. Мощные взрывы гремели во круг. Ударные волны сметали всё то, что им попадалось в пути.

Сотни вагонов разносились в мелкие клочья. Тысячи советских солдат металась между путями железной дороги. Люди во множестве гибли в огне, от вражеских бомб и от своих же снарядов, что детонировали в сильном огне.

Зенитчик зябко поёжился и внезапно подумал: – «Как вовремя мы смотались со станции. Задержись там немного, и погибли бы все ни за грош».

Парень вдруг устыдился своей неожиданной радости и с

тревогой сказал про себя: – Как там наши попутчики? Надеюсь, они сделали всё, что велел им майор. Скорее всего, сидят в какой-нибудь балке и, вместе со своими солдатами, ждут завершения налёта».

Верхняя Ахтуба

Езда по разбитому вдребезги грейдеру продолжалась два с лишним часа. Машина пересекла огромный участок засушливой, безводной степи и оказалась в более-менее обжитых местах.

Грузовик вплотную приблизился к левой протоке матушки-Волги. Благодаря крупным размерам и большой протяжённости, она ещё издавна называлась рекой, и имела своё звучное имя. Её звали – Ахтуба.

С раннего детства Яков знал азербайджанский язык, словно родной. При знакомстве с картой Поволжья, он легко перевёл старинное тюркское слово. Как это ни странно, оно даже намёком не связывалось с проточной водой. Наоборот, означало совершенно другое, а именно – Белые Холмы.

Хотя, если внимательно глянуть вокруг, то так всё и было на деле. На огромной равнине, плоской, как стол великана, тут и там появлялись небольшие известковые взгорки.

Шоссе приблизилось к этим буграм и стало петлять между ними. Иногда, с двух сторон, грунтовую дорогу сжимали глубокие балки, и ей приходилось взбираться на крутые увалы.

Всем была хороша небольшая «полуторка»: надёжная, лёгкая и неприхотливая к качеству топлива. Мало того, она

получилась весьма проходимой. Могла ехать почти что, как танк, по самое «брюхо» в грязи.

К сожалению советских водителей, она обладала одним большим недостатком. Конструкторы не предусмотрели в моторе бензонасос. Поэтому, ёмкость с горючим находилась сверху, прямо над сорокасильным движком.

То есть, внушительный бак располагался перед шофёром и пассажиром, прямо за тонкой приборной панелью. Его горловина, через которую заливался бензин, торчала у ветрового стекла, точно в середине. Случись какая авария, и все, кто находился в кабине могли превратиться в пылающий факел.

Благодаря такому решению, топливо шло самотёком из внушительной ёмкости прямым в карбюратор. Однако, так получалось лишь на горизонтальной поверхности или же там, где дорога спешила под горку.

Если машина пыталась взобраться на, более-менее, крутой косогор, то подача горючего тотчас прекращалась. Приходилось выкатывать вашу «полуторку» на ровное место, ставить кормою вперёд и двигаться задним ходом, словно какой-нибудь рак.

Именно таким странным способом, автомобиль с ошутимой натугой поднялся на небольшую возвышенность. Забравшись наверх, он развернулся на плоской вершине. Перед глазами зенитчика внезапно открылся огромный простор. Впереди находился небольшой, пыльный город.

Ахтубинск оказался невзрачным и удивительно тесным. Он не выдерживал никакого сравнения, ни с Астраханью, ни с Махачкалой, ни, тем более, со столичным Баку. Но так было в мирное время. Сейчас шла война с проклятыми фрицами. Всё стало значительно хуже.

Во многих кварталах пылали большие пожары, начавшиеся после недавней бомбёжки. Над ними стояли плотные тучи чёрной гари и копоти. Никуда не спеша, они поднимались в белёсое небо.

Откуда-то слышались далёкие редкие взрывы. Их дополняли звуки сирен машин «скорой помощи». Особенно часто гудки доносились со стороны волжского порта и маленькой станции железной дороги.

Не выходя из кабины, чекист посмотрел на центр селения, пылающий, словно огромный костёр. Он оглядел затянутую дымом дорогу, идущую вдоль русла реки. Немного подумал и решил, что не стоит ему рисковать.

А то, чего доброго, въедешь на улицы, заваленные обломками зданий. Придётся снова терять драгоценное время и возвращаться назад. Особист приказал молодому шофёру не приближаться к пострадавшим районам. Обойти их по заволжской степи, и двигаться напрямиком к Сталинграду.

Объехав разрушенный город, «полуторка» вырвалась на «большое» шоссе. Набрав приличную скорость, она стрелою помчалась на северо-запад. Слева текла очень большая река.

Воды здесь хватало с избытком. Поэтому, и селилось больше людей, чем на засушливом юге района. Все небольшие местечки располагались недалеко друг от друга. Их разделяли прогоны не более десяти километров.

Почти в каждом подобном посёлке имелась своя железнодорожная станция. Через них, бесконечным потоком продвигались на север эшелоны с людьми, вооружением и техникой. Вернее сказать, не столько шли, сколько стояли на рельсах. То есть, представляли собою мишень для бомбардировщиков фрицев.

За время путешествия в поезде, Степан Сергеич много раз говорил с проводниками и пожилыми путейцами. Майор хорошо представлял, что же твориться на всём протяжении железной дороги.

По рассказам его собеседников, большая часть всех составов перемещалась со скоростью двадцати с чем-то вёрст в течение суток. Причём, чем ближе они подходили к городу Сталина, тем положение становилось всё хуже.

Пытаясь решить эту проблему, войска покидали теплушки за пятьдесят километров от переправы и пешим ходом спешили к району боёв. После прибытия на место сражений, красноармейцам не удавалось даже слегка отдохнуть. После тяжёлого марша, их сразу бросали в атаку.

Дело было всё том, что не сумев взять Москву, Германия сосредоточила силы на юго-западном фронте. Самолётов у фрицев оказалось значительно больше, чем у армии СССР.

Пилоты бесноватого фюрера сбили всех «красных соколов» и завоевали господство в воздушном пространстве.

Благодаря множеству танков, собранных в мощный кулак, фашисты сломили сопротивление советских бойцов. Моторизованные дивизии Гитлера рванулись в широкий прорыв.

Они оказались на оперативном просторе и удивительно быстро захватили все пути сообщения, идущие с запада к Волге. Почти не встречая препятствий, захватчики чёрной ордой пошли к Сталинграду.

Перевес в живой силе врага оказался очень значительным. Его нужно было как-нибудь компенсировать. Красная армия делала всё, что возможно и шла на невероятные жертвы.

Во многих местах, железнодорожная ветка отлично простреливалась с правого берега Волги, который занимали враги. Чтобы доставить оружие с боеприпасами к городу, все машинисты, изо дня в день, рисковали собственной жизнью.

Путейцы увеличивали скорость состава, чтобы фашисты не могли точно прицелиться. Они нашли единственный выход из такой ситуации и стали водить, так называемые, «белетучки».

То есть, цепляли к паровозу от трёх до пяти не очень тяжёлых вагонов и на всех парах мчались вперёд. Несмотря на большие потери, они иногда прорывались сквозь плотный огонь.

Земляное шоссе было проложено недалеко от железной

дороги. Сидевший в кузове, Яков отчётливо видел, что же творилось на ней. Вдоль всего полотна валялось огромное количество сгоревших вагонов, танков, пушек и всяческой техники: транспортёров, автомобилей и тягачей.

«Полуторка» быстро катилась вперёд. По обе стороны от шоссе, стояли пустые посёлки и станции, разрушенные до самых фундаментов. На месте множества зданий, построенных за долгие годы, виднелись лишь кучи мелкого мусора.

Отовсюду тянул удушливый запах сажи и гари. К нему постоянно примешивалась невыносимая вонь. Она шла от множества мёртвых человеческих тел, что разлагалась под солнцем.

На небосводе, белёсом от сильного зноя, постоянно висели воздушные разведчики фрицев – проклятые красноармейцами «рамы». Время от времени, над головой проносились истребители немцев. Ничего и никого, не боясь, они пролетали над самой землёй.

Зенитчик легко узнавал одномоторные «мессершмитты», «фокке-вульф» и «хейнкель». Двухмоторные бомбардировщики шли целыми звеньями, а иногда, эскадрильями по двенадцать машин. Не опасаясь советских пилотов, и те и другие, нападали на всё, что мелькало внизу.

Пыльный узенький грейдер был плотно забит десятками тысяч людей. Они медленно двигались сразу в двух направлениях. К Волге шли красноармейцы, прибывшие с юга или востока великой страны.

От среднего течения реки, навстречу военным частям, еле-еле тащились толпы оборванных беженцев. Они спешно покинули родной Сталинград, осаждённый с запада фрицами.

Часто встречались колонны разнообразной сельскохозяйственной техники. Её гнали из тех несчастных районов, что скоро захватят фашисты. Здесь были комбайны, сеялки, веялки и другие машины, вплоть до передвижных лесопилок.

Среди них, Яков не видел ни одного, даже самого заурядого трактора типа «Фордзона». Похоже, что все они трудились на фронте и как тягачи таскали орудия большого калибра. Те пушки, что были поменьше, передвигали конской упряжкой.

Попадалось великое множество худых измученных женщин и бледных щуплых подростков. Они гнали в безопасное место стада домашних животных. Бедные коровы и овцы изголодались в сухой безводной степи. Они удивительно сильно отощали в дальней дороге. Проходя мимо людей, все жалобно блеяли и громко мычали на все голоса. Они словно жаловались на свою непростую судьбу.

Скопление солдат и машин, являлось удобной мишенью для асов бесноватого фюрера. Особенно всем досаждали «Junkers 87». Среди прочих фашистских стервятников они выделялись изломом крыла, загнутого кверху, в метре от фюзеляжа.

Кроме того, у них, почему-то не убирались шасси, не то что, у других самолётов. Чтобы снизить сопротивление воздуха, фрицы закрыли колёсо обтекателем, расположенным сверху. Издалека они походили на тонкие ноги в больших башмаках. За что красноармейцы, прозвали бомбардировщик «лаптёжником».

Заметив добычу, неспособную никуда убежать, «Junkers 87» резко валился в крутое пике и, почти вертикально, летел к шоссе, забитому техникой, людьми и животными. Атака сопровождалась сиреной. Она редела так громко, что у всех, кто оказался поблизости, мороз шёл по коже.

Вниз падала тяжёлая бомба, в четверть метрической тонны, или четыре штуки поменьше, что весили, ровно полцентнера. Взрыв подобной «малышки» мог уничтожить тяжёлый танк Красной армии или железнодорожный вагон. Огромная «дура» приносила значительно больший урон.

Свой странный полёт «пикировщик» выравнивал возле самой земли. Дальше он шёл над дорогой на небольшой высоте, и палил из двух пулёмётов во всё, что находилось под ним.

«Полуторка» двигалась в плотном потоке военных частей. Все они продвигались на север, под Сталинград. Каждые десять-пятнадцать минут, в воздухе появлялись самолёты фашистов. Стервятники нападали на бесконечную колонну машин и людей и без разбора били во всё, что придётся.

Услышав стрельбу над дорогой, шофёр тотчас тормозил. Выскакивал из кабины и вместе со своим командиром бросался в ближайший кювет. Все остальные, кто находился в маленьком кузове, горохом ссыпались на землю и следовали за osobистом с водителем.

Нужно сказать, что им всем невероятно везло. Каким-то неведомым чудом, осколки и пули всегда миновали «полуторку», и не задевали ни одного из её пассажиров.

После налёта, все поднимались из придорожных канав и, зло матерясь, выбирались на трассу. Они принимались за дело и дружно тащили к обочине раненных и убитых людей. Объединив все усилия, сбрасывали в ближайший кювет разбитую технику. Там она оставалась лежать без присмотра военных.

Офицеры с бойцами сбивали с испачканной формы мелкую серую пыль. Рассаживались по прежним местам, и продолжали свой путь, ведущий на север. Измученные большим переходом, пехотные части вставали в колонны и двигались следом.

Временами, дорога поднималась на небольшие пригорки. С невольным волнением Яков смотрел на северо-запад, грохочущий частыми взрывами. На другом берегу, немного правее, мрачно темнели едва различимые контуры города. До Сталинграда было ещё далеко. Зенитчик мог видеть очень немного.

Над всеми жилыми районами висели плотные тучи из пыли и гари. От земли поднимались султаны дрожащего марева. Большие клубы чёрного дыма сливались в столбы гигантских размеров. Они забирались в высокое небо и, загибаясь длинными дугами, уходили в Заволжье километров на двадцать, если не больше.

На широкой поверхности Волги виднелись надстройки погибших речных кораблей. Они все были потоплены снарядами и бомбами фрицев. Мелькали огромные пятна бензина и нефти, свободно текущей из разбитых хранилищ и множества потопленных барж.

Продолговатые озёра горючего медленно плыли вниз по течению. Они все сильно горели чадящим огнём. Багровые всполохи пламени были отлично видны при сете яркого дня.

Тридцатого августа, ближе к закату, машина свернула с забитого до предела шоссе и медленно въехала в посёлок Верхняя Ахтуба. Она, наконец, прибыла в пункт назначения.

Чекист приказал молодому шофёру затормозить возле маленькой площади. Вокруг относительно ровной площадки лежали руины разрушенных одноэтажных домов. Никого из людей рядом не было видно.

Особист подождал, пока водитель остановит «полуторку». Высунул правую руку по локоть в окно и постучал ладонью по крыше кабины. Этим, он сообщил своим пассажирам, мол, всё ребята, приехали.

Офицеры подняли полупустые мешки и скатки шинелей. Один за другим спустились на землю и повернулись к машине. Ожидая от особиста хоть каких разъяснений, они застыли на месте.

Однако, тот ничего не сказал. Простился с майором равнодушным кивком и приказал подчинённому двигаться дальше, по своим, очень важным делам. То ли, он сам был здесь впервые и не знал ничего, кроме того, что уже сообщил у посёлка по имени Богдо?

То ли, совсем не хотел, чтобы его случайно заметил кто-то из строгого ведомства, где он работал. Мало ли что, могут подумать коллеги? Вдруг кому-то покажется, что он слишком долго общался с четвёркой обычных военных?

Степан Сергеич проводил «полуторку» карательных органов недоумевающим взглядом. Осмотрелся по сторонам и увидел криво висящую вывеску, прибитую к ближайшей стене. В ней говорилось о том, что раньше здесь находился районный отдел местный милиции.

Судя по не слежавшейся пыли, не очень давно, в каменный дом попала авиационная бомба. Мощный взрыв превратил три четверти здания в кучу мелкого битого щебня. Как это ни странно, малая часть от него сохранилась. Теперь в ней ютились, выжившие после атаки, блюстители правопорядка.

Степан Сергеич поднялся на некое подобье крыльца, сложенного из обломков камней, и подошёл к дверному проёму.

Он разглядел, что раньше это было окно. После налёта фашистов, местные жители разобрали кирпичную кладку под ним и устроили вход в помещение.

Майор открыл щелястую створку и шагнул через порог. Офицер попал в единственную тесную комнату, уцелевшую после бомбёжки. Он представился пожилому дежурному и показал свои документы.

Усатый милицейский сержант бросил рассеянный взгляд на бумаги и не очень охотно ответил на вопросы военного. Слушая блюстителя правопорядка, офицер сразу всё понял. Седого мужчину расспрашивали об этом предмете великое множество раз. Он сильно устал повторять те же слова, изо дня в день.

Майор внимательно выслушал пояснения сержанта и сказал ему: – Большое спасибо. – быстро простившись, он вернулся на улицу, к трём ожидавшим его лейтенантам.

подавив тяжкий вздох, офицер сообщил: – Неделю назад, фашисты прорвались к селу Латошинка, что расположено к северу от Сталинграда. Они пробились к станции под названием «Причальная» и перекрыли железнодорожную трассу, ведущую к осаждённому городу.

В ночь на двадцать четвёртое августа, паром «Иосиф Сталин» причалил к той пристани, что расположена на той стороне. Матросы вручную вкатили на палубу с десятков вагонов, забитых израненными красноармейцами. Перед самым

рассветом, судно устремилось назад.

Речникам весьма повезло. Фашисты заметили их лишь на середине потока. Они подтянули к причалу танки и пушки и открыли стрельбу. Снаряды упали рядом с бортом парома, а шальные осколки не причинили большого вреда.

Корабль вернулся к месту стоянки. Он встал на прикол, и с этого дня железнодорожная переправа перестала работать. Теперь на правый берег можно попасть только на небольших катерах, речных трамвайчиках или же на вёсельных лодках.

Они регулярно отходят от Сталинградского тракторного, от заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». Можно ещё попроситься на самоходные баржи с людьми, снаряжением или горючим. Эти плавсредства отправляются туда регулярно, по несколько штук в течение каждого часа. Вот только фрицы их топят в первую очередь.

С помощью самолётов-разведчиков, фашисты наблюдают за Волгой на всей территории города. Они постоянно уютжат всю акваторию из глубины своих дальних позиций.

Ураганный артиллерийский обстрел не прекращается круглые сутки. Но, как сказал милицейский сержант, в ночной темноте у нас больше шансов прорваться на правую сторону.

Дежурный дал мне посмотреть карту района. Я отлично запомнил, как нам добраться до пристани.

Степан Сергеич взял тонкий прутик, валявшийся рядом.

Он опустил на корточках, начертил в слое пыли подробную схему и стал объяснять лейтенантам: – Лучше всего, нам двинуться на юго-запад. Дойти до левого рукава главного русла реки, то бишь, протоки под названием Ахтуба. Перейти через неё по мосту и попасть в посёлок «имени Кирова».

Судя по карте, висевшей в милиции, весь этот путь составляет около трёх километров. Потом, нужно протопать в два раза больше до населённого пункта «Ударник». От него ещё две версты и доберёмся до Волги.

Там постоянно работает переправа на правую сторону. Военные части идут к ней и ночью и днём. Так что, мы вряд ли заблудимся. Вместе с другими бойцами, переедем на остров по имени Зайцевский. Двигаясь строго на запад, пересечём пустынную местность, шириною в два километра, и окажемся перед самым Сталинградом.

Впереди, прямо через другую протоку, увидим завод «Баррикады». По правую руку, Сталинградский тракторный. Слева, «Красный Октябрь». Ещё дальше, внушительный холм, под названием – Мамаев курган. Насколько известно милиции, где-то в этом районе находится штаб шестьдесят второй армии.

Закончив давать пояснения, Степан Сергеич заметил, что все лейтенанты разом повернулись к реке. Судя по выражению лиц офицеров, они собрались немедленно двинуться в

путь. Майор строго сказал: – Выходим завтра, в шесть ноль-ноль.

– Зачем же нам ждать? – удивился горячий азербайджанец Тофик Бабаев: – До наступленья заката ещё далеко. Мы спокойно дойдём до берега Волги. И скорее всего, переберёмся на противоположную сторону.

– Затем, что теперь мы не в глубоком тылу, а находимся в прифронтовой полосе. Во время боевых операций, во всей округе, народ подчиняется комендантскому часу. Так что, ночью, без особой нужды, никто нигде не гуляет. Особенно малыми группами. – объяснил строевой офицер.

– Не дай Бог, набредём в темноте на армейский секрет, или хуже того, на отряд «особистов». Постовые спросят пароль, которого мы, конечно, не знаем. Чего доброго, примут нас всех за диверсантов врага. Пальнут с перепугу и шлёпнут ни за что, ни про что.

Поэтому, мы дождёмся рассвета, а поутру двинемся к переправе на Ахтубе. По дороге пристанем к любой воинской части и вместе с ней доберёмся до осаждённого города.

А сейчас нам очень нужно найти приличный ночлег. Хоть на дворе и жаркое лето, но на всякий пожарный, лучше находиться под крышей. Вон сколько дыма поднимается в воздух вокруг.

Мало ли что, с погодой случится? Небольшие пылинки могут сконденсировать влагу, висящую в верхних слоях атмосферы. Вдруг начнётся гроза? Зачем же нам мокнуть за-

зря?

Майор закинул за спину мешок, весьма похудевший за прошедшие дни. Он повернулся и бодро направился в противоположную сторону от железнодорожной дороги: – Не хотелось бы попасть под бомбёжку. – заметил он на ходу. – Кто их знает фашистов? Вдруг, снова начнут налёт на пути.

Пройдя по кривой и коротенькой улочке, Степан Сергеич вывел бакинцев к концу небольшого посёлка. Он огляделся вокруг, вошёл во двор крепкого, просторного дома, расположенного на самой околице, и поздоровался с женщиной шестидесяти лет. Она возилась возле сарая, с какой-то посудой. Скорее всего, хотела задать корм личной скотине.

Седовласый майор широко улыбнулся хозяйке и поговорил с ней о чём-то. Она сообщила, что хата давно занята расчётом артиллеристов. Их дальнобойная пушка, расположена к востоку отсюда.

К счастью прибывших людей, сегодня в обед, к Сталинграду ушла группа связистов. Небольшой сеновал сейчас совершенно свободен. Там легко разместиться пять или шесть человек.

Никто не стал возражать против короткого сна на сухой душистой траве. После жаркого дня, это намного приятней, чем отдыхать в тесной душной избе. Майор сунул женщине какие-то деньги, подошёл к своим подопечным и передал им весь разговор.

Выпускники военных училищ облегчённо вздохнули и бросили вещи на лавку, стоявшую возле крыльца. Хоть лейтенанты всю дорогу сидели в машине, они ощутимо устали.

Как ни крути, а продолжительный путь занял не пять-шесть часов, как рассчитывал Яков, а в два раза больше, целых полсутки. Причём, всё это время, «полуторка» еле тащи­лась по тряс­ким просёлкам и на сильной жаре. Так что теперь, никому не хотелось, двигаться дальше.

Бакинцы направились к небольшому колодцу и сбросили вниз ржавую цепь, привязанную к скрипучему вороту. Желая размяться, Яков схватился за кривую железную ручку, и стал её быстро крутить.

Из мрачных глубин подземелья показалось ведро, наполненное прозрачной, холодной водой. Все тотчас на­пились и наполнили фляги, опустевшие в ходе поездки.

Затем, офицеры отошли в сторонку от сруба. Туда, где имелся небольшой пятачок зелёной травы. Все разделись по пояс и с большим удовольствием смыли с себя липкую серую пыль. Её оказалось на коже, удивительно много.

Покончив с «купанием», они натянули на чистое тело свои гимнастёрки. Те весьма пропотели в пути через жаркую степь. Однако, никто их стирать пока не хотел. Лейтенанты решили, что этим займутся после прибытия в часть. До неё тут совсем ничего. Завтра к обеду будут на месте.

Ощувив, что они оказались на отдыхе, военные не стали надевать портупей с ремнями. Они прямо так, «распоясав-

шись», прошли к летней кухне, куда их пригласила немолодая хозяйка.

Офицеры достали из тощих мешков остатки продуктов и разложили на чистой тряпице белого цвета. В этом долгом пути майор её постоянно использовал вместо маленькой ска-терти.

Все офицеры поели на скорую руку, и запили надоев-шую уже сухомятку чистойшей водой из колодца. После че-го, убрали стол за собой и вернулись к избе. Как все замети-ли, возле крыльца стояла широкая, очень удобная лавочка. Они сели коротким рядочком на неё отдохнуть.

Яков повернул голову право и с тревогой глянул на запад. Он хотел посмотреть на светило. К этому времени, оно по-дошло к горизонту, и должно было, зависнуть над ним, как большое красное яблоко.

Однако, перед молодым лейтенантом предстала совер-шенно другая картина. Солнце достаточно низко спустилось к земле, но его не было видно. Оно скрылось в клубах дыма и пыли, висящих за Волгой, как серое облако.

Парень пошарил глазами по плотному мареву и кое-как отыскал багровые отсветы. Они едва пробивались сквозь за-весу частиц, парящих в горячем воздухе города.

Зенитчик зябко передёрнул плечами и невольно подумал: – «От посёлка до Сталинграда всего километров де-сять-двенадцать, но даже отсюда на это страшно смотреть.

Что же творится сейчас в самом пекле боёв?»

С осязаемым трудом Яков взял себя в руки. Он сказал себе твёрдым голосом: – «Приедем-посмотрим!» – после чего, отбросил ненужные мысли и постарался, вспомнить о чём-то приятном.

К сожалению парня, в голову ничего не пришло, и он решил, что сильно устал и пора отдохнуть. К своему удивлению, Яков тут же услышал, как майор предложил молодым офицерам: – Идите ребята, ложитесь. Я приду чуть попозже.

Один за другим, лейтенанты поднялись с насиженной лавочки, взяли личные вещи и шагнули к большому сараю, примыкавшему к просторному дому. Яков двинулся вслед за двумя пехотинцами.

Бакинцы забрались по лестнице на тёмный чердак. Почти всё помещение было заполнено свежее убранном сеном. Судя по приятному, сильному запаху, его заготовили месяц назад. Ещё до прихода фашистов сюда.

Все тут же положили поклажу на пол, сколоченный из щелястых досок. С большим наслаждением, молодой лейтенант упал на мягкие ворохи душистой травы.

Первым делом, зенитчик стянул с себя сапоги и повесил на них влажные от пота портянки. Поставив обувь в ногах, он откинулся на спину, потянулся всем телом и блаженно закрыл уставшие за день глаза.

Лежавшие рядом, Тофик с Кареном слегка повозились.

Устроились, как можно удобнее и мгновенно заснули. Яков хотел тут же последовать заразительному примеру бакинцев. Тут до него долетел тихий голос майора. Парень невольно прислушался.

С первой встречи со Степаном Сергеичем, Яков сразу отметил, что перед ним весьма необычный мужчина. Он пригляделся к майору внимательней и убедился, что ничуть не ошибся.

Седовласый майор оказался настоящим волшебником в обращении со всеми людьми. Он без всяких проблем находил общий язык абсолютно со всеми, кто находился вокруг. Раньше, парень только читал о таких неординарных субъектах. Он знал из книг, что их называли, не иначе, как «гений общения».

С кем бы жизнь ни столкнула майора, он никогда не обращал вниманья на возраст, на пол, или профессию своего собеседника. Со всеми, как говориться, был на равной ноге. Будь то военный, гражданский, матрос, «особист» или чумазый путеец.

Вот и сейчас он беседовал с женщиной, хозяйкой двора, где сейчас отдыхал с тремя лейтенантами. Причём, говорил так душевно, словно многие годы был с ней прекрасно знаком. Потом, долго где-то отсутствовал, наконец-то, вернулся домой и слушал безыскусный рассказ о старых общих знакомых.

Весь день, в уши зенитчика били различные неприятные звуки. В первую очередь, вой самолётов фашистов, трескотня пулемётов, взрывы авиабомб и шум множества автомобилей, ревуших на трассе на полную мощь.

Люфтваффе и артиллерия фрицев на короткое время прекратили обстрелы левого берега Волги. В нескончаемом грохоте вдруг наступила очень короткая пауза. Ночь неожиданно стала до невероятности тихой. Только сверчки и цикады замечательно пели свои однообразные арии.

Яков сейчас оказался в совершенно необычном пространстве. Он находился в глубине небольшого посёлка. Вокруг стояла звонкая тишь, словно и не было рядом великой войны.

И хотя, шоссе и железнодорожная станция располагалась в двух километрах от дома, сейчас и оттуда не доносилось ни единого звука. Ни стука вагонных колёс, ни переклички паровозных гудков, ни объявлений диспетчера, летящих из больших репродукторов.

Правда, подобного шума здесь уже и быть не могло. Станцию «Верхняя Ахтуба» фашисты разбили до самых фундаментов. Их снаряды и бомбы сожгли всё до пепла и мелких углей.

Поезда горелыми грудями лежали вдоль сильно расшатанных железнодорожных путей. Если появятся здесь «боелетучки», то придут они без огня фонарей и сигналов. Они быстро разгрузят снаряды с патронами и тут же умчатся об-

ратно.

Доски чердака над сараем оказались достаточно тонкими, а щели меж ними чрезмерно большими. Так что, Яков слышал всё то, о чём очень говорила хозяйка двора. Она уже завершила рассказ о себе и перешла к своему старшему сыну – Николаю Езушину.

Сначала она сообщила те вещи, о которых зенитчик всё знал из газет и ежедневных сводок по радио. О том, что в начале Великой Отечественной войны, Правительство СССР объявило всеобщую мобилизацию и в армию быстро призвали миллионы людей.

Все заводы, фабрики и даже маленькие мех.мастерские перешли на круглосуточный график работы. Они, в огромных количествах, выпускали продукцию, что немедленно шла в Красную армию.

Фашисты неудержимо рвались вперёд. Поэтому, людей и оружие нужно было доставить к местам сражений в кратчайшие сроки. Наша страна раскинулась в разные стороны на многие тысячи вёрст. Так что, нельзя обойтись без больших перевозок.

Главную часть всей нагрузки взяла на себя весьма разветвлённая железнодорожная сеть СССР. Следом за ней, по объёмам, шёл водный транспорт страны.

Благодаря таким обстоятельствам, ни путейцев, ни речников с морьяками не брали на битву с врагом. Для них, как и

для всех советских людей, глубокий тыл стал той же линией фронта.

Потом пошли уже факты из биографии сына: – Николай родился в Царицыне незадолго до Германской войны, в далёком 1912-м. Шло время, наступил 1917-й, а в свой черёд, 1925-й.

Местные власти решили, что не стоит крупному населённому пункту носить старое имя. Зачем напоминать местным жителям о жутком прошлом Советской России. Так старинный купеческий город назвали в честь вождя мировой революции Иосифа Сталина. И стал он с тех пор Сталинградом.

Николай мало чем отличался от прочих ребят. Быстро рос и умнел. Окончил, как все, семилетнюю школу, и поступил в парходство на должность матроса. Он постоянно учился всему, что только возможно. Всегда был на очень хорошем счету. Постепенно, дорос до капитана грузового баркаса под названием «Ерик».

По описанию хозяйки, это был совсем небольшой теплоход с одной плоской палубой. Посреди открытой площадки торчала тесная рубка размерами два на два метра, и высотой чуть более, чем в рост человека. Ширина перевозчика составляла семь-восемь шагов, а длина втрое больше, и достигала пятнадцати метров.

Вдоль низких бортов тянулись низкие лавки, для тридцати пассажиров. Между ними ставились ящики с грузом, которые нужно доставить по волжской воде. Экипаж очень ма-

ленький и состоял из четырёх человек: капитана, механика, помощника и, конечно, матроса.

До 1942-го года Николай жил в районе бывших «Балкан», расположенном в северной части города Сталина. Это рядом со зданием очень внушительной мельницы, построенной по-волжским немцем Александром Гергардтом. После революции, у капиталиста её отобрали, а ближе к тридцатым годам, назвали в честь революционера Константина Грудинина.

– Вы может быть, даже не знаете, – сказала дальше старушка: – но супротив Сталинграда всегда находилось несколько крупных посёлков: Верхняя, Средняя и Нижняя Ахтуба. Плюс ещё целый десяток небольших деревень.

Многие люди жили здесь постоянно, а работали на той стороне, на огромных заводах. Всех нужно было возить через Волгу. Вот и гоняли баркасы в качестве обычных паромов.

Как только фашисты вышли к окраинам города, они стали бомбить все кварталы. Центральные районы были сильно разрушены в течение суток. Те, кто не погиб при обстрелах, бросили всё, что у них там имелось, и перебрались на левую сторону.

Николай вместе с семьёй переехал ко мне. Живёт теперь здесь, а ходит каждый день на войну, как к себе на работу. Вернее сказать, он постоянно на фронте и лишь иногда, на пару часов, вырывается к престарелым родителям.

Ведь кроме своих стариков, ему нужно проведать семью и передать им продукты, которые выдают в пароходстве. Очень часто машины с провизией гибнут в пути. Пайки не доходят до речников и они вместе с семьями остаются с пустыми кастрюлями.

Все мы уже целый месяц питаемся впроголодь, чем только придётся. Собираем зерно, что выносит водой из потопленной баржи. Оно наполовину с песком и, как его только не мой, всё равно хрустит на зубах.

В основном едим рыбу, оглушенную частыми взрывами. Но для того, чтобы её подобрать, нужно топать к реке, а там сейчас сущий ад, пришедший из преисподней на землю.

По правде сказать, – продолжала старушка: – здесь ненамного спокойнее, чем на самой переправе. Оба берега Волги каждый день подвергаются авиационным налётам и артиллерийским обстрелам.

Дома в нашем посёлке горят один за другим. Скоро и до моего небольшого двора дойдёт своя очередь. Придётся вырыть землянку, как сделали все погорельцы и жить в тёмной норе, словно слепые кроты. Если, конечно, уцелеем при взрыве?

Фашисты желают стереть город Сталина с лика земли и бомбят его круглые сутки. Лишь иногда выдаются минуты такие же тихие, как, к примеру, сейчас. Я думаю, это всё объясняется не добротой наших врагов.

Скорее всего, пушкари и лётчики фрицев далеко не железные. Наверняка, они тоже сильно устали. Нужно всем отдохнуть, а заодно, почистить орудия, залить бензин в самолёты и заправить их бомбами.

Женщина вдруг замолчала на короткое время. Тяжко вздохнула и тихо продолжила: – По словам Николая, после двадцать третьего августа, всё в городе было разрушено. По всей округе уже не осталось ни одного не разбитого многоэтажного дома.

Уцелело лишь несколько зданий, построенных в центральных районах. Однако, они пострадали так сильно, что там торчат одни обгоревшие остовы. Мельница тоже, пока что на месте. Она возвышается над полем развалин, как большой памятник людскому безумию.

Двор, где долгие годы жил Николай, находился недалеко от берега Волги. Здание мельницы стоит между ним и фашистами. Оно защищает хибарку от артиллерийских обстрелов и принимает удар на себя. Благодаря этой странной случайности, стены частного дома всё ещё пребывают в сохранности.

Каждый день, по несколько раз, Николай плывёт через широкую реку. Он прорывается сквозь плотный фашистский огонь и с тревогой смотрит туда, где провёл свою молодость.

Смотрит сквозь дым и пыль от разрывов и горестно думает: – «Как там мой маленький дом? Надеюсь, в порядке?» – увидев, что здание ещё не разрушено, он облégченно вздыхает.

ет: – «Жив, пока что курилка! Значит, и мы ещё повоюем!» – говорит он себе и направляет баркас к пристани шестьдесят второй переправы.

– А по каким часам ходит паром? – спросил вдруг майор.

– Все работают круглые сутки. Причём, в двух направлениях. – сообщила старушка: – Используют любые суда, какие могут найти – рыбацьи лодки, баркасы и баржи.

Непрерывным потоком везут в Сталинград регулярные части и снаряженье для них. Назад доставляют увечных бойцов и тех местных жителей, что ещё не успели уехать из города.

Круглые сутки над переправой летают самолёты фашистов. Они стреляют из пулемётов по всем судам без разбору. Совершенно не смотрят на то, кто сидит на маленьких палубах. Здоровые там солдаты с оружием, или же бабы с детьми, да старики со старухами.

В первую очередь, фрицы охотятся за крупными баржами, на которых везут в Сталинград боеприпасы, горючее, тяжёлую технику и сотни людей. Но, кроме них через реку плывёт много баркасов, катеров и вёсельных лодок.

К счастью, у фрицев нет столько сил, чтобы разбить каждое плавучее средство, что идёт по воде. Поэтому, небольшие судёнышки чаще проскакивают сквозь завесу огня.

В течение первой недели, Николай сделал множество ходок через широкую Волгу. Он был под постоянным об-

стрелом, но ему чрезвычайно везло. Вокруг гибли солдаты, плывшие в Сталинград, или бедные беженцы, желавшие выйти из зоны боёв. Бомбы падали рядом с его теплоходом. Осколки косили людей, стоящих на палубе, в том числе, и членов его скромной команды.

Как рассказал сослуживец моего Николая – вздохнула старушка: – три дня назад, «Ерик» шёл к правому берегу. В который раз, он вёз осаждённым бойцам ящики с большими снарядами.

В облаках появился бомбардировщик фашистов. «Лапотник» завалился на бок и устремился к воде. От крыла отделилась тяжёлая бомба. Мелькнула стремительной тенью и упала возле правого борта.

Раздался оглушительный взрыв. К небу поднялся фонтан горячего пара. Горячие осколки железа полетели в разные стороны. Часть из них, врезалась в штабель из ящиков. Несколько штук перерубили верёвки, которыми его крепко связали.

Все члены экипажа были заняты делом. Моторист и помощник возились с чихающим дизелем. Матрос находился на крыше маленькой рубки и всё время стрелял из пулемёта по самолётам нацистов.

Тогда Николай закрепил капитанский штурвал, чтобы корабль не сошёл с нужного курса. Выскочил из надстройки на палубу и быстро связал перебитые тросы.

Рядом с баркасом раздался другой громкий взрыв. Туча

осколков яростно свистнула в воздухе. Пара из них тут же попала в моего родного сыночка. Они сбили Коленьку с ног, и швырнули болезного в реку. Хорошо, что матрос разглядел, как его командир оказался в воде. Он спрыгнул с рубки и вызвал из трюма обоих механиков.

Не обращая внимания на тысячи пуль, падавших с неба, они повернули корабль назад и, вытащили Николая на палубу. Затем, снова направили «Ерик» к правому берегу. Порвали тельняшки на длинные полосы и, как смогли, завязали глубокие раны товарища.

Причалив к узкому пляжу, мотористы с матросом взялись разгружать привезённые грузы. К ним пришли на помощь солдаты. Один командир заметил свежую кровь, испятнавшую доски.

Он сразу спросил, что случилось в пути? Ему объяснили, что если бы их капитан не закрыл своим телом те ящики, то снаряды наверняка взорвались. Тогда, от судёнышка ничего не осталось.

Раненого в грудь Николая отвезли к левому берегу, где положили в воинский госпиталь. Сегодня днём приезжал сослуживец сыночка. Сказал, что он идёт на поправку и, в ближайшее время, вернётся на судно.

Ещё он сказал, что об этом удивительном случае узнали в речном пароходстве. Начальство решило отметить героический подвиг Николай Ивановича и представило его к боевому советскому ордену «Красной звезды».

Голос старушки был весьма монотонным и тихим. Уставший от долгой дороги, зенитчик прикрыл тяжёлые веки и, незаметно для себя самого, быстро уснул. Спал он так сладко и крепко, что даже не слышал, как на западе снова раздался гул канонады.

Это фрицы закончили небольшой перерыв. Они почистили свои дальнобойные пушки и возобновили огонь из многих орудийных стволов. Одновременно с этим, авиатехники заправили самолёты горючим и загрузили в них бомбы и пулемётные ленты. Стервятники Гитлера поднялись в воздух, повисли над Волгой и с новой силой стали охотиться за речными судами.

Яков очнулся лишь после того, как недалеко от сарая неожиданно грохнула 152-миллиметровая гаубица. За ней тут же вступила и вся батарея, состоявшая из шести огромных орудий.

Встревоженный оглушительным шумом, лейтенант поднял голову, гудящую от недосыпа. Он встретился взглядом с майором и услышал его тихий шёпот: – Спи. Это наши «М-10» бьют по фашистам, стоящим на другом берегу.

Зенитчик увидел, как пожилой офицер повернулся на бок и тотчас успокоился. Парень взглянул сквозь небольшое окно чердака. Там было бездонное чёрное небо, густо усыпанное крупными яркими звёздами.

Он полежал неподвижно. Послушал мощные выстрелы,

громко бухавшие, каждые двадцать секунд и, скоро заметил, что чуть дальше влево, слышны ещё более крупные пушки: – «Скорее всего, 203-миллиметровые» – подумал зенитчик и вновь провалился вглубь забытья.

Благодаря многолетней привычке, Яков проснулся в то самое время, которое назначил себе накануне, перед тем, как отправится спать. Это произошло так же естественно, словно над его чутким ухом, звенел старый будильник, оставшийся в далёком Баку.

Парень взглянул на новенький наручный хронометр. Его лейтенант получил от отца, всего месяц назад. После того, как окончил училище. Стрелки показывали уже половину шестого. Молодой человек прислушался к звукам, доносившимся до него со двора.

Слышался стук какой-то посуды. Скорее всего, пожилая хозяйка возилась возле печи летней кухни. Наверное, собиралась кормить пушкарей, вернувшихся после ночного дежурства. Он осторожно уселся на ворохе сена и глянул по сторонам.

Степан Сергеич был в метре от парня. Он снял с голенищ двух сапог высохшие за ночь портянки, и стал обуваться. Парой ловких движений майор обернул тканью ступни и голяшки. Натянул пыльную обувь и, стараясь не разбудить лейтенантов, пошёл к узкой лестнице, ведущей вниз с чердака.

Старые доски настила прогнулись под немаленьким весом и закрипели на все голоса. Услышав звук тихих шагов, проснулись два молодых пехотинца. Они повертели головами спросонья. Яков взял свои вещи и последовал за седовласым майором.

Офицеры тоже поднялись, быстро собрались и спустились во двор. Там они, все умылись холодной водой из колодца. Остатки крепкого сна тотчас развеялись почти без следа. Все четверо чисто побрились. Отряхнули форму от налипших травинок, и привели себя в надлежащий порядок.

Затем устроили в складчину завтрак. На него ушли все остатки продуктов, полученных в пакгаузе Астрахани. Все быстро поели и, неожиданно, получили от хозяйки в подарок полутора литровую крынку тёплого ещё молока. По вкусно-му запаху, витавшему в воздухе, стало понятно, его только что принесли от коровы.

Стараясь никого не обидеть, Яков разлил парную жидкость в простые солдатские кружки. Все дружно выпили за здоровье добросердечной старенькой женщины. Парень заметил, как лёгким движеньем руки хозяйка смахнула крупные слёзы, навернувшиеся ей на глаза.

– «Наверное, многих она уже проводила на правую сторону». – невольно подумал зенитчик: – «Интересно, вернулся ли кто-то назад?»

Ополоснув пустую посуду, гости взяли шинельные скатки с полупустыми мешками. В шесть часов пополуночи все были готовы, продолжить свой путь в Сталинград. Майор душевно поблагодарил старую женщину и тихо спросил: – Как нам пройти к мосту через Ахтубу?

Хозяйка печально вздохнула и рассказала, что мост разбомбили фашисты ещё неделю назад. Затем, объяснила, где расположена ближайшая к ним переправа. Она проводила своих постояльцев до самой калитки. Стоя возле забора, она перекрестила их спины.

Офицеры вышли на пыльную улицу и двинулись в том направлении, что указала селянка. Минут через десять, они добрались до неширокой протоки, заросшей камышом и рогозом. Там находились сотни солдат, сидящих вдоль узкой дороги.

Просёлок спускался к узкой реке и упиралась в простейший паром. Он представлял собой маленький плот, наскоро связанный из плохо ошкуренных брёвен. Небольшое устройство двигалось по железному тросу, натянутому между двумя берегами. На нём могла поместиться одна «полуторка» с грузом или взвод вооружённых солдат, стоящих вплотную друг к другу.

Яков повертел головой в разные стороны. Немного левее, виднелось несколько точно таких же «транспортных средств». Возле каждой такой переправы тянулась длинная очередь автомобилей и сильно запылённой пехоты.

Привалившись к друг к другу потными спинами, усталые донельзя, бойцы сидели парами на голой земле. Упёршись подбородками в грудь, все они чутко дремали.

Измученный вид тех солдат, сказал парню о том, что прежде чем добраться сюда, они все прошли долгий путь. Наверняка он продолжался не менее сорока, а то и пятьдесят километров. Причём, с полной выкладкой в заплечных мешках.

На двух берегах Верхней Ахтубы расположились батареи зениток. Они защищали всю переправу от нападения фрицев. Вот только, устроены они оказались, самым примитивнейшим образом. Здесь не имелось каких-либо орудий или, малокалиберных пушек, предназначенных для обороны от воздушных стервятников.

Вместо них наблюдались спаренные дегтярёвские пулемёты «ДА-2», с дисковым магазином ёмкостью на шестьдесят три патрона. Их окружали невысокие стенки, сложенные из обычных мешков, наполненных мелким песком.

Возле всех установок стояли щуплые девушки в старой, выцветшей форме. Зенитчицы неотрывно смотрели на запад. Откуда, в любую секунду, могли появиться самолёты фашистов.

Степан Сергеич не захотел вставать в хвост длинной колонны, как сделал бы это Яков, очень застенчивый в подобных вопросах. Вместо этого, майор бодрым шагом направил-

ся к берегу.

Он быстро взбежал по сходням из досок и строго взглянул на небритого часового с винтовкой. Судя внешнему виду солдата, он стоял здесь всю ночь напролёт, и должен был скоро смениться.

Охранявший переправу, боец не сказал ни единого слова строевому майору. Скорее всего, он принял четырёх офицеров за вестовых из штаба местного фронта. Обычно, подобные люди везли важный пакет с документами в шестьдесят вторую Сталинградскую армию.

Его не удивило то обстоятельство, что они все явились пешком, а не в «эмке» чёрного цвета. То есть, не в «ГАЗ М-1», положенной им по уставу РККА. Легковую машину могли разбомбить по дороге фашисты.

Красноармеец слегка подтянулся. Он козырнул и торопливым движеньем застегнул верхнюю пуговицу на гимнастёрке. Быстро подняв длинную слегу, служившую здесь, как шлагбаум, боец пустил трёх лейтенантов с майором на убогий паром. Там находилась «полупорка», гружённая какими-то ящиками, и два отделения солдат, разместившихся вдоль обоих бортов.

Стоявшие на плоту пехотинцы, словно бы ждали Степана Сергеича. Они разом взялись за трос и дружно его потянули к себе. Удивительно плавно, паром отошёл от причала и очень медленно двинулся к противоположному берегу

Ахтубы. Он неторопливо поплыл сто с чем-то метров протоки и мягко причалил к маленькой пристани, сколоченной из горбыля.

Офицеры сошли на западный берег. Яков увидел, что недалеко, возле кромки воды, понуро сидели бойцы-пехотинцы. Возле них находился такой же молодой, как и он, лейтенант. Рядом стоял указатель, на котором корявыми буквами было написано: – «Посёлок имени Кирова – 1.5 км»

Взводный увидел два отделения, сходявшее на низенький берег и нетерпеливо махнул им рукой. Солдаты прибавили шагу. Переставляя усталые ноги, они с ощутимым трудом поспешили к своему командиру.

Сидевшие на земле, красноармейцы неохотно поднялись и, словно сомнамбулы построились в колонну «по два». По команде: – «Шагом марш» – они тронулись с места и, не спеша, запылили по разбитой грунтовке.

Узкий просёлок нырнул вглубь маленькой рощи, тянувшейся вдоль неширокого русла, и тотчас потерялся среди густой пышной зелени. Тополя, карагач и плакучая ива здесь густо стояли сплошной стеной.

Майор с лейтенантами направились следом за взводом солдат-пехотинцев. Офицеры ушли от уреза воды и поднялись на берег протоки. Оказавшись на невысоком пригорке, Яков вдруг обернулся. Парень заметил, что на опустевший паром вкатилась «полуторка».

В её тесном кузове находилось бойцы в пыльной изорванной форме. Все они были ранены в страшных боях, идущих вокруг Сталинграда. Как показалось вдруг парню, их там сидело не более десяти человек. В основном были «лёгкие». Те, кто самостоятельно двигался без чьей-либо помощи.

– «Похоже, все остальные погибли в дороге». – почему-то подумалось парню. Печально вздохнув, зенитчик добавил: – «Или же, в городе ведутся такие сражения, что «тяжёлых» бойцов нельзя утащить с поля бои и отправить в наш тыл для лечения».

Яков увидел, как санитар и водитель вышли из тесной кабины. Взялись за трос и потащили паром к левому берегу. Туда, где стояла огромная очередь молодых, здоровых солдат, ждущих своего отправления на ужасную бойню.

Следуя за взводом пехоты, офицеры прошли почти километр. Все вдруг услышали, что у них спиной начался сильный бой. Яков опять обернулся. Сквозь ветви деревьев парень увидел такую картину.

Над руслом Ахтубы поднимались султаны светлого дыма. До слуха бакинца донеслись длинные очереди, из нескольких пар «дегтярёвых». К ним тут же прибавился вой летящих к земле бомбардировщиков и частые, громкие взрывы.

– Будем, надеяться, что молодые зенитчицы прогонят проклятых фашистов от своей переправы. – сказал себе парень. Он немедленно понял, что нисколько не верит этим словам. Слишком слабой защитой были два «ручника» про-

тив самолётной брони.

В это же время, на пустом берегу скопилось большое количество уставших людей и всяческой техники. Там им некуда было укрыться. Так что, каждая пуля, пущенная с небольшой высоты, тут же найдёт себе цель. А что случится чуть позже, он постарался не думать.

Степан Сергеич, словно и не заметил начавшейся стрельбы за спиной. Не останавливаясь ни на секунду, майор быстро шагал всё дальше и дальше. Лейтенанты переглянулись и пустились вдогонку за ним.

Скоро они оказались перед обширной поляной голой земли. Её густо усеивали тёмные пятна непонятных развалин. Среди обугленных корявых деревьев, виднелись одни пепелища обширных размеров.

Лишь приглядевшись, Яков вдруг понял, что же сейчас перед ним. Среди пятен золы и остывших углей стояли до черна закопченные русские печи. Кирпичные трубы сиротливо вздымались над большими лежанками. Всё это весьма походило на огромное кладбище уничтоженных в бою паровозов.

– А вот и посёлок имени Кирова. – пробормотал кто-то из молодых лейтенантов: – Вернее всё то, что осталось здесь после бомбёжки.

Двигаясь по пологой дуге, офицеры обошли голую землю, выжженную проклятыми фрицами. Они оказались на узком

просёлке и вдруг увидели, что он расходится в разные стороны.

На развилке стоял кривой тонкий столбик с двумя небольшими табличками. Они были коряво написаны неумелой рукой. Стрелка, указавшая влево, говорила военным: – «о. Зайцевский». Вторая сообщала о том, что путь, идущий направо, ведёт к «о. Спорный».

Не замедляя скорого шага, майор повернулся к трём спутникам и поделился информацией, что получил от сержанта милиции: – Остров Спорный расположен напротив северной части города Сталина, который называется «Рынок».

Немцы прорвались к нему почти что вплотную. Они взяли ту высоту, что находится рядом, и прямой наводкой бьют с неё по речной переправе. Поэтому, не стоит нам туда поворачивать. Там нас перебьют, словно в тире.

– А почему же, пехота пошла в том направлении? – спросил Яков Степана Сергеича. Он указал на взвод солдат, ведомый ничего не знавшим об этом, молодым лейтенантом.

– Потому, что он получил конкретный приказ. – хмуро ответил майор: – Отвлекать на себя силы противника с максимально возможной настойчивостью. Даст Бог, кому-то из них повезёт, и они доберутся до правого берега.

А мы с вами ещё не приписаны ни к какой воинской части. Так что, пойдём в сторону острова Зайцевский. Переправимся все в Сталинград. Там начальство решит, куда нас послать? Может быть, на защиту того самого «Рынка» или

куда-то ещё.

Извилистая грунтовка уходила на запад. Она сильно петляла среди лиственных рощ, мелких озёр и узеньких стариц, встречавшихся им на пути. Между водоёмами и зарослями кустов и деревьев не очень давно располагались делянки созревшей пшеницы.

Теперь, вокруг расстилались большие поля, покрытые слоем белёсого пепла. Лишь кое-где, на окраинах этих участков, торчали колосья с тяжёлыми закопчёнными зёрнами. Наверное, весь урожай сгорел от зажигательных бомб, сброшенных самолётами фрицев.

Если бы не большое число указателей, стоявших в разных местах, то офицеры наверняка заблудились. Правда, в зарослях высоких деревьев часто мелькали столы дальнобойных орудий. Все они, были затянуты зелёной маскировочной сетью. Можно подойти к пушкарям и узнать дорогу у них.

Навстречу иногда попадались «полуторки», везущие раненых. Шли толпы гражданских, безоглядно бегущих из осаждённого немцами города. А со стороны реки Ахтубы ни машин, ни пехотинцев не видно.

Похоже, что пикирующие бомбардировщики смогли повредить все паромы. На какое-то время, вся переправа перестала работать. Войскам оставалось лишь ждать, пока сапёры сколотят другие плоты, а после, натянут новые тросы.

Так же, как и над железной дорогой, в утреннем небе постоянно висели ненавистные «рамы» фашистов. Несколько раз, вдруг появлялись другие самолёты врага.

Истребители фрицев стрелой пролетали на небольшой высоте. Иногда они делали крутой разворот и спускались к самой земле. А всё для того, чтобы дать пулемётную очередь по испуганным беженцам, или по группе противников, состоявшей из четырёх человек.

И не жаль было им, ни дорого бензина, затраченного на сложный манёвр, ни пулемётных патронов на удивительно мелкую цель. Заслышав шум авиационных моторов, офицеры бросались в разные стороны. Все дружно прыгали в пустые канавы и замирали на дне кюветов, пока не минует опасность.

– «Хорошо, что сейчас стоит жаркое лето!» – каждый раз думал Яков, прячась в узкой траншее: – «Стоит сухая погода, и здесь нет ничего, кроме пыли. А если придёт дождливая осень, то будем по уши купаться в грязи!»

От посёлка «имени Кирова» до усадьбы колхоза «Ударник» по узкой дороге было пять или шесть километров. Однако, четырём офицерам довелось отмахать больше восьми длинных вёрст.

Мосты через большие протоки оказались разбиты немецкими бомбами. Приходилось искать неглубокие броды, где удалось бы легко перебраться на противоположную сторону.

Желательно было встретить такие проходы, чтобы не раз-

деваться совсем, догола. Ведь потом придётся надеть пыльную форму на мокрое тело. Кроме того, никому не хотелось терять время впустую.

Лейтенанты желали, как можно скорее, дойти до своей воинской части. Все почему-то надеялись, что в большом коллективе солдат, они будут не так уязвимы, как на пустой открытой площадке.

Хорошо, что шофёры вездесущих «полуторок» давно отыскивали удобные места переправы. Теперь к ним вели отлично накатанные грунтовые дороги.

Ближе к полудню, группа военных благополучно добралась до намеченной цели. Там офицеры узнали, что оказались в расположении восьмьдесят пятого полка артиллерии.

Тяжёлые 152-миллиметровые гаубицы стояли внутри редкой рощи, растущей недалеко от берега Волги. Орудия прятались в глубоких окопах, недавно отрытых между корнями деревьев. Сверху их закрывали пыльные сети маскировочного зелёного цвета.

Дроздов нашёл командира большой батареи. Представился по полной программе, поговорил по душам, и объяснил сложившуюся сейчас ситуацию. Пушкарь выслушал короткий рассказ пожилого майора. Вызвал своего старшину и приказал: – Накормить наших гостей!

Обед состоял из несолёной перловки, сваренной на обычной воде. Пища не шла ни в какое сравнение с той бастурмой

и американской тушёной, которой не очень давно, офицеры питались в дороге. Хорошо, что каши оказалось в достатке. Все наелись досыта.

После плотной еды, офицеры немедленно двинулись дальше. Они прошли ещё с километр и обнаружили батальон уставшей пехоты, сидевшей в зарослях карагача с ивняком. Небольшой перелесок примыкал к низкому берегу и вольготно тянулся вдоль главного русла.

Подобравшись к самой опушке, Яков настороженно выглянул из плотных кустов. Он посмотрел на западную часть горизонта и замер на месте от сильного страха.

Прочтя множество книг, парень доподлинно знал, что по всем показателям, Волга стоит на первом месте в Европе. Однако то, что лежало сейчас перед ним, испугало зенитчика до дрожи в коленях. На первый взгляд, ширина огромной реки достигала тысячи метров.

Он с огорчением вспомнил о том, что вода сильно скрадывает расстояние, видимое глазу. Наверняка, здесь значительно больше. Скорее всего, все полтора километра.

Уж на что он хороший пловец, и то не решился бы выйти на такую дистанцию, не снимая сапог и галифе с гимнастёркой. Даже если, все вещи снять и сложить в заплечный мешок, то это вряд ли поможет. Увесистый «сидор» с шинелью сразу намокнут, и пудовую гирей потянут на дно.

Поэтому, такую поклажу нужно куда-то пристроить. Лучше всего, на какой-то обломок бревна. Но где его поблизости

взять? Не рубить же стволы тех деревьев, между которыми находятся сотни солдат.

Это лишит их последней защиты от самолётов фашистов. К тому же, нет топора под рукой. Разве, что он найдётся у ротного повара. Ведь, он топит дровами котлы своей передвижной маленькой кухни.

Получается, придётся бросить все то, что тащил на себе из Баку и плыть налегке, одетым лишь в майку с трусами. Ну, предположим, приплыл ты туда, и что будешь делать на другом берегу голышом? Как и чем воевать с проклятыми фрицами?

Секунду спустя, до смущенного Якова донёсся шум голосов. Парень отвлёкся от неутешительных мыслей и невольно прислушался. Выяснилось, что красноармейцы задавали вопросы своему командиру: – Как сможет рота перебраться на правую сторону, если многие наши бойцы плавать совсем не умеют?

Видимо, лейтенант не очень давно окончил войсковое училище. Поэтому он бодро ответил им так, как писалось в каком-то учебнике: – Набейте в свои плащ-палатки сухое сено или солому. Получится, что-то вроде небольшого понтона, который не даст утонуть.

Бойцы с явным сомнением посмотрели на молодого советчика. Во-первых, ни у кого не имелось с собой плащ-палаток. Во-вторых, вокруг не стояли стога свежего сена с со-

ломой.

А в-третьих, Волга не настолько узкая речка, которую удалось переплыть таким странным образом. Ведь сухая трава сразу намокнет. Она, словно камень устремится ко дну и потащит солдата с собой.

Ничего не решив, красноармейцы сильно нахмурились. Пехотинцы разошлись по кустам и, плюнув с досады, уселись на землю. Им оставалось лишь ждать, что же случится в ближайшее время?

До наступления ночи, офицеры пробыли в маленькой роще. Всё это время, Яков с ужасом ждал, что же будет с ним дальше: – «Неужели сейчас подойдёт заградотряд НКВДешников. Особисты напомнят всем о приказе «Ни шагу назад». Наставят на нас пистолёт-пулемёты и погонят в холодную воду под угрозой расстрела?»

Чтобы отвлечься от тягостных дум, парень стал нервно оглядываться по сторонам. Вдруг, он услышал, как в двух шагах за спиной, кто-то заговорил тихим шёпотом. Судя по голосам, долетевшим до слуха зенитчика, один был стариком. Второй, являлся ровесником Якова.

Тот, что постарше спросил: – Иван ты в Бога-то веришь? Молодой человек возмущённо, то тихо ответил: – Семён, я уж три с лишним года, как состою в комсомоле. Поэтому, в Бога не верю и тебе не советую.

– Мой верный приятель тоже не верил. – продолжал ед-

ва слышно пожилой собеседник: – До тех пор, пока месяц, назад нашу роту не послали на фрицев. Я в это время был в медсанбате с лёгким ранением в ногу. Поэтому, сам в том бою не участвовал. Так вот, после страшной атаки он мне кое-что сообщил. Хочешь, сейчас расскажу?

Какое-то время молодой собеседник молчал. Видимо думал так же, как Яков. Мол, всё равно мы сидим без движения. Делать особенно нечего, так почему, не послушать стариковскую байку? Глядишь, какое-то время быстрее пройдёт. А там, старшина привёзет что-нибудь пожевать. Если, конечно, сможет достать, хоть, что-то съестное.

Приняв молчание молодого солдата за выражение согласия, пожилой уточнил: – Предупреждаю, я ничего от себя не прибавил. Передаю слова друга так, как я их запомнил.

Судя по слабым попыхиваниям, он докурил самокрутку до кончиков пальцев. Растоптал короткий окурочок и, никуда не спеша, тихо продолжил: – Несусь, говорил мой приятель, в атаку на фрицев, а эти проклятые гады стреляют по нам из сотен стволов.

Палят из винтовок и ручных пулемётов. Да ещё, миномёты применили в придачу. Вокруг пули свистят так сильно и часто, что душа ушла в мои пятки, и затаилась там, как серая домовая мышь. Гляжу, а люди, бегущие рядом со мной, падают один за другим, будто трава, под острой косой.

Я немного струхнул. Пристроился за высоким бойцом. Отстал от него метра на три, и мчусь за ним попятам, как

самолёты летят друг за другом в бою. Куда ведущий вильнёт, туда же и я.

Он вправо, я вправо. Он влево я тоже за ним. Через десять шагов слышится свист крупной мины. И, надо ж такому случиться, она попадает прямо в грудь моего живого щита.

Раздаётся оглушительный взрыв. Бедолага тотчас превращается в багровую кашу. Только оторванные руки и ноги закувыркались в утреннем воздухе. Да так братец, сильно крутились, что брызгали кровью на всё, что попало вокруг.

Я резко шархнул в левую сторону. Глянул вперёд, заметил другого солдата и встал к нему в тыл, так же, как раньше. Смотрю, чуть левее меня, бежит тощий, как спичка, очкарик.

Откуда-то примчался осколок. Ударил в кадык паренька и разрубил его тонкую шею, как большим топором. Череп сорвался с узеньких плеч и слетел кубарем вниз. Какое-то время, он катился по ней словно мяч. Затем, застыл худым лицом кверху и неподвижно замер на месте.

Лежащая на земле, голова с диким ужасом смотрела мне прямо в глаза. Она часто хлопала белесыми веками и шевелила большими губами с кровавою пеной, идущей у неё изо рта. Мало того, она очень пытался мне, что-то сказать.

Самое страшное в том, что безглавое тело очкарика продолжало бежать ещё метров пять. Только потом, оно споткнулось о крупную кочку. Упало на землю и стало биться там, словно рыба на льду.

Я снова глянул вперёд и тут услышал, как застучал впереди пулемёт. Фашистская очередь хлестнула в широкую грудь моего второго ведущего. Ударила в неё поперёк и, как огромной секирой, разрубила его пополам.

Верхняя и нижняя часть, человека свалились в густую траву и стали мерзко там шевелиться. Руки бойца хватили себя ниже талии. Он что-то кричал во весь рот, а ноги продолжали сучить, словно покойник куда-то пытался бежать.

Я тут же спрятался за другим пехотинцем и продолжил свой бег к немецким окопам. Мчусь и с ужасом вижу, что между мной и фашистами остаётся всё меньше людей, за которыми можно укрыться. Они валились один за другим, а через пару секунд, последнего из моих верных защитников убили в упор из винтовки.

Он рухнул ничком, и я неожиданно понял, что впереди только враг. Я низко пригнулся. Щучкой прыгнул на землю и тут же почувствовал, как мне на спину свалился какой-то мертвец. Видно, он бежал по пятам, а когда я вдруг резко упал, то нарвался на пулю, которая летела в меня.

Чуть погодя, пальба с двух сторон понемногу затихла. Раздался какой-то приказ. Следом послышались гогот множества фрицев. Они дружно выбрались из глубоких окопов. Растянулись в длинную цепь и стали прочёсывать поле, по которому мы мчались в атаку.

Никуда не спеша, фашисты подходили к солдатам, лежа-

щим в траве. Если они замечали, что бойцы ещё живы, то немедленно их добивали. Кто-то стрелял, кто-то резал ножом, а кто-то бил в сердце широким штыком или рубил сапёрной лопаткой по шее. Мол, нечего тратит патроны на грязных славян. Ведь они же все унтерменши.

Враги подошли ко мне ближе. Я ткнулся лицом в густую траву. Бросил дышать и притворился покойником. Рядом с моей головой появились ноги фашиста, обутые в сапоги с тупыми носами. Клацнул затвор карабина. Затем, грохнул выстрел над моей головой.

Пуля попала в бойца, который ничком лежал у меня на спине. На моё счастье, она почему-то застряла в его мёртвом теле. Наверное, пробила ему позвоночник, потеряла часть своей скорости, а после попала в грудину или в какой-то железный предмет. Например, в портсигар.

Как бы то ни было, но пуля до меня не дошла. Фриц успокоился и направился к советским позициям. Я так и остался лежать, укрытый погибшим, как тяжёлым тулупом. Враги прочесали ничейную землю, что примыкала к окопам. Решили, что далеко им не стоит ходить, и повернули обратно.

Пока фашисты бродили по полю, из наших окопов не было сделано ни единого выстрела. То ли, там вообще не оказалось людей, что могли бы вести оружейный огонь?

То ли, те, кто остался в живых, побоялись, что немцы внезапно озлобятся и рванутся вперёд? Думаю, что вернее второе. Ведь моя рота почти целиком погибла в атаке. Стало

быть, защищать нашу сторону, стало практически некому.

Тут я услышал, что фашисты подходят ко мне и снова замер, как мёртвый. Несколько фрицев протопали мимо, но мне опять повезло. Они не заметили, что я не убит и, болтая о чём-то, вернулись обратно в траншею.

Облэгчённо вздохнув, я осторожно поёрзал. Устроился как можно удобнее, и тут случилось такое, что я с трудом могу описать. Я лежал лицом вниз, но каким-то таинственным образом видел всё то, что творилось над моей головой.

Висевшие над землёй, облака вдруг просияли ослепительным светом. Послышался звон хрустала. Затем, в небосводе разверзся круглый проём диаметром в полкилометра.

Края большого отверстия вспыхнули ярким огнём. От дыры отделились плававшие, как солнце, лучи. Они удивительно медленно, как загустевшая патока, неспешно поплыли к земле.

Послышалось пение настолько прекрасное, что его не могли издавать человеческим голосом. Буквально из ничего, появилась лёгкая дымка. Она тотчас уплотнилась и превратилась в белесый туман.

Из мутного марева возникли фигуры в рост человека. Все были одеты в хламиды, блиставшие, как свежеснеговывпавший снег. Десятки сверкающих ангелов повисли в утреннем воздухе. Едва шевеля широкими крыльями, они стали плавно снижаться с небес.

Ну, а затем всё пошло именно так, как говорится в древней легенде. Её в моём раннем детстве рассказала мне любимая бабушка. Ангелы тихо спускались к земле.

Непонятные сущности подлетали к павшим бойцам и застывали по двое возле каждого трупа. Они простирали над ними ладони, мерцавшие призрачным блеском, и произносили короткие фразы на певучем чужом языке.

После чего, в мёртвых телах возникало мерцание голубого оттенка. Секунду спустя, оно превращалось в нечто похожее на человека, сиявшего слабым свечением.

Призрачного вида фигура начинала вдруг сильно ворочаться. Она избавлялась от телесных оков, как чудесная бабочка от жёстких покровов хитиновой куколки. Поднималась на едва видные ноги и с невероятной тревогой смотрела в разные стороны.

Белокрылые ангелы дружно склонялись к погибшим бойцам. Утешали какими-то странными, певучими звуками. Надевали на головы алмазные венчики и бережно брали под руки.

Каждая пара светлых посланников действовала, как одно существо. Они воспаряли над грешной землёй. Несли с собой душу убитого воина и устремлялись в горние выси.

Скоро они все пропали в блистающем мареве. Вместе с ними исчезло и чудесное пение, волнующее сердце до слёз. Только один небесный служитель остался рядом со мной.

Я лежал ничком на земле, но, как уже говорил, видел лучащийся светом прекраснейший лик. Его большие глаза, с нескрываемой жалостью глядели мне в душу.

Собрав волю в кулак, я поборол невероятную робость, заполнившую всю мою сущность. Разлепил крепко сжатые губы и задал вопрос, который мучил меня: – За что их забрали наверх?

– Они не щадили живота своего и бились за Родину до последнего вздоха. – раздался ответ небесного жителя.

– А что будет со мной? – спросил я уныло.

– Ты струсил в последнем бою. Остался в живых и будешь, как прежде страдать в этой юдоли греха. – ангел взмахнул широкими крыльями. Легко воспарил над землёй и исчез в сверкающем блеске. Отверстие в небе немедля закрылось. Облака уплотнились. День стал таким же отвратительно хмурым, как раньше.

Я хоронился среди множества трупов, и удивительно сильно хотел одного, пробраться к своим, как только стемнеет. Едва мрак сгустился, как фашисты взялись за ракетницы. Раздались частые выстрелы. Одна за другой, в небесах загорались яркие вспышки. Ничейная полоса оказалась видна, словно солнечным днём.

Пришлось ждать до тех самых пор, пока перерывы между частыми пусками не станут длиннее, а промежутки белого света начнут разделяться короткою тёмною паузой. Ближе к

полуночи, фрицы слегка притомились. Стрельба постепенно затихла. Она уже стала не такой регулярной, как раньше.

Я еле дождался, когда же погаснет яркая вспышка. Сбросил с себя тяжёлое мёртвое тело и, прижимаясь к земле, пополз к нашим позициям. Услышав хлопок и шипение, я замирал в той самой точке, где оказался в данный момент. Лежал и не шевелился всё время, пока в небе горела проклятая «люстра».

Как мне показалось, я много часов добирался к своим. Только к рассвету, я всё же свалился в советский окоп. Хорошо, что меня не заметил дозор. Солдаты не приняли за чужого разведчика и не пристрелили на месте.

Старый боец ненадолго умолк. Затем, он протяжно вздохнул и продолжил: – Прошло несколько дней после того ужасного боя. К этому времени, я вернулся от медиков, где мне зашивали рваную рану в левой ноге. В роте встретил приятеля. Он выложил всё, что с ним случилось во время атаки.

По правде сказать, я не поверил в тот странный рассказ, но всё же вошёл в положение старого друга. Я не стал говорить, мол, тебя сильно потрянуло от разорвавшейся мины.

Поэтому, мало ли, что может привидеться после контузии? Тебе померещились небесные ангелы, горнии выси и, взятые на небо солдаты, погибшие за родную отчизну. Ну, и так далее.

Потом, мы вернулись к обычным армейским делам. При-

атель не вспоминал о том трагическом дне, и я перестал волноваться за его состояние. Скоро нас снова послали в атаку. Нога у меня ещё сильно болела. От этого, я немного замешкался в нашем окопе.

Когда же я вылез наверх, то оказался чуть позади остальных и, следом за ними, рванулся вперёд. Благодаря хромоте, я немного отстал от последней цепи нападавших и видел всех наших солдат. Правда, я не заметил, что мой старый товарищ прятался за спины других, как он мне говорил.

Мы попытались занять фашистский окоп, но проклятые фрицы отбили нашу атаку. Мы откатились назад, а через какое-то время снова рванулись вперёд. Я видел, что мой приятель нисколько не дрейфил. Он в числе первых вылезал из окопа и самым последним возвращался на наши позиции.

В конце концов, нам удалось выбить врага. Мы закрепились в траншее фашистов. Скоро стрельба немножечко стихла. Я глянул вокруг и с огорчением увидел, что старый приятель убит. Он лежал на спине с навечно открытыми голубыми глазами. Спокойно смотрел в высокое небо и широко улыбался.

– «Видно, Господь простил ему трусость в бою». – невольно подумалось мне. – «Бог дал ему лёгкую смерть и взял к себе, в свои горнии выси». – закончил боец и умолк.

Яков услышал шелест бумаги и чирканье спички. Потом к нему подобрался запах горячей махорки: – «Похоже, что старый солдат закурил». – подумал зенитчик. Он вспомнил

чьи-то слова, которые когда-то читал: – «Атеистов на войне не бывает! Всем хочется, на что-то надеяться!»

Переправа за Волгу

Как помнил Яков, в 1931 году в СССР Постановлением Правительства приняли «декрётное время». По всей стране установили «поясное время плюс один час». Такое решение позволяло на шестьдесят минут продлить светлый вечер каждого дня. Это было очень удобно в ходе ударной летней страды.

Благодаря этому, темно стало лишь ближе к одиннадцати. По цепочке солдат прошёл короткий приказ: – Всем выйти на берег и приготовиться к переправе на противоположную сторону!

Седовласый майор, Степан Сергеич Дроздов поднял свои вещи с земли. Пожилой офицер закинул мешок за плечо и пошёл за бойцами ближайшего пехотного взвода. За ним поспешили трое бакинцев, три молодых лейтенанта, лишь месяц назад, получившие свои знаки различия.

К удивлению Якова, солдаты двинулись не прямо к реке, а почему-то направились вдоль широкого русла. Стараясь не потерять командира во тьме, зенитчик и его земляки поспешили за ним. Они вышли на полоску песка и разглядели, что оказались у неширокой протоки, впадающей в огромную реку.

Там находился небольшой теплоход с одной единственной

палубой. Растущие по берегам, кривые деревья нависали над самой водой и создавали плотный навес из густо переплетённых ветвей.

Похоже, что этот корабль находился под естественным пологом весь продолжительный день. Он так хорошо прятался под маскировочной сетью, что его не было видно ни с воздуха, ни с ближайшего берега.

Яков вспомнил о том, как слышал стук молотков по металлу и подумал о том, что, скорее всего, плавсредство стояло в ремонте. Одного взгляда на этот кораблик, было достаточно, чтобы всё стало ясно. Это один из тех самых баркасов, о котором вчера говорила пожилая хозяйка.

– «Может быть, именно на этом невеликом судёнышке и работал её старший сын Николай? Как он там назывался? Кажется «Ерик»? Кстати сказать, это странное слово и означает протока».

Лейтенант подошёл ещё ближе. Парень пригляделся внимательней, но из-за ночной темноты не смог разглядеть короткую надпись, выведенную масляной краской на дощатом борту.

Скромное судно было похоже на те катера, которыми тяжёлые баржи таскали в бухте Баку. Как упоминала старушка, у него обнаружилась плоская палуба. В её центре, чуть впереди, торчала капитанская рубка размерами два метра на два, и высотой чуть больше, чем рост человека. Ширина перевозчика была семь-восемь шагов. Длина вдвое больше, но

не превышала пятнадцати метров.

Низенький берег был почти вровень с водой. Теплоход находился возле кромки песка и возвышался над ним всего лишь на сажень. Бойцы длинной цепочкой подходили к коротеньким сходням.

Балансируя на узких досках, все по одному поднимались наверх. Проходили к корме и садились на лавки, устроенные вдоль низких бортов. В середине прохода лежали длинные ящики с каким-то оружием, а так же небольшие контейнеры, видно с гранатами или патронами.

Взглянув на неказистый кораблик, Яков отметил, что он отличался от транспорта, виденного раньше в Баку. Дело было всё в том, что на крыше надстройки стоял крупнокалиберный пулемёт, защищённый бронешитком. «ДШК» прочно крепился к трёхногой турели. Она позволяла лупить не только в зенит, но и опускать толстый ствол для стрельбы по воде

Все окна в маленькой рубке закрывали стальные щиты с узкими смотровыми щелями. Борта были тоже обшиты листами железа. Причём, они поднимались на ту высоту, чтоб целиком закрывать сидящих солдат.

– «По крайней мере, защитят всех бойцов от осколков». – неожиданно для себя успокоился парень: – «Ну, а если в кораблик попадёт авиационная бомба или крупный снаряд, тут уже нам ничего не поможет».

Небольшая посуда оказалась слишком мала, чтобы вместить пехотинцев всей роты. Бойцы пошли вдоль песчаного берега. Майор и Яков с друзьями двинулись следом. Позади теплохода, зенитчик заметил несколько ялов и ботов, сколоченных из тёмных досок.

Нечто подобное использовали моряки, а так же те люди на Каспии, что ударно трудились в рыбацких колхозах. Каждый был с шестью, с то и с восьмью, парными вёслами. Красноармейцы немного помялись и стали рассаживаться в деревянные лодки, у которых совсем не имелось защиты.

– «Будем надеяться, что всё будет именно так, как говорил милицейский сержант. Самолёты фашистов будут охотиться за большим кораблём, а на нас, мелюзгу, не обратят никакого внимания.

Ведь, главное потопить теплоход, а лодки без него далеко не уедут». – хотел успокоить себя взволнованный увиденным Яков. Вот только, легче от таких странных мыслей зенитчику, почему-то, не стало.

Степан Сергеич достал из кармана своих галифе плоский прямоугольный фонарик. Подсвечивая узким лучом, майор осмотрел ближайшие лодки. По каким-то приметам он выбрал одну, что оказалась в самом конце каравана. Майор сел на заднюю лавку. Рядом устроился Яков. Два друга-бакинца разместились на остром носу. Остальные места заняли бойцы.

Судя по надписи, выжженной на внутренней части пра-

вого борта, судно было рассчитано на перевозку тринадцати крепких мужчин. Однако, в него влезли пятнадцать.

Шестеро уселись на вёслах, остальные, кто где. Двум пешотинцам не хватило места на лавках. Пришлось опуститься на мокрое дно и расположиться в ногах у более расторопных друзей.

К тем лодкам, где солдаты решили соблюдать речную инструкцию, подходил офицер, следивший за посадкой бойцов. Громко крича, он впихивал внутрь ещё двух или трёх пассажиров.

Перегруженный ял опустился в протоку весьма глубоко. Борта поднимались над ней не более чем на пару ладоней. Внезапно в досках обнаружилось много пробоин. В них тонкими струйками хлынула речная вода.

Майор приказал: – Берите запасные портянки и рвите на части. Забивайте отверстия тряпками. Если не хватит, снимайте пилотки и всё, что только возможно. Иначе не доберёмся до берега и все здесь утонем, словно кутята.

Показывая солдатам пример, Степан Сергеич развязал тощий «сидор». Вытащил из него куски чистой ткани и начал заделывать дыры от пуль и осколков, до которых он мог дотянуться.

Остальные бойцы последовали примеру начальства. Действуя быстро и ловко, они быстро закрыли все главные течи. Взяли свои котелки и стали вычерпывать воду, у себя из-под ног.

В ночной тишине послышалась чья-то команда: – Вперёд! – наверное, кричал офицер, что следил за погрузкой людей на кораблик.

Винт теплохода закрутился за низкой кормой. Двигаясь задом, судно отчалило и отошло от низкого берега на несколько метров. Оно не спеша развернулось, встало носом на запад и с медленной скоростью направилось к Волге.

Привязанные к низкой корме, канаты вдруг натянулись, как рояльные струны. Они сдёрнули с отмели боты, баркасы и ялы и потащили их следом. Перевозчик выбрался из узкой протоки. Он тянул за собою целый десяток вёсельных лодок.

Все небольшие плавсредства оказались нагружены сверх всякой меры. Ведь у каждого воина был с собой вещмешок с полной выкладкой и шинельная скатка с оружием.

В правый борт ударила речная волна. Минуту спустя, в небе послышался гул фашистских стервятников. Яков поднял лицо к ярким звёздам. Среди них, одна за другой, загорались огни сигнальных ракет. Как почему-то вспомнилось Якову, по-немецки их называли «Leuchtrakete». То есть, светящаяся ракета.

В этот раз, они не взлетали с земли, как это было в центре города Астрахани. Вокруг Сталинграда скопилось столько советских солдат, что диверсанты уже не решались подойти к переправе.

Да и зачем это делать, для чего рисковать своими людьми,

пусть они и предатели СССР? Ведь над Волгой спокойно парили ночные разведчики фрицев. Они и включали «люстры из магния» одну за другой.

Кроме этого, здесь было ещё одно большое отличие. Над головою висели не простые заряды для примитивных «пистолетов-ракетниц». Там находились мощные, ярко пылавшие бомбы, парящие на парашютах. Каждая такая штуковина горела пять-шесть минут и хорошо освещала всю местность в радиусе до двух километров.

Вокруг стало светло, словно днём. Повертев головой, лейтенант разглядел, что к правому берегу шли десятки судов. За каждым из них тянулся небольшой караван из весёлых лодок. В мертвенном блеске огней они были прекрасно видны на фоне тёмной воды. То есть, представляли собой неплохую мишень для немецких стервятников.

Пару минут всё было тихо. Потом, в небе послышался вой оглушительной воздушной сирены. Она была установлена на фашистском «лаптёжнике», который пикировал на теплоход. Самолёт шёл от восточного берега и легко нагонял плывущий кораблик.

На крыше маленькой рубки застрочил «ДШК». Двенадцатимиллиметровые пули отправились в воздух длинной цепочкой. Дымящиеся латунные гильзы со звоном посыпались на крышу надстройки, а оттуда на палубу.

В ответ на стрельбу речников, с неба ударили пулемёты

фашистов. Множество кусочков свинца посыпались в воду и побежали двумя сплошными дорожками. Они настигли небольшой караван и хлестнули по вёсельным лодкам.

Кое-кто из солдат разглядел, как строчки раскалённых цилиндров стремительно приближаются к ним. Они вскочили на ноги и, ни секунды не мешкая, прыгнули за борт.

Над головой оглушённого Якова мелькнуло светлое брюхо проклятого «юнкера». От него отделилась чёрная бомба весом в полцентнера. Теплоход резко вильнул в правую сторону. Набитый взрывчаткой цилиндр пролетел мимо цели и упал рядом с бортом.

Раздался оглушительный взрыв. Над рекою взлетел столб горячего пара высотой метров в десять. В воздухе взвизгнули сотни осколки. Часть из них угодила в корабль. Они налетели на стальные щиты и звенящим потоком осыпались в тёмную реку.

Другие кусочки металла попали в деревянные лодки. Они без разбору врезались в советских бойцов. Пробивали черепные коробки, ломали хрупкие кости и кромсали горячую плоть, словно острым ножом.

Из страшных разрывов немедленно брызгала алая кровь. Длинные струйки взлетали на локоть и больше. Они сразу дробились в мелкие капли, багровым дождём сыпались вниз и орошали бойцов, что находились поблизости. Тех, кому повезло, не попасть под страшный удар.

Красноармейцы кричали от ужасающей боли и хватались

руками за те части тела, куда только что впились обломки от бомбы. Убитые люди, молча, валились на дно утлых лодок и на более чем везучих попутчиков. Часть из бойцов снесло в тёмную воду. Они упали туда, словно лёгкие кегли, в которые врезался увесистый шар.

Наконец, «юнкерс» скрылся из виду. Степан Сергеич вскинулся на ноги: – Режьте канат! – крикнул он двум лейтенантам, сидевшим у носа длинного яла.

Пожилой офицер взглянул на солдат, съёжившихся в плотный комок возле уключин. Как оказалось, четверо из шести уцелели. Майор приказал: – Вёсла на воду!

Командир взял за шкирку двух бледных бойцов, лежавших на дне в позе зародыша, сильно швырнул их вперёд и прорычал: – Заменить пострадавших гребцов!

Пока пехотинцы менялись местами друг с другом, Хорен Гаракян вытащил из галифе складной нож небольшого размера. Лейтенант открыл короткое лезвие и стал пилить ту верёвку, что шла к корме корабля. Она была хорошо просмоленной и не поддавалась плохо заточенной стали. Трудное дело продвигалось вперёд удивительно медленно.

На помощь пришёл старый солдат. Он сдёрнул с пояса небольшую лопатку и одним сильным взмахом перебил толстый трос, лежавший на деревянном борту. Вода подхватила небольшое судёнышко. Лодка тотчас развернулась и быстро пошла вниз по течению, в сторону от теплохода.

Наконец, шесть длинных вёсел опустились на тёмную реку. Действуя вразнобой, бойцы потянули рукояти к себе. Дощатые лопасти сделали нестройный гребок. Лодка поплыла вперёд по реке.

Степан Сергеич сел на прежнее место и несколько раз дал команду: – Раз! Два! Раз! Два!

Повинуясь приказу майора, солдаты быстро нашли общий ритм. Баркас развернулся носом к правому берегу и направился в сторону города, освещённого огромным пожаром.

За плечом лейтенанта снова послышался вой воздушной сирены. Яков испуганно глянул назад. Парень увидел, что «пикировщик» сделал новый заход на корабль.

Всё повторилось с точностью до последней детали. Вот только теперь, атака фашиста оказалась успешной. Бомба упала на нос скромного судна. В переднюю часть теплохода ударило, как огромной кувалдой.

Словно огненный смерч, взрывная волна прокатилась по маленькой палубе и снесла с неё всё, что там размещалось. Стальные щиты не сдержали напора. Они тут же смялись, словно бумажные, и мгновенно сорвались с креплений. Полсотни солдат и ящики с боеприпасами смешались в общую кучу и полетели в речные глубины.

Глаза у людей сразу ослепли от вспышки. Все потеряли способность, что-либо видеть вокруг. Яков быстро моргнул несколько раз. Через пару секунд, зрение вновь возвратилось.

Лейтенант разглядел невероятную вещь. Каким-то неизвестным чудом, теплоход всё ещё был на поверхности. Уцелела капитанская рубка и пулемёт, установленный на самом верху.

Зенитчик решил, что рулевой сразу погиб вместе с другими. К счастью, это оказалось не так. В тесной надстройке остался кто-то живой. Кораблик не отдался на волю волнам.

Компенсируя мощность течения, перевозчик свернул чуть-чуть к северу и медленно двигался к намеченной точке. Следом за ним плыло несколько лодок. В них находилась всего половина живых пехотинцев.

Минуту спустя, самолёт снова вошёл в боевой разворот. Неожиданно для всех окружающих, крупнокалиберный «ДШК» открыл огонь по фашисту. К сожалению Якова, даже пальба с близкой дистанции не помешала пилоту закончить атаку. Он опять обстрелял караван и сбросил ещё одну бомбу весом в пятьдесят килограммов.

Она полетела к воде и точно попала в баркас с пехотинцами. Ужасающий взрыв превратил пассажиров в мелкие клочья. Кровавое месиво разлетелось в разные стороны. В воздухе закувыркались куски багрового мяса, руки, ноги и головы. Всё это падало в воду и тотчас тонуло.

Лодка, в которой сидел зенитчик с друзьями, медленно двигалась к острову Зайцевский. Вокруг них бушевал невероятный, жуткий обстрел. Вернее сказать, шло избиение со-

ветских солдат, проклятыми фрицами. Куда лейтенант не сбросал свой испуганный взгляд, везде наблюдалась одна и та же картина.

Двухмоторные самолёты «Dornier 17» парили на большой высоте и размещали над Волгой яркие «люстры». От них было светло, словно днём. Одновинтовые, хищные «юнкерсы» пикировали на теплоходы и караваны дощатых лодчонков. Они бросали разномастные бомбы и били из всех пулемётов.

Повсюду слышался треск множества выстрелов и грохот сотен разрывов. Их дополнял плеск взметнувшейся к небу воды, крики израненных воинов и стон умиравших людей.

Часть уцелевших плавсредств дошла до середины реки. К этому времени, фашистские лётчики благополучно истратили боезапас. Они прекратили бомбить переправу. Строились в походный порядок и звено за звеном уходили на запад.

Яков решил, что всё уже кончилось, но снова ошибся. В небе, как прежде висели ночные разведчики. Они, раз за разом, бросали специальные бомбы, горящие ослепительным пламенем.

Не успел зенитчик решить: – «Зачем это нужно?» – как в воздухе послышались шелест и свист тяжёлых снарядов. Начался ураганный артиллерийский обстрел. Теперь большие орудия били по руслу реки. Пилоты фашистов лишь корректировали плотный огонь.

Так же, как «пикировщики», пушкари старались попасть в корабли. Фрицы не обращали внимания на одинокие лодки, плывущие к острову Зайцевский. К сожалению советских бойцов, большие снаряды падали удивительно часто. Они все взрывались с чудовищной силой. Давали много осколков и швыряли в разные стороны тучи шрапнели.

Смертоносный металл косил бедных людей, как траву. Поднятые взрывами, волны опрокидывали боты и ялы, как пустые скорлупки орехов. Сотни солдат оглушало до такой сильной степени, что они падали в воду и тотчас тонули.

Находясь в кровавом аду, Яков не мог что-либо сделать. Он лишь старался не поддаваться смертельному ужасу, заполнявшему душу всю целиком. Чтобы как-то отвлечься, зенитчик низко пригнулся, крепко держался руками за борт и напряжённо следил за мерными взмахами вёсел.

Как только, какой-то гребец уставал или был чем-то ранен, его тут же сменяли те, воины, кто ещё уцелел или же чувствовал, что уже отдохнул. Остальные спешили на помощь пострадавшим товарищам.

Солдаты выхватывали бинты из мешков. Рвали упаковки зубами и, как могли, накладывали жгуты и повязки. Все свободные от тяжёлой работы, бойцы хватали свои котелки, и вычерпывали мутную воду, текущую сквозь дыры в досках.

Каким-то неведомым образом зенитчик вдруг понял, что с левого берега начали бить советские тяжёлые пушки. Лейтенант обернулся, и увидел слабые вспышки. Они мелькали

на том берегу, от которого отчалили лодки. Артиллеристы палили через огромную Волгу и старались, попасть в батареи проклятых фашистов.

Вспомнив, что гаубицы бьют на десять, а то и пятнадцать км, Яков подумал о том, что вряд ли осторожные фрицы окажутся в зоне их досягаемости. Ведь они все находятся на западной стороне от реки. Наши стоят на восточной.

Ширина главного русла здесь больше версты. Значит, именно столько у фашистов в запасе. Они ближе к острову Зайцевский, чем наши к их отдалённым позициям. И это не даст советским снарядам достичь заданной цели. Одна надежда на то, что наши фугасы не сгинут без дела и нанесут подлым фрицам хоть какой-то урон.

Мало-помалу, лодка ушла из зоны обстрела и приблизилась к пологому пляжу. Баркас выскочил носом на полосу песка и замер, как умерший кит. Уцелевшие воины тут же спрыгнули за борт. Они оттащили посудину метра на два от воды и помогли выбираться раненым людям.

Один час назад, с другой стороны отплыло пятнадцать советских военных. В данный момент, в живых оставалось только двенадцать. Четыре из них получили ранения. Причём, двое очень тяжёлые. Молодому сержанту разворотило осколком живот. Хорен Гаракян из Баку, получил удар шрапнели в затылок.

Оба были сейчас без сознания. Судя по бледной коже на

лицах, они потеряли большое количество крови. Их уложили на влажный песок, перевязали и занялись другими бойцами. Один получил пулю в плечо, другой в бедро, чуть выше колена.

Лишь оказав посильную помощь, красноармейцы подняли глаза. Они разглядели вереницы людей, бредущих из зарослей к Волге. Яков повертел головой. В свете пылающих «люстр» лейтенант разглядел, что творилось вокруг.

Вниз по течению стоял небольшой теплоход. Стальных щитов у него на бортах уже не имелось. Нос оказался разбит сильным взрывом. Это был тот самый кораблик, который тащил их на остров. Рядом виднелись три лодки, прицепленные к низкой корме.

– «Непонятно, как наш перевозчик дошёл до этого места?» – удивился зенитчик: – «Видно, внутри оказалась герметичная перегородка. Вода не заполнила отделение с мотором и не потопила увечное судно».

На обгоревшую палубу уже вели узкие сходни, сколоченные из длинных ящиков от тяжёлых снарядов. По ним медленно поднимались бойцы, с забинтованными головами, телами или конечностями.

Вместе с ними, двигалось много гражданских. Большую часть составляли, измождённые женщины и сильно усталые, ревущие дети. Очень редко, встречались старики и старухи. Почти все были ранены, но замотаны не в бинты из походной

аптечки, а в какие-то тёмные тряпки. Видно, брали всё то, что нашли в разрушенном городе.

Подошли речники в грязных рваных тельняшках. Они взялись за борта протекающей лодки и потащили её по воде к перевозчику. Привязали канатом к корме, и она вновь оказалась в строю.

Вот только, теперь караван оказался вдвое короче. Остальные судёнышки были разбиты в мелкие щепы и ушли с бойцами на дно. В лучшем случае, их прибило течением ниже по правому берегу.

Несколько пар санитаров тащили кого-то из ближайших кустов. Людей волокли не в носилках, а на грязном брезенте. Клади несчастных на мокрый песок. Брали неподвижных бойцов с двух сторон, как мешок, и быстро укладывали в опустевшие шлюпки.

Все уцелевшие лодки до половины были залиты тёмной водой. Пропитанные кровью, накидки санитары забирали с собой и тут же спешили за другими страдальцами.

– «Переживут ли они переправу?» – со страхом подумал зенитчик. Яков взглянул на своего земляка, бледного, как полотно, отбелённое хлоркой. Харена грузили в ту самую лодку, на которой он прибыл сюда четверть часа назад.

Молодого сержанта устроили впритык к офицеру. Рядом с ними, сели двое бойцов, что были ранены не так тяжело. Головы увечных товарищей они положили себе на колени. Не

то ещё захлебнуться, коли вода поднимется выше. Оставшиеся пустые места стремительно заняли жители города. Удивительно быстро все небольшие плавсредства заполнились до максимального уровня.

Яков с удивлением понял, что обстрел почему-то затих. Он посмотрел по сторонам. Зенитчик увидел, что вокруг так же светло, как и днём. Задрал голову к звёздам и тут же отметил, всё там осталось по-прежнему.

Ночные разведчики, как огромные навозные мухи вились над рекой. Световые снаряды пылали не хуже, чем раньше: – Кружат над нами стервятники! – зло подумал зенитчик: – Ждут, когда караваны рванутся назад.

Пяťась, как рак, перегруженный людьми, перевозчик медленно отошёл от песчаного пляжа. Теплоход с трудом развернулся и со всей оставшейся прытью, двинулся к левому берегу. Следом за ним потянулись баркасы и ялы. В них находились раненные бойцы и гражданские.

С обеих сторон, от зенитчика отходили другие плавсредства. Едва они отделились от кромки воды, как в небе опять зашелестели снаряды. Началась очередная охота фашистов за кораблями и дощатыми лодками.

Майор бросил взгляд на застывшего Якова. Лейтенант словно очнулся от ступора. Он подхватил свои вещи, которые всё же доплыли до этого места. Подбежал ближе к Степану Сергеичу и встал рядом с товарищем, с которым приехал из родного Баку.

Прежде, чем двинуться дальше, трое попутчиков невольно повернулись к реке. Они посмотрели на лодки, идущие за небольшим теплоходом. Небольшой караван скоро скрылся за облаками разрывов.

Было трудно понять, смогут ли такие судёнышки доплыть до левого берега? А если они, доберутся туда, то сколько живых окажется на каждом борту? Две трети, лишь половина или меньше того?

Судя по карте, Сталинград находился с другой стороны длинного острова. Офицеры устремились на запад. Впереди шёл подтянутый седовласый майор, следом спешили два молодых лейтенанта.

Оставшиеся без командира, красноармейцы собрались в тесную кучку. Они оглядели друг друга и поняли ужасную вещь. Из всего отделения уцелело лишь шесть человек. Пять рядовых и ефрейтор, заместитель сержанта.

Их взвод находился на небольшом перевозчике и, при взрыве, погиб целиком. Другие военные, плывшие в караване плавсредств, разбрелись неизвестно куда. Бойцы растерялись. Они совершенно не знали, что же им делать теперь?

Увидев трёх офицеров, идущих на запад, ефрейтор бросился следом. Быстро их обогнал. Встал перед ними. Вскинул руку к мокрой пилотке и отчеканил: – Товарищ майор, разрешите к вам обратиться?

Степан Сергеич спокойно ответил на уставное привет-

ствие: – Обращайтесь, ефрейтор.

Майор выслушал сбивчивый рассказ пехотинца. Повернулся к бакинцу и приказал: – Товарищ лейтенант. Назначаю вас командиром первого взвода сводного отряда РККА. Принимайте бойцов под своё руководство.

Тофик Бабаев козырнул Степану Сергеичу и продолжил его короткую речь: – Товарищ ефрейтор, назначаю вас командиром первого отделения первого взвода. Постройте всех рядовых в походную колонну по двое и идите за мной

Бойцы с облегчением выполнили короткий приказ, разобрались в шеренги и двинулись за тремя офицерами. Шедший поблизости, Яков услышал беседу солдат за спиной. Он разобрал, как пожилой ветеран кому-то шепнул: – Нужно держаться рядом с майором. Чует моё старое сердце, заговорён офицер от всякой напасти.

– «Если бы всё, так было на деле, то он не лечился в Баку после разгрома на Юго-Западном фронте». – сказал себе Яков, но тут же одёрнул себя: – «А кто знает, что с ним случилось тогда? Может быть, он выжил в такой мясорубке, где все остальные погибли? Так что, нужно прислушаться к совету мужчины. От этого, хуже не станет».

Офицеры с солдатами шагнули в редкий лесок. Там оказались десятки песчаных тропинок, ведущих на противоположную сторону острова Зайцевский. Они прихотливо вились меж высоких деревьев, но все до одной, шли точно на

запад.

Судя по виду всех тропок, здесь постоянно ходило много людей. Причём, двигались они в двух направлениях. К Сталинграду спешило большое число здоровых и крепких военных. Обратно, вместе с гражданскими, плелось только несколько увечных бойцов.

Пышные кроны деревьев скрывали высокое небо, плававшее фашистскими «люстрами». Мертвенный свет горевшего магния с трудом пробивался сквозь плотные листья. Здесь было намного темнее, чем на открытом пространстве, у широкой реки.

Мелкий песок серебрился на фоне травы, росшей между толстыми вязами. Шум частой стрельбы и грохот от взрывов потихоньку стихал за спиной зенитчика. Он становился всё глуше и глуше. В ушах зазвенело от тишины.

Большую часть песчаного острова покрывал небольшой, но плотный лесок. Так уж сложилось, что растительность тут сохранилась достаточно странно. В западной части массива не имелось густого подлеска.

Объяснялось всё тем, что в прежние годы, здесь находилась стихийная зона «культуры и отдыха». В ней сталинградцы проводили погожие летние дни. Туда приезжали сотни людей. Они купались в широкой реке, загорали на чистом песке или сидели в тени высоких деревьев.

Самые, беззаботные пляжники разводили костры на опушке, обращённой непосредственно к городу. С течением

времени, они извели весь растущий кустарник.

Теперь это место не походило на лиственный лес. Оно больше смахивало на весьма неухоженный парк. Не хватало лишь лавочек для юных влюблённых, да гипсовых статуй, изображавших различных спортсменов. К примеру, девицы с веслом.

Пройдя почти километр, Яков заметил, что заросли стали быстро редеть. Потом, вся близлежащая площадь стала просматриваться на сотню метров вокруг. Меж высоких деревьев замаячили слабые светлые пятна.

С каждой минутой их становилось всё больше и больше. Скоро, стали видны ненавистные зенитчику «люстры», парящие в небе. До ушей докатился гул канонады. Он быстро наращивал мощь и превращался в грохот частых разрывов

Выйдя к опушке лесочка, офицеры наткнулись на взвод пехотинцев. Бойцы укрывались за старыми вязами. Они осторожно выглядывали из-за толстых стволов, и с напряжением ждали неизвестно чего.

Яков глянул вперёд. Перед ним находился правый рукав реки Волги шириной в сто пятьдесят, двести метров. На той стороне небольшого пролива темнели громады Сталинградских кварталов.

Среди мрачных руин пылали большие пожары. Языки сильного пламени рвались к высокому небу. Они освещали закопчённые стены с пустыми проёмами окон и балконных

дверей.

У лейтенанта создалось впечатление, что он вернулся на один час назад и вновь оказался на подступах к острову Зайцевский. В небе парили самолёты фашистов. Множество пылающих «люстр» освещали окрестности с большой интенсивностью. Было ясно, как солнечным днём, хоть газету читай.

Судя по грохоту взрывов, фашисты стреляли по этой протоке с куда большей яростью, чем по главному руслу реки. Сразу стало понятно, из-за чего проклятые фрицы не жалели снарядов.

Всю поверхность воды покрывали деревянные лодки, баркасы и небольшие суда, двигавшиеся в двух направлениях. И те и другие были заполнены до крайних пределов. В тех, что плыли к горящему городу, находились здоровые молодые солдаты, а в тех, что возвращались назад, раненные или гражданские люди.

С раздирающим душу, свистом и шелестом, с проклятого запада, прилетали снаряды огромных калибров. Они с громким шумом падали в тёмную реку. Гремели десятки оглушительных взрывов. К небу вздымались столбы раскалённого пара и тучи сверкающих брызг. Среди них, часто мелькали обгоревшие обломки судов и куски человеческих тел.

Вверх по течению Волги что-то вдруг грохнуло особенно громко. Всё вокруг озарилось ослепительной вспышкой. К удивлению всех окружающих, она не погасла, как все осталь-

ные, а с каждым мгновением, разгоралась всё ярче и ярче.

В этот момент, Яков смотрел в правую сторону и отчётливо видел, что там случилось? Причиной всему оказался тяжёлый фугас, весом в полцентнера. «Чемодан» попал в длинную баржу, везущую топливо. Он пробил верхнюю палубу, словно бумагу и сработал внутри вместительной ёмкости.

Горящий тротил, произвёл детонацию ядовитых паров. Воспламенение газов, многократно усилило энергию взрыва. Корпус ржавого судна тут же распался на сотни кусков. Обломки тотчас разметало вокруг. Они отлетели на километр и более.

Зазубренные стальные листы закувыркались в предутреннем воздухе, и попадали в людей, оказавшихся рядом. Тем, в кого они угодили плашмя, улыбнулась удача. Счастливицы умерли сразу, не ощутив ничего.

Другим повезло значительно меньше. Вертящиеся, как бумеранги, пластины железа сверкали острыми гранями и жутко кромсали всё то, что встретилось у них на пути. Кому-то, сносили с плеч черепа. Кого-то били чуть ниже.

Разрубленные, словно секирой, люди падали в воду, сметённые сильным толчком. Не поняв сгоряча, что и к чему, торсы людей с головой и руками, пытались забраться в баркасы и лодки. Из распоротых тел ручьями хлестала тёмная кровь. Клубки скользких кишок выпадали наружу и тащились за ними, словно длинные змеи.

Отсечённые на уровне талии, нижние части людей поднимались на ноги. Пытались куда-то бежать. Спотыкались о лавки и падали за борт. Туда, где их половины, уже умирали в страшной агонии.

Всем остальным пришлось хуже всего. Горящая жидкость взлетела к звёздному небу. Она поднялась высоким фонтаном и бушующей лавой обрушилась вниз. На реке появилось озеро пламени площадью с футбольное поле.

С каждой секундой оно становилось всё больше и больше. Вал из огня мгновенно поднялся на несколько метров. Он двинулся вниз по протоке, и налетел на десятки судов, плывущих на запад или восток.

Теплоходы и катера защитила стальная обшивка. Так что, те корабли проскочили пожар на воде почти невредимыми. Речникам, сидевшим внутри, удавалось потом выйти наружу и погасить деревяшки, начавшие тлеть от страшного жара.

Зато их пассажиры оказались в самой преисподней. Они не могли устоять на площадках, открытых огню. Все дружно прыгали вниз и с большим облегчением погружались в речные глубины.

Многие люди родились и жили на Волге. С раннего детства они замечательно плавали, не хуже, чем рыбы. Кто-то мог продержаться в пучине достаточно долго. Все пытались уйти под водой, как можно дальше от судна. Однако, всему есть предел. Тем более, человеческим силам.

Кислород, растворённый в крови, стремительно поглощался мышцами тела. Нырятьщикам приходилось всплывать на поверхность. Головы этих людей попадали в жуткое пламя, бушевавшее сверху.

Глотка раскалённого воздуха, хватало на то, чтобы сжечь нежные лёгкие. Испытывая страшные муки, они были не в силах кричать. Все инстинктивно закрывали руками лицо и уходили в глубины реки, чтобы никогда не вернуться. То же случилось и с теми, кто находился в низеньких ялах, баркасах и ботах.

Несколько крепких бойцов пытались спастись, неожиданным способом. Они перевернули утлую лодку, под которой возник воздушный мешок. Солдаты нырнули и спрятались под деревянный колпак, плывущий вверх днищем. Однако, и это их не спасло. Они лишь отсрочили свою неизбежную смерть.

Слой топлива, разлитого по всей акватории, оказался удивительно толстым. Оно всё горело удивительно сильно. Мокрое дерево стремительно высохло, и занялось буйным огнём.

Несчастных людей постигла всё та же, жестокая участь, что и всех остальных. Озеро яркого пламени медленно двигалось вниз по течению и одно за другим поглощало другие суда.

Потрясённый ужасной картиной, Яков замер на месте, как

гранитная статуя. Тут он услышал звуки шагов по песку. Глянул туда, откуда они донеслись, и увидел отделение НКВДешников.

Вооружённые пистолетами-пулемётами Шпагина, «голубые фуражки» направились к группе старых деревьев. Они подошли к пехотинцам, стоявшим у толстых стволов. Взяли бойцов в полукольцо. Приказали грузиться на лодки и немедленно двигаться к горящему городу.

За плечами солдат висели пятизарядные «мосинки». Чтобы отправить заряд в длинный ствол, приходилось передёрнуть затвор. Бойцы хорошо понимали, что не успеют использовать устаревший «винтарь».

Особенно, когда против тебя десять штук «ППШ» с круглыми дисками. В каждый из них помещается семьдесят с лишним патронов. На таком расстоянии «особисты» положат всех до единого, одной длинной очередью. А потом, объяснят окружающим, мол, не подчинились приказу командования.

Вид озера топлива, горящего впереди на воде, пугал солдат до потери сознания. Однако, они подчинились команде и не стали завязывать бой «со своими»: – «Лучше сберечь себя для фашистов». – решили они.

Никто из солдат не желал оставаться на открытом пространстве долгое время. Они весьма неохотно, подняли вещи с земли и все разом рванулись к узкому пляжу.

Майор, лейтенанты, а так же красноармейцы, примкнув-

шего к ним отделения, помчались за взводом бойцов. Все они подбежали к неказистому судну, подошедшему к низкому берегу.

Небольшой теплоходик был очень похож на тот перевозчик, на котором они все прибыли к острову Зайцевский. Двигаясь вслед за майором, лейтенанты поднялись по узкому трапу и пробились вплотную к задней стене маленькой рубки.

Вся узкая палуба была занята пехотинцами, стоящими вплотную друг к другу. Никто не мог сесть на доски и вытянуть ноги. Вслед за Степаном Сергеичем, офицеры опустились на корточки. Бойцы потеснились и последовали примеру начальства.

Старенький двигатель застучал значительно громче, чем раньше. Металлический корпус начал крупно дрожать. Корабль отвалил от низкого берега и, набирая приличную скорость, пошёл к правому берегу Волги.

Яков сжался в плотный комок. Лейтенант вдруг забыл, что он активист-комсомолец с внушительным стажем. Молодой человек стал молиться о том, чтобы без сильных ранений прибыть в Сталинград. Что его ожидало на той стороне, зенитчик даже не думал. Главное, как он понимал, уцелеть в данный момент.

Со всех сторон теплохода свистели и падали в реку большие снаряды фашистов. Слышались оглушительно гулкие

взрывы. К высокому небу взлетали огромные горы воды.

В воздухе жутко свистела стальная шрапнель. Кусочки железа, с отвратительным чмоканьем, впивались в людей. То один, то другой из солдат, резко вскрикивал и хватался за пробитое тело, за руку, за ногу, за голову. Из-под стиснутых пальцев появлялись тонкие струйки льющейся крови. В ярком свете, горящего магния, они походили на чёрную тушь.

Находившиеся рядом, бойцы хватали пакеты с бинтами и оказывали посильную помощь несчастным друзьям. Не всегда это им удавалось. Одни пехотинцы умирали мгновенно, другие тихо стонали и на глазах угасали от обильного кровотечения.

Утратив счёт времени, Яков не знал, сколько они так плывут, и как далеко осталось до берега? Кое-как он всё же собрался. Втянул полную грудь влажного воздуха и решил, что нужно увидеть, что же творится вокруг. Он поднял взгляд от сапог.

Рядом с бортом судёнышка раздался чудовищный взрыв. Ударной волной «перевозчик» отбросило влево. Солдаты не устояли на корточках. Они повалились один на другого, и большой общей кучей сместились на край узкой палубы.

Ограждения, сваренные из двухдюймовой трубы, не удержали огромного веса людей. Они вдруг сорвались со слабых креплений и полетели в тёмную реку. Следом за ними упали красноармейцы, что оказались поблизости. Лишь те пехотинцы, что находились у дальнего борта, успели схватить-

ся за что-то и удержались на месте.

Оказавшись в реке, Яков немедленно вынырнул из тёплой воды. Глубоко и быстро вздохнул и посмотрел перед собой. Зенитчик заметил седую голову Степана Сергеича, мелькнувшую чуть впереди. Дальше него находился их небольшой теплоходик.

Не снижая набранной скорости, судно по-прежнему плыло к правому берегу. Экипаж словно не видел, как почти всех пассажиров смыло в широкую Волгу. Поверхность реки сильно бурлила от множества взрывов.

Секунду спустя, лейтенант разглядел, что корабль сильно кренится на правую сторону и достаточно быстро погружается в воду. Яков собрался плыть за майором. В тот же момент, он почувствовал, как кто-то схватил его сзади за плечи. Помял под себя и попытался подняться повыше.

– «Утопающий, мать его за ногу!» – мелькнула в голове у зенитчика страшная мысль: – «Нужно, как можно скорее, освободиться от этого чудика! Иначе утопит меня к чёртовой матери!»

Не сопротивляясь бойцу, напавшему сзади, он погрузился в тёмную воду с макушкой и стал лихорадочно думать: – «Как поступить в такой ситуации?» – вспомнив советы инструктора, Яков не стал тратить силы и пытаться избавиться от лишнего груза. Он резко сложился в поясе вдвое, словно сделал глубокий поклон, и, работая руками с ногами, ныр-

нул к далёкому дну.

Висевший на лейтенанте, боец вдруг осознал невероятную вещь. Выяснилось, что та опора, за которую он ухватился, быстро тонула под ним. Человек испугался больше, чем раньше и тут же разжал цепкие пальцы, крепко сведённые мёртвою хваткой. Он стал молотить всеми конечностями и, словно пробка, выскочил из тёмной реки.

Задержавшись на большой глубине, Яков отплыл метра на три в левую сторону и поднял голову к небу. Парень увидел хорошо освещённую поверхность воды. На её ярком фоне чернели силуэты бойцов, оказавшихся в Волге.

Одни очень уверенно плыли к правому берегу. Другие весьма неумело бултыхались на месте. Третьи безвольно поникли и медленно погружались в пучину. За ними тянулись дымные шлейфы, вытекающие из внушительных ран. Тёмная кровь растворялась удивительно быстро и пропадала без всяких следов.

Парень почувствовал, как, раз за разом, где-то поблизости рвутся снаряды. Всё его тело сотрясали гидроудары. Яков подумал: – «Если фугас упадёт где-нибудь рядом, то контузит меня наповал, так же, как динамит глушит рыбу».

Ощувив, что кислорода всё меньше и меньше, офицер освободился от скатки и «сидора». Затем, повертел головой. Выбрал место подальше от тех, кто не умел, как следует плавать. Всплыл на поверхность и с наслаждением вдохнул жизненный воздух.

До правого берега оставалось всего тридцать пять, сорок метров. Яков решил, что такую дистанцию он проплывёт даже в сапогах и одежде. Поэтому, не стал скидывать форму и рванул вперёд.

Секунд через двадцать лейтенант вдруг увидел крупнокалиберный ствол пулемёта, смотрящий в зенит. Это был «ДШК», укреплённый на рубке их небольшого кораблика.

– «Чуть-чуть не добрался до суши». – огорчился зенитчик. Тут он заметил двух красноармейцев, схватившихся за широкий щиток. За спиной бледных бойцов находились вещевые мешки. В руках они крепко сжимали винтовки.

Не снижая взятого ритма, парень приблизился к ним почти что вплотную и громко крикнул: – Плавать умеете? – Яков увидел, как отрицательно замотали головами солдаты.

– Повесьте оружие на пулемёт. – приказал офицер на ходу: – Раздевайтесь и увяжите все вещи в узлы. Выйду на берег. Найду приличную доску и за вами вернусь.

Лейтенант ощутил, как тяжелеют сапоги и одежда и резко ускорил движение. С ощутимым трудом он добрался до мелководья. Поднялся на ноги и медленно вышел на узенький пляж.

Не желая попасть под осколки и пули, визжащие в воздухе, Яков опустился на корточки. Быстро скинул обувь и форму. Положил свои вещи на обломок бетона, лежавший на мокром песке, и увидел своего земляка.

Судя по внешнему виду, Тофик Бабаев только недавно вылез на сушу. С него в три ручья стекала вода. Он очень тяжело, со свистом дышал, но, как и зенитчик, оказался в одежде.

Над головою бакинцев шелестели снаряды фашистов. Вокруг грохотали мощные взрывы. В воздухе жутко свистела картечь. Лейтенантам очень хотелось поскорее уйти с открытого места. Спрятаться в ближайших развалинах и переждать артиллерийский и авиационный налёт.

Пересилив себя, Яков повернулся к товарищу. Ткнул рукой в теплоход, затонувший метрах в двадцати от него, и сказал: – Там застряли твои подчинённые, вместе с оружием.

Офицер перевёл сбившееся от разговора дыхание и предложил: – Раздевайся. Вместе их притащим на берег. А то, чего доброго, ещё там утонут. – оглядевшись по сторонам, Яков заметил деревянные сходни, сколоченные из старых досок. Они сиротливо лежали метрах в трёх по течению.

Передвигаясь на корточках, зенитчик приблизился к ним и столкнулся с берега в воду. Не разгибаясь, парень зашёл в реку по грудь. Толкая дощатый настил, он быстро поплыл к затонувшему судну.

Через минуту, его догнал раздевшийся Тофик и пристроился справа. Лейтенанты быстро добрались до пулемёта, задравшего ствол к высокому небу. Действуя в четыре руки, они погрузили на плотик оружие, «сидоры» и обмундирование красноармейцев, потерпевших крушение.

Офицеры велели солдатам держаться за заднюю часть небольшого плавсредства и двигать ногами в воде, как лягушки. Сами устроились по обоим бокам неказистого средства спасения. Загребая свободной рукой, они устремились назад.

Выйдя на твёрдую сушу, лейтенанты с бойцами сунули ноги в мокрую обувь. Схватили уцелевшие вещи и, пригибаясь к земле, помчались прочь от реки. Они быстро поднялись на высокий откос. Пробежали несколько метров и нырнули в какое-то здание, разбитое тяжёлым снарядом.

Укрывшись в тёмных развалинах, офицеры с солдатами отжали воду из формы и натянули на тело влажные галифе с гимнастёрками. Затем, все опустились на пол, усыпанный битой щебёнкой.

– Ну вот. Всё обмундирование само постиралось. – совершенно не к месту бросил зенитчик.

Повертев головой, Яков отметил, что в том помещении, где они оказались, не имеется крыши. Из четырёх толстых стен, сохранились лишь три. В узком окне не было даже следов от разрушенной рамы. Края всех откосов смотрелись так странно, словно их сильно грызли гигантские зубы.

По несколько раз за минуту, в пустые проёмы попадали осколки и пули. Кусочки металла со свистом впивались в прочную кладку. Из кирпичей вылетала мелкая, красная крошка.

Яков взглянул на углы разбитого здания. В одном из них парень заметил что-то знакомое. Низко пригнувшись, он приблизился к куче каких-то вещей. На земле в беспорядке валялась красноармейская форма.

Рядом лежало оружие: трёхлинейка конструктора Мосина и винтовка Токарева – «СВТ-40». Тут же виднелись подсумки с патронами и разномастная мужская одежда.

Расстроенный тем, что увидел, зенитчик подвёл печальный итог: – «Видать, дезертиры пошарили по ближайшим развалинам. Нашли, во что облачиться и смылись отсюда вместе с гражданскими.

Ну и пёс с ними, с этими трусами. Хорошо, что оружие нам здесь оставили, а не бросили в реку. А то бегаем тут, словно клоуны, с тряпками в пустых кобурах. В каждый момент можно нарваться на фрицев, а стрелять-то и нечем».

На правах человека, нашедшего клад, Яков выбрал себе то, что получше. Офицер взял «СВТ». Как ни крути, а она самозарядная, имела большой магазин на десять патронов, да и весила меньше. Пятизарядную «мосинку» парень отдал земляку. Тофик принял её с большой благодарностью.

Лейтенанты пригладили мокрые волосы, которые уже отросли после стрижки в Баку. Лишь после этого, они дружно вспомнили, что потеряли фуражки во время крушения.

Бакинцы порылись в куче одежды, нашли две армейских пилотки, и тут же надели их на себя. Хоть не офицерский,

но всё же, головной военный убор с красной пролетарской звездой.

Земляки снова сели на пол. Осмотрели винтовки и убедились в их полной исправности. Не успели они разобраться с оружием, как неизвестно откуда, появился знакомый им старый солдат. Это был тот человек, что на острове Зайцевский говорил, о неуязвимости их командира.

Несмотря на внушительный возраст, где-то за пятьдесят, старик уцелел в ходе ужасной ночной переправы. Он оказался босым, но не был настолько испуганным, как молодые бойцы.

Сразу всем видно, мужчина бывал в зоне сражений и многое уже повидал на своём долгом веку. Впрочем, при его-то почтенных годах, набраться подобного опыта не составляло труда. Сначала Германская, следом Гражданская, да и Халхин-Гол вместе с Финской мог легко захватить.

Низко пригнувшись, седой ветеран проскочил мимо окна. Рассмотрел пехотинские петлицы у Тофика. Присел возле него и, козырнув, доложил: – Товарищ лейтенант. Степан Сергеевич видел, как вы оба плыли назад за солдатами. Он решил подождать, пока вы вернётесь обратно.

После того, как вы вышли на берег, он послал меня прямо сюда и приказал вам: – «Немедленно присоединиться к отряду». – подразделение находится здесь по соседству и готовится к выходу.

подавив вздох сожаления, мол, не дали и слегка отдох-

нуть, Тофик ответил красноармейцу: – Понял, сейчас двинемся в путь. А пока посмотрите в правом углу помещения. Там лежат сапоги, может быть, вам подойдут?

Старик с радостью бросился в том направлении, что указал лейтенант. Он взял мокрую обувь и быстро примерил подошвы к босым ступням. Руководствуясь жизненным опытом, боец выбрал те кирзачи, что оказались на один размер больше, чем ему подходили. Ногам будет легче.

Солдат быстро обулся и подвязался ремнём с теми подсумками, что валялись поблизости. Остальную одежду мужчина не бросил. Он свернул её в плотный узел и связал вторым ремешком. Видно, не забыл о товарищах, что так же, как он, разделись в воде.

Затем, все поднялись на ноги. Прячась за стенами, они двинулись за пожилым провожатым. Боец чуть попетлял по мрачным развалинам и вывел военных в небольшую ложбинку. Она вела от реки прямо на запад. Туда, откуда фашисты, неистово рвались к великой русской реке.

Через пару минут, Яков увидел майора, спокойно сидевшего на большом валуне. Степан Сергеич был при своём неизменном «ГТ» и в полной воинской форме. Отсутствовала только фуражка. Так же, как у двух лейтенантов, на его голове находилась простая пилотка с солдатской красной звездой.

Рядом с ним на земле разместились три десятка бойцов,

выживших при переправе. Практически все лишились оружия, вещмешков, ремней и подсумков с патронами. Многие оказались босыми и простоволосыми, словно обычные деревенские жители.

– «Бросили всю амуницию, когда добирались до берега...» – пригорюнился Яков. Он тут же себя оборвал и подумал: – «Хорошо, что хоть сами смогли уцелеть. На корабле было более полусотни бойцов, а до Сталинграда добралась всего половина».

Лейтенанты поспешили к своему командиру. Откинув прежнюю вольность, с которой обращался в дороге к мужчине, Яков сказал согласно уставу РККА: – Товарищ майор, прибыли по вашему распоряжению.

Не вставая с удобного места, Степан Сергеич бросил взгляд на четвёрку военных, вооружённых винтовками. Он перевёл взгляд на полные снаряженьем подсумки, висящие на поясах. С одобреньем кивнул и приказал Тофику, стоявшему рядом с зенитчиком:

– Лейтенант, примите под своё руководство ещё два отделения, оставшиеся без командиров. С личным составом познакомитесь позже. Сейчас отправляемся дальше. Речники сообщили, что неподалеку отсюда находится наша военная часть.

– Слушаюсь, товарищ майор. – ответил новоявленный взводный.

Офицер тут же поднялся, повернулся и уверенным шагом

устремился на запад. Яков рванулся за ним. За спиною зенитчика раздался приказ, отданный голосом его земляка: – Построиться в колонну по двое! Начать движение! Марш!

Сталинград

Через сто с чем-то метров, неглубокий овражек закончился. Отряд поднялся по покатоному склону и оказался в одном из кварталов осаждённого города. Спереди, сзади и с обоих боков гремели частые взрывы.

Здесь почему-то, было относительно тихо. В воздухе не свистели осколки и пули. Осветительные бомбы фашистов, горели за спиною зенитчика, над речной переправой. Отблески крупных пожаров отражались от низких туч из пыли и дыма, висевших над всем Сталинградом.

Неровно мерцавшие всполохи заливали всю местность мёртвенным «химическим» блеском, но они не давали, как следует, ничего рассмотреть. Как не напрягал лейтенант своё стопроцентное зрение, но он мог различить лишь контуры зданий, сильно разрушенных взрывами.

Скатные крыши ближайших домов сгорели дотла и провалились внутрь закопченных кирпичных коробок. Высокие стены темнели пустыми глазницами окон и балконных дверей.

Все дворы и газоны были плотно завалены обломками рухнувшей кладки. Между рядами руин тянулась замусоренная щебнем дорога, ведущая к западу. Под ногами скрипела бетонная крошка, и трещали остывшие головешки и угли.

Яков был сильно подавлен невероятной картиной разрушения города. Он тихо сказал: – По-моему здесь стоят не цеха, а жилые кварталы.

– Скорее всего, мы оказались значительно севернее того большого завода, который зовут «Баррикады». – задумчиво ответил майор: – Возможно, это одноимённый посёлок. По словам речников, где-то здесь размещается штаб стрелковой дивизии.

Они прошагали ещё с полкилометра и вдруг наткнулись на прочное заграждение из проволоки. Оно было устроено из ржавой «колючки» и целиком перекрыло неширокую улицу.

Из развалин домов, расположенных с обеих сторон от дороги, послышалось лязганье ружейных затворов. Послышался грубый, начальственный голос: – Стой! Кто идёт?

Степан Сергеич даже не вздрогнул от неожиданности. Он замер на месте, но и совершенно спокойно ответил: – Сводный отряд в составе тридцати пяти человек. Переправились через Волгу с левого берега. Следуем в военную часть для дальнейшего прохождения службы.

Из плотной тьмы вынырнул невысокий крепкий сержант. Держа оружие наизготовку, он подошёл к майору поближе и голосом, не терпящим никаких возражений, потребовал предъявить документы.

Оставаясь на расстоянии вытянутой руки, он взял бумаги у трёх офицеров. Просмотрел их в свете фонарика и более сдержанным тоном предложил командирам пройти вместе с

ним.

Следуя за пехотинцем, одетым в запачканный известью ватник, Яков на ходу обернулся. Zenитчик увидел, что из развалин вышло несколько человек с автоматами. Они поговорили с бойцами, и повели сводный отряд в противоположную сторону, куда-то на юг.

Нырнув в подворотню, офицеры протопали тёмным длинным проходом и попали в большой, некогда замкнутый двор. С севера, юга и запада виднелись разбитые, кирпичные остовы зданий.

Часть дома, когда-то стоявшая с восточной стороны горизонта, была перемолот мощными взрывами до состоянья щебёнки. От разрушенных стен сильно несло свежей гарью, застоявшимся запахом разлагавшихся трупов и вонью давненько нечищенной надворной уборной.

Провожатый направился в угол почти чистой площадки, шагнул на ступеньки узкой каменной лестницы и спустился по ним в глубокий подвал. Сержант передал своих подопечных дежурному офицеру среднего возраста. Козырнул и ни минуты, не мешкая, вернулся на вверенный пост.

Степан Сергеич сразу представился. Поговорил с капитаном, который оформлял документы прибывших военных, и услышал в ответ: – Здесь с бумагами не особенно возятся. К какой части пополнение вышло от речной переправы, в той оно и воюет. До тех пор, пока не...

Наткнувшись на взгляд пожилого майора, офицер замолчал. Он тихо кашлянул и не очень уверенно завершил свою речь: – ...пока не придёт смена из тыла. –окончание фразы прозвучало немного не так, как если б оно предполагалось заранее. Якову вдруг показалось, будто дежурный хотел сообщить: – ...пока всех не убьют!

Стараясь замять эту неловкость, капитан перешёл от данной темы к другой. Он рассказал, что произошло в Сталинграде за последнее время: – Неделю назад, четырнадцатый танковый корпус фашистов, – сообщил он устало: – вошёл в посёлок Гумрак. Там он наткнулся на противоздушные батареи, расчёты которых составляли лишь юные девушки, набранные в спешном порядке.

Зенитчицы опустили стволы мощных орудий параллельно земле и завязали бой с элитными «Panzersoldat». Пушечная дуэль длилась весь день до заката, а закончилась лишь ближе к ночи двадцать третьего августа.

Фрицы там потеряли почти сотню машин, но не сумели сломить сопротивление девушек. Лишь уничтожив все пушки, они ворвались на позиции и добились тех, кто ещё оставался в живых.

В этот же день, самолёты фашистов провели ковровую бомбардировку всего Сталинграда. Бомбы с зажигательной смесью вызвали множество огромных пожаров и целиком уничтожили городские районы.

Пока все тушили бушевавшее пламя, немецкие танки

приблизились к тракторному заводу на полтора километра. Они встали на прямую наводку и принялись палить по цехам.

На «Баррикадах», на заводе «Красный Октябрь» и, во всех прочих местах, творится та же история, если не хуже. Что происходит за речкой Царицей, на другом краю Сталинграда, мне ничего неизвестно.

Там стоит шестьдесят четвёртая армия. Прямой связи у меня с ними нет, а специально звонить через войсковой коммутатор, чтобы спросить об их новостях, не хватает ни сил, ни свободного времени. Вот выбьем фрицев из города, тогда узнаем всё точно. Кто и как воевал и сколько фашистов убил.

После оформления нужных бумаг, трём командирам сказали, что здесь им придётся расстаться. Майору Дроздову Степану Сергеичу, лейтенанту Бабаеву Тофику и взводу солдат, который пришёл вместе с ними, предписали отправиться на рубеж обороны, что расположен севернее тракторного завода.

Как сказал капитан: – Этот участок почти примыкает к речке Сухая Мечётка. Там насмерть стоят ополченцы из танковой добровольческой бригады «имени Сталинградского пролетариата».

Дерутся они хорошо, но в их подразделение нужно добавить кадровых офицеров, знакомых с тактикой и стратегией современных боёв. Да и дисциплину бы им не мешало, слег-

ка подтянуть. А то ведут себя не, как в Красной Армии, а как у себя на прежней работе. Нет у них ни воинских званий, ни приличествующей субординации.

Поэтому, вам товарищ майор придётся взять командование над разрозненными частями, которые там, сегодня находятся. Вы объедините всех в батальон. Укрепите линию их обороны и будете ждать подкрепления. Как только появится такая возможность, мы к вам его сразу пришлём.

Зенитчика Малинина Якова определили в 1077-й полк подполковника Владимира Евгеньевича Германа. На прощание, парень услышал сухое напутствие немолодого дежурного:

– Данная часть находится тоже на северной окраине города. Пойдёшь туда вместе с пехотой. Доберешься до административного корпуса, стоящего у южной проходной предприятия и найдёшь штаб полка. Там любой тебе скажет, как пройти до него.

Получив свои документы, офицеры с большим облегчением вышли из кабинета дежурного. Там было накурено до такой сильной степени, что дым папирос сильно резал глаза. В коридоре их встретил молодой вестовой. Боец проводил их в соседний подвал, расположенный справа от штаба.

Там они взяли коптилку, стоящую возле самого входа. Зажгли примитивный светильник, из гильзы снаряда в двадцать три миллиметра, и нашли просторную комнату, заставленную железными койками.

Скорее всего, их притащили сюда из близь лежавших развалин. Вместе с кроватями, заодно прихватили матрацы с подушками и одеялами, сильно покрытыми пылью. Зачем же, добру пропадать? А так, слегка отряхнул и ложись, отдыхай со всеми удобствами.

Усевшись на ящиках из-под патронов, они быстро поужинали мясными консервами, которые принёс вестовой. После чего, расположились на удобных лежанках и мгновенно уснули.

На рассвете, лейтенантов с майором разбудил молодой рядовой, служивший при штабе. Им дали время на то, чтобы побриться и сходить в туалет, расположенный в углу большого двора. Затем, накормили горячей гречневой кашей и напоили слабеньким чаем.

После окончания завтрака, их отвели на внушительный склад, находившийся рядом. Каждому из трёх офицеров вручили по солдатскому «сидору», где находился сухой трёхдневный паёк, и плохо постиранные, поношенные кем-то шинели.

Яков внимательно осмотрел то форменное пальто, что дали ему. Парень нашёл в ней три аккуратных отверстия, расположенных в районе груди. Такие же дырки нашлись в верхней одежде других офицеров.

Зашивать их никто почему-то не стал. То ли, на складе считали, что не стоит возиться на фронте с такой ерундой?

То ли, у них не нашлось и минуты свободного времени?

Мало того, каждому лейтенанту вручили по снаряжённому пистолету и по две запасные обоймы с патронами. Выпускники военных училищ с воодушевлением взяли и осмотрели первое боевое оружие в их самостоятельной жизни.

Бакинцы тотчас убедились в идеальной работоспособности всех частей механизма, предназначенного для убийства врагов, и весело переглянулись друг с другом. Они были очень рады тому, что получили новейший «ТТ», а не допотопный «Наган». Ведь с тем револьвером, ещё их отцы воевали в Первую мировую войну, а так же в Гражданскую.

Как не верти, а последняя разработка Фёдора Токарева вмещала восемь зарядов. То есть, на одну штуку больше, чем барабан бельгийских умельцев. А если загнать в ствол патрон, а после вставить обойму в полуую, очень удобную ручку, то получалась, даже на два.

Правда, подобные действия запрещены «Уставом» РККА, но кто начнёт проверять оружие офицера на фронте? Главное, что в этом случае, уйдёт меньше времени на открытие прицельной стрельбы. Скинул предохранитель и сразу пали по врагам.

Несмотря на один и тот же калибр – 7,62 мм, пуля, выпущенная из пистолета, летела значительно дальше, чем револьверная и обладала куда большей убойностью.

На прицельной дистанции в полсотни шагов она прошивала бревно толщиной в бедро человека, а уж тело любого фашиста, проскочит, без всяких усилий. Да и того, что будет за ним, запросто сможет убить.

Наконец, выпускники военных училищ выбросили надоевшие тряпки, что уже долгое время лежали в их кобуре. Лейтенанты поставили пистолеты на предохранитель. Вложили в чехлы из коричневой кожи и ощутили, что на душе стало спокойнее.

Каждый молодой человек был очень уверен в собственных силах. Ведь теперь, у них при себе по две дюжины боевых, а не учебных, патронов. Значит, они отобьются от отделения гитлеровцев, а то и от двух.

Затем, офицеров препроводили во внутренний двор, закрытый с севера, юга и запада. Судя по стрелкам часов, солнце только вошло над степями Заволжья. Косые лучи отражались от облака пыли, парившего над Сталинградом. Благодаря такому эффекту, на улице было довольно светло.

Чуть в стороне, на развалинах, сидели бойцы, которые ночью отдыхали в соседнем подвале. Лейтенанты взглянули на сводный отряд и с облегчением вздохнули. Полураздетые красноармейцы теперь были одеты и нормально обуты. Правда, им дали старую форму, снятую с погибших солдат.

Многие гимнастёрки имели пробоины от пуль и местами запятнаны высохшей кровью. У всех сапоги оказались раз-

биты донельзя. Бушлаты изорваны осколками бомб и снарядов. Сквозь большие прорехи наружу вылезли клочья серой свалывшейся ваты.

Кроме того, всем безоружным бойцам дали по «сидору» и «трёхлинейке», а так же подсумки с патронами и по две гранаты. Мол, ничего, что пока добирались сюда, потеряли свою амуницию. Главное, чтобы вы дальше хорошо воевали.

Яков с ужасом вспомнил, сколько дорогого имущества сторело на железной дороге по пути к осаждённому городу, сколько погибло при перевозках в «полупанках», сколько кануло в Волгу при ночной переправе.

Зенитчик покачал головой и печально вздохнул: – «Всё-таки лучше, чем ничего. По закону военного времени, могли запросто шлёпнуть за потерю шинелей с оружием».

Лейтенанты позвали к себе двух солдат, оказавшихся рядом, и отдали им винтовки с подсумками, найденные в развалинах, что стояли у берега. Мол, пусть останутся в подразделении, так сказать, про запас. Во время боёв, он никогда лишним не будет.

Седовласый майор построил бойцов. Он сказал подчинённым о назначении, полученном в штабе шестьдесят второй армии, и коротко описал то положение, что сложилось сейчас в Сталинграде.

Затем, прозвучала команда: – Направо. Шагом марш! – сводный отряд повернулся и зашагал на те боевые позиции, что были вверены ему командирами.

Яков двигался с теми людьми, с кем он прошёл около тысячи трёхсот километров. Внезапно парень почувствовал, что за столь продолжительный путь, он к ним успел привязаться.

Зенитчик подумал о скорой разлуке с двумя офицерами и слегка загрустил. Ведь они много раз, выручали его по дороге сюда. В это же время, парень вертел головой в разные стороны и не забывал посмотреть, что же находится возле него?

Насколько знал лейтенант, это селение возникло очень давно, и строилось по очень странному плану. В настоящее время, Сталинград протянулся вдоль Волги на сорок пять верст, но имел ширину всего лишь четыре, самое многое, пять километров. То есть, всего семь-восемь улиц, идущих параллельно реке. В каких-то районах их находилось чуточку меньше, в других чуть побольше.

Если честно сказать, то смотреть было, в общем-то, не на что. От главной части огромного города практически ничего не осталось. Все эти районы исчезли неделю назад.

Ковровая бомбардировка фашистов разрушила множество зданий. Мощные взрывы превратили их в кучи обломков и мелкого мусора. Местами виднелись уцелевшие стены, одиноко торчавшие к небу.

Все тротуары вокруг завалило пластами из штукатурки и кирпичом, разбитым в щебёнку. Свободной осталась лишь середина проезжей части дороги. Да и ту покрывал толстый

слой серого пепла.

Под ногами хрустели какие-то головешки и черепки странного вида, спёкшиеся от невыносимого жара. Приглядевшись к тому, что лежит под ногами, Яков с ужасом понял, что же это такое?

Из оплавившегося от сильного жара, асфальта тут и там торчали куски черепов и крупные почерневшие кости людей. Это было всё то, что осталось от жителей полумиллионного города.

К ним нужно прибавить ещё сотни тысяч тех беженцев, что покидали районы, захваченные проклятыми фрицами. Большая часть населения не смогла переплыть через Волгу и погибла на месте.

Как помнил Яков из учебного курса училища, чтобы превратить человека в уголь и пепел, нужна температура, около тысячи градусов. К тому же, она должна продержаться около часа.

Значит, здесь бушевало воистину адское пламя. Скорее всего, множество возгораний в домах объединялись в один гигантский пожар. Возник огненный смерч. Он превратил в золу всё, что находилось вокруг.

– «Если станут взрывать нефтепромыслы, расположенные рядом с Баку, то столицу Азербайджана ожидает такая же печальная участь. По крайней мере, так будет с районами, что прилегают к месту добычи». – зябко поёжился парень.

От сильного запаха гари, зенитчик почувствовал прилив

дурноты. Яков несколько раз помотал головой. Парень сглотнул ком слюны, вдруг ставшей горькой и вязкой, и кое-как отдышался.

Чтобы не лишиться рассудка, лейтенант перестал замечать те предметы, что находились у него под ногами. Теперь парень иначе смотрел на останки, устилавшие землю. Он представил себе, что они никогда не являлись живыми людьми. Это слегка помогло. Яков слегка успокоился и продолжил свой путь по развалинам города.

Сводный отряд шёл параллельно великой реке и удалялся от русла не более, чем на один километр. Здесь, почти не слышались взрывы, что грохотали на западе, в жаркой степи, и на востоке, на Волге.

Зато проклятые «рамы» по-прежнему шастали в воздухе. Они наблюдали за полностью разрушенным городом. Заметив отряды красноармейцев, танки или грузовые машины, самолёты-разведчики вызывали подмогу по радио.

Через пять-семь минут, появлялись фашистские пикировщики и штурмовики. «Юнкерсы» с «хенкелями» немедленно нападали на всё, что перемещалось по улицам.

После первой самолётной атаки, солдаты стали много вертеть головами. Они чаще смотрели на низкое небо и обращали большое внимание на любой подозрительный шум, доносившийся сверху.

Как только, слышались звуки авиационного двигателя,

раздавался чей-нибудь крик: – Внимание, воздух! – бойцы дружно бросались в разные стороны. Все прятались в ближайших развалинах и с нетерпением ждали, когда же фашисты исчезнут из вида.

Некоторые красноармейцы стреляли по немецким стервятникам. Однако, зенитчик не тратил драгоценных патронов. Он доподлинно знал, что в кабинах таких самолётов уставлены плиты из бронестёкла, а повредить многоцилиндровый мотор винтовочной пулей, достаточно сложно. Нужна большая удача, чтоб перебить маслопровод или что-то ещё, лучше всего, медную трубку, подающую топливо.

Часть города, по которой шли пехотинцы, звалась «Баррикады», по имени стоящего рядом завода. Она возводилась не очень давно, в спокойные довоенные годы. Кирпичные здания здесь возводились большими кварталами.

Ровные, словно стрела, улицы строились в виде правильной сетки, с шагом в сто с чем-то метров. Согласно генеральному плану, проезды пересекались друг с другом под прямыми углами.

На первом же таком перекрёстке из-за разрушенных зданий вдруг появилось трое советских солдат. Все они были с винтовками «Мосина», одеты в грязную форму и явно куда-то спешили.

В руках те бойцы держали неряшливого вида узлы. Да и двигались они не к линии фронта, а в обратную сторону: –

«Зачем им идти к переправе?» – удивился тогда ещё Яков: – «Ведь никто из них даже не ранен».

Обычно, интеллигентный и мягкий Степан Сергеич, тотчас подобрался. Он рявкнул таким грозным голосом, которого от седого майора парень ни разу не слышал: – Рядовые, ко мне! – раздался громкий приказ.

Солдаты повернулись на крик. Все разом остановились и как-то странно замялись. По лицам бойцов было видно, им очень хочется, умчаться вперёд без оглядки.

Однако, за спиной офицера шёл взвод пехотинцев. Дезертиры уже не решались продолжить стремительный бег. Ведь, если им вслед, будет стрелять три десятка винтовок, то далеко не уйдёшь.

Дисциплина, наконец, победила. Бойцы повернулись и торопливой трусцой поспешили к Степану Сергеевичу. Они замерли в трёх шагах от него и встали «во фронт».

– Доложите по форме! – сурово приказал офицер.

– Рядовой Кошеваров.

– Рядовой Азанчеев.

– Рядовой Сименчук. – по-очереди представились все пехотинцы.

– Где ваша часть? – продолжил майор строгий допрос.

Старший из тройки солдат снова запнулся, но пересилил себя, и хмуро сказал: – Разбита фашистами у сёла Городище.

– Где командир вашей роты?

– Погиб!

– Командир взвода? Командир отделения?

– Погибли! – набычился красноармеец.

– Согласно приказу № 227, подписанным товарищем Сталиным, за оставление позиций без надлежащей команды, вы подлежите расстрелу на месте! – отчеканил майор.

Бойцы уронили узлы, которые продолжали держать в грязных руках. Они невольно попятнулись и дружно схватились за ремни пыльных «мосинок», висевших у них за плечами.

Заметив, что два лейтенанта держат ладони на кобурах с открытыми клапанами, дезертиры отчётливо поняли своё положение. Они ни за что не успеют, что-нибудь сделать. Все трое разом обмякли, не стали противиться больше судьбе, и обречёно понурили головы.

Не обратив внимания на поведение тройки солдат, Степан Сергеич продолжил короткую речь: – Как старший по званию, я откладываю ваш расстрел перед строем до выяснения всех обстоятельств данного дела. Зачисляю вас в сводный отряд и совершенно уверен, что вы искупите свой ужасный проступок честной и преданной службой.

Напряжённое ожидание на лицах бойцов разом исчезло. Все трое облегчённо вздохнули.

– Лейтенант, – обратился майор к новоиспечённому взводному, стоящему рядом: – принимайте бойцов под своё руководство.

– Есть! – козырнул Тофик Бабаев. Он повернулся к неожиданному пополнению рядов и приказал: – Встать в середину колонны. На ближайшем привале я распределю вас по подразделениям.

Первое отделение сдвинулось немного вперёд. Между ним и остальными солдатами осталось немного свободного места. Прибывшие трое бойцов подошли к возникшему вдруг промежутку и встали там коротеньким строем.

Майор направился дальше. Красноармейцы двинулись следом. Через квартал история опять повторилась. Весьма простым образом отряд увеличился ещё на четырёх человек.

Скоро таких беглецов набралось почти на два отделения. С толикой зависти Яков отметил: – «Пока они доберутся до мест назначения, Тофик Бабаев станет командовать ротой. Вот это я понимаю, стремительный рост, в продвижении по службе».

Прошагав около пяти километров, сильно разросшийся взвод покинул район «Баррикады», разбитый фашистами почти до фундаментов. Подразделение вышло к большому заводу с южной стороны горизонта. Впереди показались руины какой-то длинной постройки.

Не очень давно, высокий кирпичный забор был сильно разрушен на большом протяжении. Цеха пострадали от обстрелов врага, но всё же, не в той ужасающей степени, как жилые дома, стоявшие рядом.

Скорее всего, пожарные части прибывали сюда в самую первую очередь. Да и боролись с огнём здесь, намного упорней, чем в рабочих кварталах. А может быть, фрицы хотели занять эту часть Сталинграда относительно целой и не бросали сюда «зажигалки» из белого фосфора?

Мол, не стоит сжигать то предприятие, где собираются танки, тягачи и различные тракторы. Самим ещё пригодиться. Можно будет потом, делать новую технику, и ремонтировать старую.

Возле забора стояло небольшое строение. Яков заметил, что оно весьма отличалось от производственных зданий. Зенитчик решил, что это и есть тот самый корпус, где не очень давно размещалась дирекция.

Он пригляделся. На устоявшей части фасада, обнаружилась длинная надпись, составленная из металлических букв. Она гордо гласила – «Сталинградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского».

– Похоже, что мне сюда. – со вздохом сказал лейтенант. Зенитчик кивнул в сторону большой проходной. После налёта фашистов от неё сохранилось удивительно мало, всего несколько стен.

Яков простился за руку со Степаном Сергеичем. Обнялся со своим земляком, бакинцем Бабаевым Тофиком и направился к новому месту несения службы.

Не удержавшись, лейтенант обернулся на середине пути. Парень увидел хвост колонны пехоты, уходящей на север.

Он постоял так пару секунд и двинулся дальше.

Яков двигался среди свежих развалин и предавался горестным думам: – «Сколько раз везучесть Степана Сергеевича спасала меня от всяких несчастий, а то и от неминуемой смерти? Как я теперь обойдусь без помощи «заговорённого» кем-то майора? Смогу я ли выжить в этом крошечном аду?»

Возле крыльца Якова встретил часовой с автоматом «ППД-40», висевшим на широкой груди. Боец строго спросил, куда лейтенант направляется? Узнав, что офицер идёт в штаб полка, солдат проверил его документы и пропустил в помещение. Большой вестибюль был сильно завален строительным мусором.

На пыльных стенах виднелись кривоватые стрелки, которые нарисовал какой-то умелец. Яков последовал их указаниям и нашёл бетонную лестницу, ведущую вниз. По крутым и узким ступеням парень спустился в глубокий подвал. Он очутился в длинном пустом коридоре, увидел открытую дверь и шагнул в небольшой кабинет.

Молодой капитан проверил документы бакинца, узнал, что перед ним оказался зенитчик, и очень обрадовались его появлению. Дежурный вышел из-за двух тумбового стола, заваленного кучей бумаг. Подвёл лейтенанта к куску пыльного ватмана, висевшему на бетонной стене, и указал на грубую схему, начертанную карандашом.

Светло-серые линии были плоховато видны на белой бу-

маге. Поэтому, в самых важных местах, неизвестный художник густо слюнявил своим языком затупившийся «химический» грифель.

Благодаря этому, на поверхности документации проступали весьма неопрятные размытые пятна. Они были всех лиловых оттенков, от нежно-сиреневого до фиолетово-чёрного.

В центре, нижней части листа начиналась волнистая линия, обозначающая Волгу. Она шла вверх и немного к правому краю. Параллельно реке находился, вытянутый наискосок, прямоугольник с крупными буквами «СТЗ».

Южный конец обширной фигуры был сильно срезан. Поэтому, длинная площадка завода удивительно смахивала на огромное тупое зубило. Над верхним, северным углом ограждения виднелась кривая надпись, сделанная печатными буквами разных размеров. Она сообщала – «пос. Спартакровка».

Капитан указал на верхнюю половину рисунка и сообщил: – Рядом с главным корпусом тракторного завода расположены противовоздушные батареи 85-миллиметровых зенитных орудий.

В каждой из них имеется по четыре исправные пушки. Мне только что доложили оттуда, что на третьем участке недавно погиб командир. Поедешь туда и примешь бойцов под своё руководство.

От такого приказа Яков совершенно опешил. Не обратив внимания на изумлённое лицо лейтенанта, офицер вернулся

за стол. Там стоял телефон чёрного цвета с круглым дырчатым диском.

В то давнее время, такие приборы стояли во всех кабинетах страны, от правленья колхоза, до ставки главнокомандующего, товарища Сталина. Капитан взял тяжёлую телефонную трубку из эбонита, набрал коротенький номер и вызвал к себе старшину.

Тем временем, Яков стоял перед грубо начерченной схемой. Он пытался собрать в кучу мысли, скакавшие в его голове, словно зайцы весной: – «Как вообще такое возможно? Меня, вчерашнего выпускника войскового училища, назначают командовать батареей зениток. Да мне месяц назад исполнилось всего восемнадцать.

Как я управлюсь с такой прорвой людей, уже давно воевавших на фронте? Мне бы с одним орудием сладить, а тут их окажется целых четыре. Да ещё рядом будут прожектористы и расчёт приборов для управления артиллерийским огнём. Это же, самое малое, ещё десять бойцов. Итого наберётся, целый взвод, как у Тофика».

Пока Яков так размышлял, в дверь постучали. Вошёл пожилой, усатый военный с лычками старшины пехотинцев. Он тихо спросил: – Вызывали?

– Ты сейчас едешь в сторону главного корпуса... – то ли спросил, то ли дал точный приказ капитан: – Отвезёшь на третий участок боеприпасы, бинты и еду. Заодно, прихва-

тишь с собой командира их батареи и отделение бойцов.

– Да я вчера, отвёз им туда, начальника вместе с солдатами. – хмуро пробурчал старшина.

– Больше, чем сутки, там никто ... – офицер вдруг замаялся, так же, как другой капитан, что оформлял бумаги зенитчика в штабе дивизии. Он сделал короткую паузу, и сказать намного нейтральней, чем, возможно, хотел завершить свою фразу: – ... не выдерживает.

Чтобы перевести разговор на менее неприятную тему, он повернулся к застывшему Якову и сообщил: – Во время последней атаки, фашисты сильно попортили пару зениток. Ночью туда ушли тягачи с бригадой ремонтников. Они повезли с собою снаряды и два новых орудия.

Не слушая речь капитана, Яков грустно подумал: – «Значит, мне жить-то осталось не более суток». – причём, эта фраза в его голове, прозвучала весьма безразлично, словно речь шла не о нём, а ком-то другом, постороннем ему человеке.

– «Ну, что же, другие даже до линии фронта не успели доехать. Бесславно погибли, кто прямо на Каспии, кто в степи, на железной дороге, а кто уже здесь, на ночной переправе. Мне, считай, ещё повезло. Может быть, я даже успею пострелять по фашистам».

Под конец он мрачно добавил: – «Если меня не убьют по пути к батарее». – парень отбросил горькие мысли. Он отдал честь капитану и спросил ровным голосом: – Разрешите ид-

ти?

– Выполняй лейтенант. – бросил ему офицер и тут же занялся другими делами.

Как только, Яков вышел за дверь кабинета, капитан сразу забыл о юном зенитчике. Ничего не поделаешь. Как всегда, фронтовая действительность дала себя знать.

Таких, как данный «зелёный пацан», перед ним проходило достаточно много, и так продолжалось довольно давно, изо дня в день. Если их всех держать в голове, то с ума очень быстро сойдёшь.

Парень вышел за железную дверь и вновь оказался в узком и тёмном коридоре подвала. Все стены были отлиты из железобетона. Судя их тощине, подземные помещения административного корпуса проектировались, как бомбоубежище. Теперь они пригодился именно в этом неожиданном качестве.

А ведь при строительстве здания, никто не мог и представить себе, что война доберётся до этого волжского города. Все были уверены в том, что руководство завода тратит впустую материалы и огромные деньги.

Разглядев старшину, стоявшего возле узенькой лестницы, Яков поправил пилотку и пошёл к колоритному аборигену штаба дивизии. Тот повёл офицера наверх. Минуту спустя, они оказались в дальней части просторного холла.

Благодаря постоянным обстрелам фашистов, здесь уже не

осталось ни одного окна или двери. Весь пол был густо усыпан битым стеклом и штукатуркой, осыпавшейся с потолка и со стен.

Проводник повернул вглубь длинного корпуса и быстро двинулся по маршруту, знакомому лишь ему одному. По дороге он заглянул в небольшую каптёрку хоззвода. Там он позвал за собой трёх старых солдат, сидевших без всякого дела.

Двигаясь маленькой группой, они прошли метров десять-пятнадцать. Шагнули в узкий проём и оказались в огромном полуразрушенном цехе.

Лучи яркого солнца проникали сквозь огромные дыры, пробитые в крыше снарядами. Они косо падали в глубину тёмного здания, и освещали десятки всевозможных станков. Все они были завалены кусками бетона, упавшими сверху.

Прошагав метров пятьдесят-шестьдесят, лейтенант с провожатыми вдруг очутился у широких железных дверей. Как понял Яков, здесь размещались помещения складов.

Возле них, параллельно друг другу, стояли две бортовые полуторки. Тут же виднелось отделение пехоты с винтовками и вещевыми мешками. Бойцы расположились на ящиках из-под каких-то деталей.

Старшина достучался до кладовщика, сидевшего в надёжном хранилище, и долго ругался с седоусым сержантом. Они сильно спорили по какому-то непонятному Якову, поводу.

Проводник офицера потрясал пачкой бумаг и требовал, без промедления, выдать всё то, что обозначено в его документах. Вплоть до последней пачки махорки. Наконец, всё что нужно, было получено.

Началась погрузка довольствия в бортовые машины. Солдат оказалось в достатке. Поэтому, Яков не принял участия в нудной работе. Ведь, как ни крути, а он офицер.

Лейтенант встал на подножку и заглянул в оба кузова. В полумраке огромного цеха он с трудом разглядел, что же лежит в автомобилях. В каждом из них находились ящики со снарядами для зенитных орудий в 85-миллиметровов.

Не удивляясь подобному положению дел, он спокойно следил, как трудились солдаты. Красноармейцы закончили с перекидкой нескольких ящиков. Поднялись на платформы и уселись на боеприпасы.

Как и следовало ожидать, старшина разместился в первой машине. Во-первых, он здесь пребывал на правах командира, а во-вторых, должен указывать путь всем остальным.

Яков протиснулся в небольшую кабину второго автомобиля. Она весьма отличалась от кабин большинства немецких машин. Чаще всего, в них могли поместиться и три человека.

Советский «ГАЗ-АА» проектировали всего лишь для двух худощавых невысоких мужчин. Так что, разместиться зенитчику приличного роста там оказалось довольно не просто.

Грузовики покатались между рядами, заброшенного сей-

час, оборудования. Скоро они оказались у широких ворот, от которых осталась лишь правая створка. Да и та была распахнута настежь. Одна за другой, «полупорки» выскочили в открытый проём и, набирая высокую скорость, рванулись на север.

Машины стремительно мчались вперёд и сильно петляли между цехами, стоявшими на территории Сталинградского тракторного. Яков с большим сожалением смотрел по сторонам. Везде он отмечал одну и ту же картину.

Повсюду стояли высокие здания с разбитыми окнами, дверями, воротами и скатными крышами, упавшими внутрь. Во многих местах, кирпичные стены были разрушены взрывами тяжёлых снарядов фашистов. Часто встречались большие воронки и глубокие ямы от провалившихся вглубь подземных тоннелей.

«Полупорки» быстро проехали около одного километра. Солдаты, сидящие в кузове, слышали в небе гул авиационных моторов. Все дружно забеспокоились, задрали головы вверх и стали смотреть в разные стороны. Заметив самолёты фашистов, они наперебой закричали водителям: – Воздух!

Отлично знакомый с этой командой, Яков схватился за дверцу машины. Он приготовился выскочить из тесной кабины, как только «полупорка» начнёт тормозить. К его удивлению, водители даже не думали сбрасывать скорость. Наоборот, они прибавили газу. Грузовики помчались вперёд с

ещё большей прытью.

Сверху и сзади послышался ужасающий вой летевшего «юнкерса». Тотчас застрочили два пулемёта. Зенитчик немедленно понял, что же творится у него за спиной.

Каким-то внутренним зрением, парень отчётливо видел, как две цепочки из пуль впивались в дорожный асфальт и стремительно мчались за удиравшей машиной.

Через пару секунд, они догонят «полуторку». Ударят по заднему борту и смертоносным дождём обрушатся на несчастных солдат, сидящих в маленьком кузове.

Кусочки свинца пронзят их тела, вопьются в контейнеры с боеприпасами и так же легко пробьют толстые доски. Снаряды зениток тотчас детонируют. Волна раскалённого воздуха разнесёт грузовик в мелкие клочья.

Не понимая, почему шофера ведут себя так необычно, парень решил, что не стоит испытывать злодейку-судьбу. Он приоткрыл пассажирскую дверцу и приготовился выскочить на полном ходу.

Уж лучше сломать себе ноги, чем мгновенно сгореть в жутком огне. После мощного взрыва, никто не найдёт и клочка его документов. Так что, бедным родителям скажут, что он оказался в огромном числе «без вести пропавших». Это значительно хуже, чем просто узнать о гибели сына. Так им хотя бы назначат какую-то пенсию.

Яков уже хотел прыгнуть на землю, как произошло нечто

совсем непонятное. «Полуторка» со старшиной резко вильнула в правую сторону и стрелою помчалась к длинному цеху.

Вторая машина не отставала от первой. Зенитчик невольно замешкался. Парень взглянул на кирпичную стену и увидел пролом, пробитый огромным немецким снарядом.

Дыра оказалась так велика, что грузовики влетели в неё, не задев неровных краёв. Один за другим, они нырнули в непроглядную тьму, заливавшую здание. Откатились от «входа» метров на десять и, лишь после этого, встали, как вкопанные.

Снаружи тотчас прекратили стучать пулемёты. Раздался приглушённый взрыв авиабомбы. Судя по стихавшему звуку, самолёт сделал круг прямо над цехом. Фашистский пилот не нашёл ускользнувшие от обстрела машины и помчался искать другую добычу. Не настолько везучую.

Яков взглянул сквозь лобовое стекло и испугался по новому поводу: – «А если бы возле порога, оказались большие станки или же куча разбитых железобетонных конструкций, рухнувших сверху? Мы бы врезались в них со всей нашей скорости. Снаряды детонировали от такого удара и... всё».

Он слегка успокоился и с облегчением понял, что всё вовсе не так, как он недавно подумал. Водители гоняли по этим маршрутам по несколько раз каждый день. Поэтому, отлично запомнили, куда они могут влететь на полном ходу, а куда и не стоит даже пытаться. Ну, а тех, кто ошибся в расчётах,

наверняка не осталось в живых.

Не разворачиваясь в полутёмном цеху, машины задом вернулись наружу и отправились дальше. Площадь завода оказалась невероятно большой. Пока две «полуторки» добирались до главного корпуса, на них ещё трижды нападали самолёты фашистов.

Каждый раз приходилось бежать, что есть мочи, и прятаться от проклятых «лаптёжников» в полуразрушенных зданиях. Автомобили ныряли в открытые настежь ворота, а то и просто в большие проломы от бомб и снарядов. Они отъезжали от «входа» метров на десять, потом тормозили и пережидали опасность.

Оказавшись в укрытии снова, Яков повертел головой, осмотрел заброшенный цех с обвалившейся кровлей и печально сказал: – Такое прекрасный завод встал по вине бесноватого Гитлера.

– Неправда! – сразу ответил шофёр: – Сейчас он работает почти точно так же, как раньше! – заметив вопросительный взгляд лейтенанта, водитель всё объяснил: – Под каждым зданием нашего тракторного, есть очень большие подвалы. Как только возникла опасность бомбёжки, всё ценное оборудование сняли с фундаментов.

Перенесли на нижний, подземный этаж. Установили прямо на пол и принялись выпускать нужную фронтую продукцию. В первую очередь, гусеничные тягачи, танки «Т-34», а

к ним пулемёты и 76-миллиметровые пушки. Краем уха я слышал в дирекции, что в июле этого года собрали сорок пять бронемашин, а в августе, их было больше на семьдесят штук.

Мало того, всю подбитую возле города технику не бросают на поле сражений. Её собирают. Цепляют тросами к большим тягачам и тащат сюда. Здесь, как можно скорее, приводят в порядок и опять отправляют на фронт. Вот только цветная эмаль на заводе давно уже кончилась. Так и едут танки от нас, без всякой окраски.

Кстати сказать, я видел в ремонтных цехах не только наши боевые машины, но и чужие «коробки». Должен сказать, что по сравнению с «Т-34», это невероятная дрянь.

Броня у них тонкая, а пушки до ужаса слабые. Однако, даже такое дерьмо не пускают на слом. Их тоже приводят в порядок. Счищают кресты с корпусов. Рисуют красные звёзды и гонят на немцев.

Посмотришь на их самые лучшие танки, что называются – «Т-3» и «Т-4» и поневоле задумаешься, как же их не сожгли по дороге? Как, вообще, проклятые фрицы сумели добраться сюда? Мне, например, непонятно...

Он ненадолго умолк. Помолчал и тихо добавил: – Хотя при такой сумасшедшей воздушной поддержке, чего им не рваться вперёд? Их самолёты летают над Волгой, как у себя над Германией. Они нападают на всё, что видят внизу. И где интересно, находятся наши хваленые «красные соколы»?

Неужто погибли все, как один, при защите Москвы?

Поняв, что слегка разболтался, водитель умолк на незаконченной фразе и снова вернулся к теме завода: – К сожалению рабочих, далеко не всё удалось спрятать под землю. Сверху остались самые трудоёмкие для нас производства. Их никак невозможно подвинуть с привычного места.

Это литейки и сборочные конвейеры бронемашин. Именно их защищают те батареи, куда мы сейчас направляемся. Нужно сказать, зенитчики отлично справляются с такою работой и не позволяют фашистам свободно бомбить эти цеха.

Батарея зениток

В девять утра, «полуторки» оказались на самом краю предприятия. Судя по внешнему виду, в ограждение завода попал крупный снаряд. Взрыв оказался удивительно мощным. Прочный забор превратился в кучи мелких кирпичных обломков.

Не сбрасывая приличную скорость, автомобили рванулись в большую дыру. Они проскочили пустырь, тянувшийся прямо на запад, свернули на север и оказались в длинной ложбинке, глубиной в рост человека. Она пролежала вдоль огромных цехов и далеко уходила в разные стороны.

Пропылив по низине, грузовики, наконец-то, прибыли на место. Слева тянулся пологий склон балки, что хорошо защищал от снайперов фрицев. Справа раскинулась площадка Сталинградского тракторного. Она показалась зенитчику ровной, как стол великана.

Тягачи, о которых сказал штабной офицер, куда-то ушли. Машины оставили отремонтированные на заводе орудия, а разбитые взяли с собой.

Молодой лейтенант настороженно огляделся вокруг. Яков увидел то место, где ему предстояло теперь воевать, а очень возможно, и быстро погибнуть. Подразделение состояло из отлично знакомых, 85-миллиметровых зениток образца

1939 года, или, как их называли в армейских бумагах «52-К».

Длинноствольная пушка находилась на тумбе, прикреплённой к металлической раме трёхтонного грузовика «ЗИС-5». Со всех сторон четырёхколёсной платформы располагались откидные длинные лапы, упёртые в плотную землю.

К сожалению парня, это орудие не имело броневого щита, спасавшего боевую службу от пуль и осколков. По две стороны от казённой части орудия находились места для солдат, ничем не прикрытые от обстрела врага.

Но главное неудобство заключалось в другом. Для того, чтоб направить пушку на цель, нужны были чёткие действия ДВУХ человек. Боец, находящийся справа, крутил маховик и поворачивал боевую платформу вокруг центральной оси.

Артиллерист, что размещался по левую руку, поднимал и опускал толстый ствол. При ранении или гибели одного из наводчиков, произвести точный выстрел по подвижной мишени становилось уже невозможно.

Основным преимуществом пушки была её дальнобойность. Она составляла – свыше десяти километров, если выстрелить прямо в зенит, и более пятнадцати вёрст, если палить по тем целям, что стоят на земле.

Кроме того, её длинный ствол обладал чрезвычайной подвижностью. Он перемещался от почти вертикального, до горизонтального положения и даже мог опуститься на три

градуса ниже данного уровня. Это позволяло стрелять, куда только угодно расчёту.

Четыре зенитки стояли на северо-западе балки, по которой примчались «полуторки». Каждая из них, находилась в круглом окопе диаметром пять с чем-то метров и глубиной по пояс. Поверх всех углублений шли сильно оплывшие брустверы, высотой не больше, чем в локоть.

Батарея была расположена в длинную линию. Орудия размещались метрах в тридцати друга от друга и соединялись друг с другом окопами. Когда-то ходы сообщения имели профиль в рост человека. Теперь их наполовину засыпало сухой землёй.

С обеих сторон от подразделения Якова находились другие позиции. До них оказалось, самое многое, четвертая часть километра. За спиной, виднелось пять или шесть примитивных землянок. К ним тоже тянулись траншеи. Чуть дальше, на расстоянии полуверсты, возвышались громады цехов Сталинградского тракторного.

Впереди, на ничейной земле, и возле окопов виднелись, исходящие дымом, большие воронки. Ещё Яков заметил дрожание воздуха над стволами орудий. Всё говорило о том, что какое-то время назад, здесь шёл продолжительный бой.

Похоже, что самолёты фашистов не сумели прорваться сквозь ураганный огонь замечательных пушек. Не долетев

до завода, они бросили бомбы перед зенитками и повернули обратно.

Сильно воняло сгоревшим тротилом и пороховыми газами от тяжёлых снарядов, выпущённых в проклятых захватчиков. Везде валялось множество пустых длинных ящиков и стреляных гильз.

Измученные в недавнем сражении, красноармейцы сидели кто, где. Все безучастно смотрели на две «полуторки», остановившиеся между вторым и первым орудием. Лишь два наблюдателя продолжали держать бинокли у глаз. Они напряжённо следили за западной частью белесого неба. Вдруг там опять появиться враг?

Пожилой старшина выбрался из тесной кабины. Он встал на широкой подножке и очень громко, чтобы слышали все, кто находился вокруг, прокричал грубым голосом: – Из штаба полка вам прислали очередного начальника. – мужчина кивнул на смущённого парня, вышедшего из второго грузовика.

Молодой человек одёрнул свою гимнастёрку, стоявшую колом от высохшей волжской воды. Поправил пилотку и чётко представился: – Лейтенант Малинин, Яков Семёнович. Направлен сюда командиром в третью батарею зениток.

О том, что он всего лишь месяц назад окончил «БУЗу», офицер говорить, конечно, не стал. Однако, по глазам всех солдат, стоявших поблизости, он сразу понял их отношение к себе.

Красноармейцы и сами тотчас обо всём догадались. Уж очень он выглядел юным, по сравнению со своим окружением. Да и его щеголеватая форма казалась слишком уж новой и подозрительно чистой.

Вспомнив слова майора, прозвучавшие ночью, Яков тут же продолжил: – Познакомимся позже, а сейчас получите у старшины боеприпасы, пищу и всё остальное, что прислали сюда из штаба полка. Заместитель командира батареи срочно подойдите ко мне.

Настроившись на долгую пропагандистскую речь «о верности партии, товарищу Сталину и нашей любимой Отчизне», бойцы с радостью поняли, что её сегодня не будет. Они устало поднялись с насиженных мест и потянулись к прибывшим машинам.

В первую очередь, пушкари принялись разгружать длинные ящики со снарядами и патронами к ним. В каждом из этих «гробов» находилось по четыре железные чушки, весившие от девяти килограммов, и более. Некоторые тянули даже до пуда.

Покончив с боеприпасами, бойцы извлекли из машин небольшие коробки с медикаментами и пачками ядрёной махорки. Следом за ними, пришла очередь внушительных термосов с кашей и чаем. Один из них, был вдвое меньше, чем все остальные. Старшина приказал поставить его возле себя.

Осматриваясь, Яков пересчитал всех людей, собравшихся

возле «полуторок». Парень сразу заметил, что здесь нет ни одного офицера, чего он так опасался, и облѣгчѣнно вздохнул.

– «Значит, никто не начнѣт оспаривать моѣ формальное лидерство. Хотя, кто его знает? Вдруг среди нижних чинов есть, хороший зенитчик, который окажется лучше, чем я? Например, боевой командир, разжалованный за какой-нибудь промах на фронте?»

– «Ну ладно, потом разберѣмся». – подумал молодой лейтенант и посмотрел на солдат и ефрейторов. Их набралось всего восемнадцать бойцов, плюс два наблюдателя, оставшихся возле орудий. Всего два десятка.

– «Да это никуда не годится». – расстроился Яков: – «Судя по числу артиллеристов, находящихся здесь, получается, что нет ни одного расчѣта орудия в полном составе. Взамен командира и шестѣрки солдат на каждую пушку, имеется всего по четыре, самое большое, по пять человек. Как воевать с таким контингентом?»

Офицер пригляделся к окружающим людям. От того, что увидел, лейтенант загрустил значительно больше. Бинты грязно-белого цвета проглядывали сквозь дыры в одежде. Значит, у многих бойцов имелись ранения разного рода. Хорошо, что все достаточно «лѣгкие».

Обмундированье зенитчиков было самое разное. От обычной «гражданки», до флотских клѣшей и армейской формы всех видов. Да и петлицы на гимнастѣрках разного

цвета. Они представляли собой все колера, что существовали в рядах Красной Армии: ярко-малиновый, чёрный, голубой, тёмно-зелёный и синий.

Вместо увесистых «мосинок» 1891 года, за плечами бойцов находились укороченные пятизарядные винтовки фашистов, под названием «Mauser». У некоторых, на головах красовались немецкие каски «М-35» с характерными наматыльниками и козырьками. Они были отлично знакомы зенитчику по кадрам той кинохроники, что постоянно крутили в Баку.

– «Хорошо, что эмблемы захватчиков соскребли острым ножом». – усмехнулся невесело Яков. Лейтенант перевёл острый взгляд на старшину. Парень увидел, что тот собирался раздать всем бойцам «пищевой паёк Ворошилова».

– «Да они тут, с утра, что ли пьют?» – возмутился про себя молодой человек. После чего, неожиданно вспомнил о том, что не очень давно, бойцы вышли из долгого боя. Такая малая доза вряд ли их сейчас опьянит.

Скорее всего, только снимет сильное напряжение нервов. Он хотел подойти к ближайшей позиции и осмотреть боевое орудие, но что-то его задержало. Яков на секунду задумался и понял в чём дело.

Лейтенант не заметил стограммовых бутылочек, соответствующих уставу РККА. Их в народной среде называли «мерзавчиками». Старшина стал выдавать разливную воню-

чую водку.

О подобной замене говорили ещё в зенитном училище. Яков немедленно понял, что же содержит в себе двенадцатилитровый термос из жести. Он оказался доверху наполнен дешёвым сорокаградусным пойлом.

Внимание парня привлекла необычная мерная тара. Вместо стального стаканчика, укреплённого на тоненькой ручке, длинной с карандаш, мужчина держал в левой руке небольшую мензурку.

Ей советских войсках, обычно, насыпали махорку. С виду данная ёмкость походила на стандартную стопку, но, как Яков узнал от преподавателей войскового училища, объём у неё был меньше чем нужно.

– Товарищ старшина! – окликнул он виночерпия, готового приступить к нелёгкой работе: – Подойдите ко мне!

Пожилой человек, посмотрел на зенитчика и увидел, удивительно жёсткое выражение лица командира. Он не осмелел возражать офицеру в присутствии рядового состава и поспешил тут же выполнить непонятный приказ.

Мужчина захлопнул распахнутый термос с «сучком». Приблизился на расстояние, положенное армейским уставом, козырнул и, глядя глазами честного складского работника, замер на месте.

– Покажите посуду, которой вы собрались, выдать бойцам винное довольствие. – витиевато выразился молодой офицер и требовательно протянул руку вперёд.

Старшина отдал мензурку. Поняв, что за этим последует, он сообщил доверительным тоном привычного ко всему заговорщика: – Мерный стаканчик пробило вражеской пулей. Нового взять, покуда, мне негде, вот я и приспособился разливать водку тем, что нашлось под рукой.

Он чуточку меньше, чем нужно, но полученную от этого разницу, я всегда отдаю старшему офицеру подразделения. Так сказать, на непредвиденные, на службе расходы.

Выслушав прямое предложение взятки, Яков повёл себя так, словно не слышал такие слова. Он сделал вид, что ничего в них не понял и сказал твёрдым голосом: – Я расскажу о вашем трюке солдатам. Думаю, если вы ещё раз его повторите, то они сильно обидятся.

Глядишь, в вашу машину может попасть чей-то тяжёлый снаряд. Здесь линия фронта, идёт большая война. Никто не станет расследовать гибель ещё одного интенданта. Вам всё понятно?

– Так точно! – вытянулся во фронт старшина: – Разрешите продолжить раздачу пищевого довольствия.

– Продолжайте! – кивнул лейтенант и добавил ему на прощание: – Не забудьте накормить всех прибывших бойцов и выдать им «ворошиловские сто грамм». Они уже находятся на передовой, где ведутся военные действия.

– Слушаюсь! – козырнул старшина. Почти что, бегом он вернулся к машине. Приказал наделить едой всех пехотинцев и стал очень сноровисто отпускать казённую водку. Яков

заметил, что у мужчины трясутся руки от страха. Теперь он наливал всем бойцам по полторы маленькой стопки.

– Наконец, вы приструнили этого жулика. – донёлся до Якова голос: – А то, кому-то война, а кому мать родна! Небось, каждый вечер, он пьянствует в землянке с друзьями.

Яков не торопясь обернулся. Перед ним стоял человек среднего возраста. На его гимнастёрке виднелись петлицы малинового, а не чёрного цвета, как положено артиллеристам.

Красноармеец небрежно отдал честь офицеру и представился достаточно странно: – Заместитель командира батареи, сержант Иван Лобов!

– Вы из каких это войск? – удивлённо спросил лейтенант. Парень вспомнил о том, как вместе с другими переплывал через Волгу и, на всякий случай, добавил: – Или на складе не было нужных знаков различия?

– Я пехотинец! – без доли смущения ответил боец: – Вместе со своим отделением, приписан к третьей батарее зениток, в качестве вооружённой охраны. – предупреждая следующий вопрос офицера, он объяснил:

– Здесь очень быстро все учатся смежным специальностям. Ещё на рассвете ты – подносчик снарядов. Чуть позже, уже заряжающий. К полудню – наводчик, а к вечеру – командир боевого орудия. Если, конечно, удастся дожить до

заката.

– И давно вы находитесь здесь? – спросил потрясённый услышанным Яков. Он доподлинно знал, что, во время долгого боя, бойцы в расчётах сменяли друг друга, но не до такой сильной степени.

Чтобы обычный сержант из сермяжной пехоты, превратился в командира зенитки и всего за двенадцать часов. Таким ударными темпами, можно легко дослужиться до командира всей батареи.

– Почти двое суток. Считай самый старый из всех наших бойцов. Здесь люди долго не держатся. Кое-кого увозят в госпиталь, к Волге. Все остальные, устроились в воронках от вражеских бомб. – он ткнул рукой в сторону длинного цеха, стоящего на востоке от них.

Яков тотчас повернулся в указанном ему направлении. Только сейчас он заметил ряд небольших свежих холмиков. Из каждого скорбно торчала широкая крышка от снарядного ящика.

Все они были повёрнуты к позициям внутренней стороной, неокрашенной на заводе в армейское «хаки». На всех оказалось, что-то написано «химическим» карандашом.

Чтобы уйти от неожиданной темы, парень отвернулся от кладбища и посмотрел на сержанта. Продолжая знакомство с позицией, лейтенант строго спросил: – Где у вас здесь приборы для управления артиллерийским огнём?

– По словам командира орудия, того, что предшествовал

мне, неделю назад, когда батарея прибыла на позицию, такие приборы имелись в наличии. У них ещё странное такое название было, что-то похожее на пуансон.

– «Наверное, до начала войны работал на каком-то крупном заводе и был как-то связан с обработкой металла». – подумал неожиданно Яков. Лейтенант не стал прерывать человека, а лишь уточнил: – «ПУАЗО-3»

– Вот, вот. – обрадовался сержант и тотчас нахмурился: – Да, только погибли все эти приборы вместе с расчётом. Крупная бомба попала в окоп, где они находились. Так что, и хоронить было нечего.

– Как же вы тут ведёте артиллерийский огонь? – продолжал удивляться зенитчик.

– С небольшим упреждением. – серьёзно ответил сержант: – Днём отлично видны облачка от взрывов снарядов. Ну, а ночью нам помогают прожектористы. Вчера только подъехали. Вон там, в пятистах метрах к востоку, стоят их большие машины.

Кстати сказать, у них есть полевой телефон, по которому можно связаться со штабом полка. После каждого боя, я сообщаю о сбитых самолётах фашистов и о состоянии всей батареи.

Яков глянул в ту сторону, куда указал уставший Иван. Там находились натянутые на столбы рыбацкие сети, которые нынче, играли роль маскировочных. К счастью они были старыми и оказались такого же серого цвета, как и вся

окружавшая местность. Под дырчатым пологом стояли четыре грузовика «ЗиС-12». Они больше, чем вполовину, были врыты в иссохшую землю.

В непомерно больших кузовах виднелись прожекторные установки с огромными отражателями, имевших диаметр около полутора метров. Рядом темнела звукоулавливающая установка «ЗТ-2». Вокруг сложной техники мелькали стройные девичьи фигурки, одетые в полевую защитную форму.

– «Нужно будет зайти к ним потом». – улыбнулся про себя офицер: – «Вдруг, мне удастся с кем-нибудь познакомиться?»»

Иван не дал мыслям парня двинуться в таком направлении и позвал его за собой. Сержант поднялся из неглубокой ложбинки, где они говорили, и оказался на западном скате ложбины. Низко пригнувшись, мужчина шагнул в небольшую траншею, ведущую вверх, к третьей зенитке.

Стараясь шагать так же, как его заместитель, лейтенант двигался следом и скоро выбрался на вершину короткого склона. Он очутился в окопе, который служил подобием командного пункта.

Сержант повернулся к своему командиру и стал объяснять: – Отсюда до ближайших развалин метров пятьсот. Там частенько сидят фашистские снайперы. Так что, выглядываем лишь на пару секунд, немедленно прячемся и меняем позицию.

– Понял. – кивнул лейтенант.

– Ночью, фашисты нас мало тревожат. – продолжал заместитель.

– «Ну, да». – согласился с ним Яков: – «В тёмное время, они очень усиленно бомбят переправы».

Не заметив, что лейтенант немного отвлёкся, сержант сообщил: – Обычно появляется только «рама», чтоб корректировать огонь мощных гаубиц по главным цехам.

У нас есть договорённость со второй и четвёртой позицией. Как только фашист появляется в зоне обстрела, мы вместе с соседями открываем огонь и отгоняем мерзавца от этого места.

Без точной наводки, обстрел продолжается не так чтобы долго. Зачем тратить снаряды, если толком не знаешь, куда нужно бить? Зато на рассвете, начинается самое главное. Прилетают «юнкерсы» с «хенкелями» и долбят нас весь день с утра и до вечера. Они делают лишь перерывы на заправку горючим и бомбами.

– Как часто такое случается? – обеспокоился Яков.

– Каждые четыре часа. Иногда среди дня, к ним подключается пехота и танки. – Иван вдруг прервался и к чему-то прислушался. Затем успокоился. Указал рукой на стенку окопа и сообщил:

– Впереди, перед нами, стоит большой дом. – сержант выглянул из-за невысокого бруствера. Махнул рукой на северо-запад и тотчас укрылся за насыпью: – Кстати сказать, это

наш основной ориентир.

Лейтенант повторил быстрый манёвр и бросил взгляд в правую сторону, указанную ему заместителем. Яков заметил группу разрушенных зданий, стоявших в одном километре от данной позиции.

Он тут же опустился на корточки. Пригнувшись, сместился на метр влево. Выглянул и разглядел, что несколько ближе, темнели развалины. Скорее всего, в них превратились скопления низких частных владений.

Офицер повторил всю операцию. Сместившись налево на пять-шесть шагов, вновь посмотрел из окопа. Пару секунд Яков разглядывал огромный пустырь, лежавший перед его батареями.

Всё пространство от мрачных руин до линии пушек, усеяли большие воронки, а так же, кучи железа, почерневшего от сильного пламени. В них отлично угадывались остовы сгоревших машин. Кое-где, из земли торчали хвосты самолётов, украшенных свастикой.

Яков заметил четыре группы обломков, хотел опознать аппараты и услышал шаги сержанта поблизости. Очутившись рядом с начальником, Иван опустился на дно небольшого окопа и увлёк за собой командира, что замер на месте, как античная статуя.

Они оказались за отвалом земли. В тот же момент, над головой вжикнула пуля. Парень со страхом подумал о том,

что опоздай он на долю секунды, и всё было кончено. Погиб молодой лейтенант, не успев даже сделать и выстрела в сторону фрицев.

Сержант сделал вид, что не заметил, как побледнел командир. Уселся на корточки, как можно удобнее и тихо продолжил: – С обеих сторон этого поля – он снова ткнул пальцем на запад: – растянулись кварталы развалин. Они закрывают часть широкой дороги от наших соседей. Вторая и четвёртая батареи находятся справа и слева от главного направления удара фашистов. Им там приходится несколько легче, чем нам.

Мы же торчим здесь, словно валун на проходе. Наши орудия бьют по всей территории до самых дальних руин и закрывают путь немцам. Лишь по нему их бронемашины могут пройти к главному корпусу. Поэтому, фрицы пытаются сбить нас с позиции, и прилагают к этому массу усилий.

За теми домами, что стоят на северо-западе. – сержант махнул рукой в том направлении, где темнели обломки многоэтажек: – Они собирают силы в кулак. Выходят на ровное место, и на внушительной скорости мчатся в атаку.

Мы опускаем стволы пушек к земле и бьём по фашистам прямою наводкой. Иногда, снаряды влетают настолько удачно, что тут же срывают башню у танка. Особенно, если фугас врезал в «коробку» с маленькой пушкой. Эти уродцы тотчас разлетаются в клочья. Неся большие потери, фрицы тотчас прекращают атаку и удирают назад.

Ночью, фашисты прячутся в развалинах частных домов. Скрытно подходят к разбитым машинам, цепляют тросами те, что пострадали не так чтобы сильно, и быстро их тащат к себе. Затем ремонтируют и снова бросают на нас. В бинокль видны те заплатки, что они наложили на дыры в броне.

Кстати сказать, нашими отличными танками они тоже не брезгуют. Вчера я заметил две «тридцатьчетвёрки» с крестами на морде и на обоих боках. Пришлось и по ним, как следует вдарить снарядами. К моему сожалению, поджечь их не смогли. Они все удрали назад.

Яков почувствовал соблазнительный запах перловки и ощутил, что проголодался, как волк, холодной зимой. Зенитчик решил, что нужно отвлечься от изучений окружающей местности, отложить знакомство с позицией и, первым делом, хорошо подзаправится.

Лейтенант повернулся к «полуторкам», стоящим в низинке. Он высунулся из окопа до подбородка и посмотрел на машины. На восточном краю неглубоких траншей не имелось насыпанных брустверов, как на тех, что смотрели на запад. Холмик рыхлой земли прикрывал офицера от фашистского снайпера. Поэтому Яков не рисковал получить пулю в затылок.

К этому времени, очередь из красноармейцев почти сосалась. Большая часть из бойцов уже получила провизию. Они разбрелись по ближайшим окопам, и принялась за еду.

Командир батареи сказал заместителю, что нужно тоже поесть. Подождал, пока тот сходит в землянку за столовой посудой, а когда он вернулся, развязал вещмешок.

Яков достал армейский «сервиз», отштампованный из алюминия. Взял миску, кружку и ложку наизготовку и вместе с сержантом, направился к термосам с пищей и водкой.

Увидев, что явилось начальство, старшина не стал сильно жадничать и плеснул в каждую кружку в полтора раза больше, чем было положено. Сержант задумчиво посмотрел на «наркомовские сто граммов», пробормотал что-то вроде молитвы, и проглотил за пару глотков. Иван даже не сморщился от резкого аромата «сучка» и молча, двинулся дальше, к термосам с «горячей» едой.

В отличие от него, Яков не стал употреблять свою законную дозу. Крепкие спиртные напитки он никогда не любил. Если и принимал внутрь по праздникам, то лишь сухое вино из винограда, растущего в Азербайджане. Парень открыл опустевшую фляжку и слил в неё всё до капли. Мало ли что может случиться? Вдруг пригодиться продезинфицировать рану?

Так же, как и все остальные, он получил миску перловки, сваренной на волжской воде, кусок плотного тёмного хлеба, величиною с ладонь и кружку чая, в котором едва наблюдался намёк на заварку.

Парень уселся на ящик со снарядами к пушке. Никуда не спеша, Яков съел всё до конца. Вытер ржаной корочкой кру-

пиночки каши, прилипшие к стенкам посуды, и сунул её в распахнутый рот. Запил скромную трапезу жиденьким чаем, а тем, что осталось сполоснул миску и ложку.

«Вымытую», таким макаром посуду, он снова сунул в мешок. Пусть там пока полежит, до наступленья обеда. Если, конечно, удастся дожить до него...

– Товарищ лейтенант. – услышал зенитчик голос рядом с собой. Он поднял голову и увидел заместителя своей батареи. Тот не стал козырять, как того требовал строгий устав, а просто сказал: – Пойдёмте со мной. Я покажу вам то место, где живут командир и его заместитель.

Яков поднялся и привычно закинул «сидор» за спину. Парень проследовал за крепким сержантом, спрыгнул в ход сообщения, ведущий на север, и скоро попал в небольшой тупичок.

Молодой офицер спустились по коротким ступеням, укреплённым досками от разобранных ящиков. Шагнул в узкую дверь и очутился в небольшом помещении. Оно оказалось, четыре метра в длину и, два с небольшим, в ширину.

Яркий солнечный свет проникал сквозь тесный и низкий проём. Лучи попадали в землянку и позволяли увидеть её всю целиком. Пол, как и ожидал лейтенант, был просто утоптаным грунтом. Стены сложены из нетолстых, плохо ошкуренных брёвен. Диаметр стройматериала не достигал положенной нормы и не превышал ширину ладони мужчины.

Потолок состоял из таких же кривых тонких слег. Да ещё и уложен был всего лишь в «накат». Такое сооружение не выдержит даже удара небольшого снаряда. Ну, а про бомбы фашистов, и говорить не приходится. Даже самая мелкая, весом в десять кило, и та разнесёт его в мелкие щепки.

Мебель соответствовала объёму землянки. Она состояла из пустых ящиков всё от тех же снарядов. Впрочем, её здесь оказалось немного. Пара лежанок, тянувшихся по двум сторонам, плюс нечто подобное небольшому столу и двух табуретов. В углу, у двери, находился термос с водой. Вот и вся обстановка жилища зенитчика. Весьма небогато, но для фронта, нормально.

На левой, ничем не укрытой «постели» лежала устаревшая железная каска «СШ-36», что называли в войсках «халхинголкой». Она имела выдающийся вперёд козырек, небольшой гребешок на макушке и боковые поля, которые обладали внушительной парусностью. Особенно это было заметно, если куда-то бежишь при ветерке, дующим тебе прямо в лицо.

Заметив древний защитный убор для головы пехотинца, Яков чуть усмехнулся: – «Хорошо, что не «шлем Адриана» образца Первой всемирной войны, а то смотрелся бы тут, словно пожарники, что трудились на станции в Астрахани».

Парень сбросил с плеча надоевшую скатку, свёрнутую из полученной недавно шинели и перевёл взгляд на другую

«постель». Там лежат тощий «сидор», фуражка, а так же, шинель с петлицами чёрного цвета: – «Вот и всё, что осталось от капитана, что был здесь до меня». – грустно сказал себе Яков.

Он хотел повестить одежду покойного на какой-нибудь гвоздь, вбитый в брёвна стены. Потом немного подумал и прикинул к себе форменное пальто погибшего командира зениток. Лейтенант убедился, что оно сшито на более крупного человека, чем он, и благоразумно решил:

– «Теперь я не дома, в безопасном Баку, а на жестокой войне с проклятыми фрицами. Так что, хватит миндальничать. Если станет мне холодно то, хочешь, не хочешь, а придётся надеть сверху на ту, что дали мне в штабе дивизии.

Только нужно снять длинные «шпалы» с петлиц и прикрепить «кубари». Только, где же их взять? Вокруг нет ни одного «военторга». Да и других лейтенантов, у которых их можно спросить, что-то не видно поблизости».

Поймав себя, на таком пустяке, Яков вернулся к суровой реальности: – «Хватит думать о том, что придёт неизвестно когда. Если оно, вообще, когда-то придёт для меня. Сейчас тут жара, словно в Баку.

В тени тридцать пять, а на солнце все сорок. До осени, ещё нужно дожить, а пока буду использовать эту шинель вместо постели». – парень поставил чужой вещмешок у «стола», свой же бросил на снарядные ящики. Затем, посмотрел на узкую дверь, ведущую из землянки наружу.

Выяснилось, что между досками створки пробивались лучики света. Парень невольно подумал: – «Нужно будет, потом их чем-то заделать. Например, паклей или какой-нибудь ветошью».

Яков тут же, отбросил совершенно ненужную мысль и вышел в траншею. Парень поднялся по лесенке в четыре ступени. Там стоял заместитель, дожидавшийся своего лейтенанта.

– Товарищ сержант, а где ваши вещи? – спросил зенитчик.

– Это землянка для офицеров. Я обычный сержант. То есть, по уставу РККА, младший командный состав. Так что, я сплю вместе с солдатами. – спокойно ответил Иван.

Яков пожал плечами. Мол, делай, как хочешь, мне будет спокойнее. Он повертел головой и сказал: – Покажите мне наши орудия и познакомьте с людьми. Заодно, распределите по неполным расчётам прибывшее со мной пополнение. Вы лучше всё знаете здесь, где не хватает бойцов и кого, куда нужно поставить.

Кивком головы парень указал на отделение пехоты, приехавшего с ним на «полуторке».

Сержант повернулся и повёл Якова вместе с ефрейтором с одной зенитной позиции на другую и третью. Везде он представлял офицера солдатам. Не зная о чём, можно с ним говорить, все начинали спрашивать парня о характеристиках пушки, и о маркировке снарядов. Получалось, что никто ни-

чего толком не слышал о том мощном оружии, с которым сейчас воевал.

Особенно Якову запомнился молодой человек по имени Павел. Он задавал значительно больше вопросов, чем все остальные: – «Ишь какой любознательный!» – отметил про себя лейтенант: – «Из него скоро получится хороший наводчик, а потом и командир боевого орудия».

Пришлось лейтенанту вспомнить всё то, что, не очень давно, он проходил в бакинском военном училище. Парень многое чего объяснил и тут же продемонстрировал своим подчинённым.

Как это ни странно, но в голове всплыли даже те давние знания, о которых, как ему недавно казалось, он, очень прочно забыл. Видно, занятия не прошли совершенно впустую. Нужная ему информация, крепко засела в сознании.

Парень сходу ответил на все вопросы. Тем самым, он поднял свой авторитет, удивительно низкий из-за юного возраста. А когда он устранил пару мелких дефектов, которые пропустили ремонтники, то его, наконец-то, признали за своего командира.

Закончив знакомство с привезённым сюда пополнением, Яков узнал весьма неприятную весть. Как оказалось, среди отделения красноармейцев только два артиллериста. Да и те, являлись лишь пушкарями, но никак не зенитчиками.

Причём, оба они оказались не кадровиками, а когда-то

давно, служили «обычную срочную» возле различных орудий. От противотанковых «сорокопяток» до внушительных гаубиц.

Но самое главное заключалось в другом. Выяснилось, что до настоящего времени, никто из них не участвовал в настоящих сражениях. То есть, не мог помочь командиру, недавно пришедшему со школьной скамьи. Ни советом, ни делом.

– «Значит,» – печально сказал себе офицер: – «придётся всему обучаться на месте. Прямо в боях с проклятыми фрицами».

Распределив пополнение по всем расчётам, лейтенант хотел приказать: – Открыть ящики и подготовить к бою снаряды! – к своему удовольствию Яков заметил, что всё уже сделано без напоминаний начальства.

В первом часу, лейтенант завершил свой, первый в жизни, обход боевой батареи. Он сообщил заместителю, что «уходит к себе», и отправился в отведённую для жизни землянку.

Не снимая сапог, парень улёгся на жёсткую «койку». Вытянулся во всю длину и внезапно почувствовал, как сильно устал. За прошедшие сорок восемь часов на его долю выпало столько тревог и волнений, что от них голова могла закружиться.

Да и физическая нагрузка на парня выпала довольно большая. Один заплыв в полной форме, чего только стоил, а в штабе дивизии, он спал-то всего ничего. Яков надвинул пилотку до самого носа. Прикрыл, на секунду, тяжёлые веки и

тотчас провалился в беспросветную тьму.

У сборочного цеха завода

Оказавшись в тёмной землянке, парень крепко уснул. Он даже не слышал той канонады, что доносилась до позиций зенитчиков с разных сторон. С севера, запада, юга и даже с востока, с далёкого теперь от него, левого берега Волги.

Однако, как только раздался пронзительный крик: – Внимание, воздух! – Яков немедля вскочил. Окинув взглядом всё помещение, он сразу вспомнил, где сейчас находился. Тут же послышалось продолжение громкого возгласа: – Курс 40! Восемнадцать бомбардировщиков!

Парень автоматически поднял ручные часы на уровень глаз. Зачем-то отметил: – «13.07». – выбежал в узкую дверь и, первым делом, повернулся на запад. Прямо на сборочный цех Сталинградского тракторного летели три эшелона немецких стервятников.

Поблёскивая стёклами округлых носов, вверху двигались шесть двухмоторных «Junkers 88». Соотнеся размеры многоцелевых самолётов с реальным размахом их крыльев, Яков быстро прикинул расстояние до цели. Он понял, что до них около десяти километров и тотчас отметил: – «Высота почти восемь тысяч».

Лейтенант перевёл острый взгляд чуть пониже. Там находилось два звена «хенкелей» – «Heinkel 111». Средние бом-

бардировщики шли, приблизительно, на шести километрах. Под ними летели две тройки «лаптёжников», «Junkers 87». Значит, как кричал наблюдатель, всего восемнадцать.

Парень бросился к ближайшей, третьей зенитке. Подбежал к большому орудю и обнаружил, что там уже оказался его заместитель. Лейтенант прислушался к командам сержанта и во всём с ним согласился.

Опреди он бывшего пехотинца на тридцать секунд, то сейчас отдавал бы те же приказы. То есть, «стрелять осколочными зенитными гранатами с дистанционным взрывателем».

Не желая мешать работе расчёта, Яков помчался к той пушке, что находилась по левую руку. Спросил у наводчиков, ведут ли они данные цели? Принял короткий доклад и внёс небольшие поправки.

Добравшись до очередного орудия, он посмотрел в высокое небо и повторил процедуру сначала. Лейтенант убедился, что самолёты уже оказались в зоне прямой досягаемости их дальнобойных снарядов.

Глянув направо, Яков заметил, что сержант находился возле орудия, стоящего на противоположном краю их участка. Заместитель смотрел на него и ждал отмашки начальства. Лейтенант набрал воздух в грудь и крикнул на полную мощь своих крепких лёгких: – Батарея! Осколочными, беглый огонь!

Сразу четыре ствола оглушительно грохнули. Справа и слева от них, отозвались хлопки с других батарей.

Расстояние в десять км снаряды прошли за двенадцать секунд. Сработали боевые взрыватели, установленные на эту дистанцию. Перед летящими в ряд, самолётами возникли белые шапки крупных разрывов.

Стальная шрапнель разлетелась во всех направлениях. Яков увидел, как мотор самого крайнего «юнкерса» вспыхнул. Лейтенант убедился, что не ошибся в прикидках.

Подбитый фашист немедленно вышел из чёткого строя. Лётчик вильнул в левую сторону и бросил свой боезапас, не глядя, куда он там попадёт? Скорее всего, бомбы врезались в позиции фрицев, но вражеский ас не обратил на подобную мелочь никакого внимания. Своя жизнь гораздо дороже, чем чья-то чужая. Пусть даже те, кто погиб там внизу, служили в одной армии с ним.

Пилот развернулся в обратную сторону и, быстро теряя высокую скорость, упрямо тянул прямо на запад. Рухнул ли он на просторах безводной степи, или добрался до базы, Яков конечно, не знал.

Но одного из стервятников, лейтенант записал на счёт батареи. Ведь фашисты будут чинить повреждённый мотор бомбардировщика. Значит, в ближайшее время, он не ударит по советским позициям. А это самое главное на сегодняшний день.

Парень встал в неглубоком окопе, что был прорыт меж-

ду вторым и первым орудием. Поднял к лицу потёртый бинокль, который получил от сержанта и посмотрел на самолёты противника. По мере их приближения, он постоянно корректировал оружейный огонь. Его заместитель командовал на другом фланге боевого участка.

Интенсивный обстрел длился не более двух с половиной минут. За это короткое время, три батареи отправили в небо целых три сотни снарядов. Верхняя линия фашистских стервятников вдруг поломалась. Ещё две машины стали дымить и повернули назад.

Остальные пилоты отчётливо поняли, что огонь очень плотный, и тут же последовали примеру товарищей. Они бросили бомбы там, где придётся, по широкой дуге развернулись над ничейной землёй, и ушли восвояси.

По команде начальника, наводчики перенесли прицел всех орудий на высоту в шесть тысяч метров. Теперь все стали стрелять по второму эшелону машин. Через пару минут, плотная завеса разрывов рассеяла среднюю линию нападающих фрицев.

К этому времени, «хенкели» оказались в непосредственной близости от батареи зенитчиков. Пилоты дружно открылись широкие люки. Смертоносные бомбы, словно горох, посыпались вниз. Десятки внушительных «чушек», весом в пятисот килограммов, врезались в почву. Степь задрожала, как в ходе сильных подземных толчков.

Мощные взрывы подняли к небу огромные массы песка и камней. Тучи осколков со свистом рванулись в разные стороны. Они сокрушали всё то, что встретилось им на пути. Цилиндры с тротилом падали ближе и ближе. Цепочки разрывов подкрались вплотную к позициям.

Перед зенитками вспухли султаны из дыма и пыли. Увидев всё это, Яков вздрогнул всем телом. Парень не смог пересилить панический страх, заполнивший душу. Он не устоял на ногах и свалился на дно небольшого окопа.

Яков закрыл затылок руками. Крепко зажмурился и стал что-то шептать про себя. То ли, прощался с такой коротенькой жизнью? То ли, молился теми словами, что пришли почему-то на ум?

Рядом вдруг грохнуло с чудовищной силой. В голове загудело чугунным набатом. По щеке и губе поползло, что-то очень горячее. Парень коснулся лица. Глянул на кончики пальцев и неожиданно понял, из уха и носа текут струйки крови.

На лейтенанта обрушился град мелкой щебёнки и завалил его ноги до пояса. Атмосфера наполнилась мельчайшими частицами почвы. Их оказалось так много, что стало нечем дышать. Яков сдёрнул пилотку с макушки. Закрыв рот и нос, и втянул в себя воздух сквозь пропотевшую ткань.

Звуки бомбёжки доносились до парня, как сквозь плотную вату. Однако, он всё же, услышал вой пикировщика. Ощувив, что земля перестала дрожать от ударов, парень стал

шевелиться. С осязаемым трудом он освободился от грунта, укрывшего нижнюю часть. Осторожно поднялся на корточки и быстро выглянул из неглубокой траншеи.

Яков увидел, что второе орудие продолжало стрелять. Два номера из расчёта всё ещё находились на жёстких сиденьях. Бойцы дружно крутили маховички поворотного и подъёмного механизмов орудия и напряжённо целились в небо.

Они держали на мушке «лаптёжника», напавшего на расположение зенитчиков. Третий солдат вставил снаряд в открытый казённый, четвёртый бежал за новым припасом.

Раздался другой оглушительный взрыв. Туча осколков взвизгнул в воздухе, и попала в бойца, сидевшего справа. Наводчика сбросило наземь, словно густой железной метлой.

Подчиняясь инерции, пушка ещё повернулась на самую малость и заряжающий выстрелил. Снаряд проскочил ствол орудия, вылетел в воздух и врезался в брюхо машины, падавшей в глубоком пике.

Боеголовка разорвалась внутри фюзеляжа и разнёсла его в мелкие части. Сохраняя свою траекторию, клочья обшивки, крылья и хвост пролетели ещё сотню метров и, кувыряясь, рухнули вниз.

Яков поднялся на дрожащие ноги. Пошатываясь от сильной контузии, он с, максимально возможным для себя ускорением, поспешил к осиротевшей зенитке. Пока лейтенант

ковылял до орудия, другой наводчик уронил подбородок на грудь и начал безвольно валиться на землю.

Офицер подхватил бойца «под микитки». Отволок его в сторону метра на два и торопливо вернулся назад. Даже не вспомнив о щегольских брюках, любовно ушитых бакинским портным, парень упал на железное кресло, густо залитое кровью. Он крепко схватился за тёплые ещё рычаги и краем глаза увидел, что место второго номера занял какой-то солдат.

Пушка крутнулась вокруг вертикальной оси. Тёмное жерло направилось в сторону противной сирены, доносившейся с неба. Глядя вперёд, Яков вращал маховик и разворачивал пушку вдоль горизонта. Солдат, находившийся слева, поднимал длинный ствол боевого орудия.

Общими силами, они совместили перекрестье прицела с напавшим на них «пикировщиком». Каким-то мистическим образом, лейтенант разглядел лицо фрица, сидевшего за толстым стеклом, и громко крикнул: – Огонь!

Заряжающий дёрнул за спусковое устройство. Грохнул оглушительный выстрел. Кабина стервятника тут же исчезла в облаке раскалённого газа. Взрывная волна смяла корпус «лаптёжника», словно бумажный, и швырнула обломки в разные стороны. Они посыпались вниз, не задев окопы с солдатами.

Соседи справа и слева тотчас поддержали одинокую пушку. Зенитчики других батарей открыли ураганный огонь.

Множество мощных снарядов полетели в самолёты фашистов.

Заметив, что обстрел очень резко усилился, четвёрка «лаптёжников» прекратила атаку. Висящая над землёй, «карусель» тотчас развалилась. «Пикировщики» бросили бомбы, не глядя, куда те попадут? Они повернули на запад и улетели зализывать раны. К счастью, их бомбы не задели орудия и не причинили бойцам никакого вреда.

Какое-то время, три батареи дружно стреляли вслед удиравшим фашистам. К сожаленью зенитчиков, самолёты летели над самой землей. Они очень быстро скрылись из вида.

Яков откинулся от рамки прицела и весьма неуклюже сполз с железного сиденья наводчика. Голова офицера сильно кружилась. Чтобы не рухнуть на землю, он ухватился за ближайшее колесо у лафета. Подождал пока, пройдёт дурнота. Медленно выпрямился и осмотрелся вокруг.

Поднятая бомбами, пыль плотно застилала глаза. Яков с трудом разглядел, что пушки стояли на прежних местах. Как ему показалось, все они уцелели. Дела с личным составом обстояли значительно хуже.

Возле орудий его батареи мелькали головы лишь пяти, самое многое, шести человек. Остальных почему-то не было видно. То ли, их всех побил осколками? То ли, контузило взрывами? Наверное, они не могли стоять на ногах, как это случилось с самим лейтенантом?

Взглянув на солдата, который сидел на месте другого наводчика, Яков хрипло спросил: – Где мой заместитель, Лобов Иван?

– Убит! – ответил боец и кивнул на двух пехотинцев, что находились у стенки окопа.

Лейтенант бросил взгляд на сержанта. Левая сторона головы у него была сильно разбита. Глаз вытек, губы разорваны, а половина зубов и вовсе исчезла. Сухая земля под ним потемнела от обилия пролитой крови.

Лишь после этого, парень вдруг вспомнил, что было не очень давно. Пребывая в какой-то горячке, он же сам оттащил человека от оружейной платформы. Сам отволлок от пушки в сторонку и уложил рядом с погибшим сержантом. Однако, он даже не понял, что Лобов Иван отдал Господу душу.

Взглянув на бойца, на чьё место он сел в ходе атаки, Яков заметил приличный осколок, торчащий из его головы. Лейтенант потрясённо подумал: – «Ведь он умер вместе с сержантом. Кто же крикнул «Огонь»? Или заряжающий понял, что командовать некому и сам сделал выстрел?»

Повернувшись к солдату, зенитчик невнятно спросил: – Боец ты, как себя чувствуешь?

– Оглушило слегка. – ответил красноармеец. Причём, произнёс эти слова значительно громче, чем следовало.

– «Или сам плохо слышит после контузии, или же, думает, что я тоже оглох?» – лейтенант попытался стереть кровь

с правой щеки. Она уже прочно засохла. Пришлось пока отказаться от этого.

– Потом, в землянке умоюсь. – сказал он себе.

Яков кивнул на бойцов, лежащих возле зенитки, словно тряпичные куклы и приказал: – Займись всеми ранеными, а так же убитыми. Я пойду, посмотрю, как там другие орудия?

Парень привычно взглянул на хронометр. Он весьма удивился тому, что с начала налёта прошло всего тридцать минут. Ему показалось, что бой длился больше чем час. Даже, скорей полтора. Яков поднёс запястье к левому уху. Он с трудом разобрал тихий стук многих колёсиков.

– «Значит, стрелки нормально идут. Всё дело в моём восприятии...» – начал лейтенант размышлять. Поняв, что не время сейчас думать об этом, он оборвал сам себя. Отбросил досужие мысли. Обошёл все боевые позиции, и с огорчением выяснил, что дела обстоят не ахти. И это, если сказать очень мягко.

Все пушки были побиты осколками и очень нуждались в мелком ремонте. Из сорока двух бойцов, которых он утром взял себе под команду, после полудня, на ногах оставалось лишь тридцать четыре.

Трое оказались убиты на месте. Пятеро ранены, двое из них тяжело. Скорее всего, они скоро умрут. Все остальные зенитчики измотаны до крайних пределов. Им бы сейчас отдохнуть, хотя бы до вечера, а там будет видно. Можно ли их

снова поставить к орудиям?

От контуженого молодого ефрейтора, служившего здесь со вчерашнего дня, Яков узнал, что приехавшие утром ремонтники сгрузили с машины ящик с каким-то железом. Ни одного офицера на батарее тогда не имелось. Припасы оставили в землянке солдат.

Вместе с другим, менее пострадавшим бойцом, парень сходил в то жилище. Лейтенант нашёл там коробку с запасными частями и кое-каким инструментом. Вдвоём они принесли все детали к ближайшей зенитке и стали чинить боевой механизм.

Всё делал Яков, солдат был на подхвате. Устраняя поломки, зенитчик подумал: – «Ещё пара подобных атак и здесь останется меньше людей, чем было утром, до моего появления».

К счастью бойцов, пушки пострадали несильно. Уже через час, их удалось привести в состояние готовности к бою. Пока он возился с повреждённой матчастью, бойцы перевязали всех раненых. Затем, подняли на руки «лежачих» и отнесли в большую землянку, стоящую возле «дороги». По ней всегда приезжали «полуторки».

Трое из «лёгких» взяли бинокли и заняли места наблюдателей. Те красноармейцы, кто стояли ещё на ногах, подносили снаряды. Лишь после того, как боекомплект переместился к орудиям, они занялись другими делами. Более скорбны-

ми.

Пришёл черёд тех бойцов, что погибли в последней атаке фашистов. Четыре крепких солдата, по-очереди подходили к ещё неостывшим телам и брали их за руки, за ноги.

Спотыкаясь в ходах сообщения, живые, чуть ли не волоком, тащили мёртвых товарищей на ближайший пустырь. Туда, где находилось скромное кладбище. К счастью оно располагалось в низинке. Фашистские снайперы не могли наблюдать за этим участком.

Уложив всех покойников коротким рядочком, бойцы взяли лопаты, поплевали в ладони, и разравняли дно воронки от бомбы, одну на троих. Они пустили в могилу убитых зенитчиков. Закрыли бледные лица их же пилотками и закопали без всяких салютов и длинных речей.

Слегка отдышались, солдаты написали фамилии павших на крышке, снятой с какого-то ящика, и установили простой «монумент» на свеженасыпанном холмике. В печальном молчании постояли минуточку рядом и, еле двигая усталые ноги, двинулись к пушкам.

Всё это время, остальные бойцы расчищали окопы возле зениток. Они выбросили из них кучи земли, насыпанной взрывами бомб. Убрали обломки досок от раскуроченной тары для боеприпасов и великое множество стреляных гильз. Всё это сбросили в небольшую низину.

Затем, приготовили десятки снарядов к новому бою, который наверняка, очень скоро начнётся. Выставили двух ча-

совых. Свалились в мелкую пыль там, где стояли и тотчас уснули. Вернувшиеся с погребенья, могильщики, не мешкая, рухнули возле лежащих соратников, и застыли, как трупы.

Вспомнив, что нужно связаться со штабом полка, Яков решил, нужно сходить к прожектористам, что находились поблизости. Он кое-как отряхнул запылённую форму и пошёл на восток, к их огромным машинам.

Лейтенант равнодушно взглянул на молодую блондинку, с сержантскими треугольниками в тёмно-зелёных петлицах. Парень увидел красноармейца, пробежавшего мимо. Остановил и спросил: – Где найти командира?

Тот затоптался на месте, как конь, но не посмел возражать офицеру. Он сопровождал зенитчика к большому железному ящику защитного цвета. Указал на начальника подразделения, возившегося со сложной аппаратурой, и убежал по срочным делам. Яков представился капитану и попросил разрешения позвонить по команде.

Рыхлый и пожилой офицер, сразу видно из штатских, с интересом взглянул на незнакомого парня. Он подумал о том, что это уже третий связной, от зенитчиков за прошедшие сутки, но ничего не сказал. Кто его знает, может быть, они ходят сюда все по-очереди? Посмотреть на девчат, познакомиться. Шуры-муры, и прочее?

Понимая, что дело их ещё молодое, капитан лишь молча кивнул. Закрыв дверцу железного шкафа на ключ и предло-

жил гостю пройти за ним следом. Офицер отвёл его в свою небольшую землянку. На ящике от зенитных снарядов стоял армейский полевой телефон. Видно солдаты его провели с их ближайших позиций.

Парень шагнул к отлично знакомой деревянной коробке. Она была размером в три больших кирпича, положенных плашмя друг на друга. Яков открыл глубокую верхнюю крышку, крепившуюся на петлях по длинному краю. Вынул тяжёлую трубку из бакелита и нажал на красную кнопку с надписью – «Вызов».

Спустя пять секунд на том конце провода возник девичий голос. Узнав в чём, собственно, дело, лейтенанта соединили с дежурным майором. Парень назвал по форме и доложил о потерях своей батареи. Затем, перечислил фамилии, имена и отчества трёх погибших солдат.

Подождал, пока всё записали, и сообщил, что сбиты два «пикировщика». Ещё четыре «бомбёра» сильно дымили. Под конец сообщил, что людей и снарядов осталось так мало, что ещё одно такое сражение, и на позиции будет некому и нечем стрелять.

Штабной офицер всё внимательно выслушал. Сообщил лейтенанту, что всё он знает об этом, но пушкарей сейчас взять, ему решительно негде. Поэтому, обходитесь теми бойцами, которые есть. Сегодня утром, дивизия обещала прислать взвод пехотинцев. Как только они подойдут, то сразу направятся к вам.

Ближе к вечеру, подъедет пара «полуторок». Привезут еду со снарядами и прочим довольствием. С собой заберут сильно раненых. На том разговор и закончился. Дежурный пожелал всем удачи в бою с оккупантами и немедленно отсоединился от связи. Скорее всего, его кто-то ждал на другом телефоне.

Отключив аппарат, Яков сказал капитану: – Большое спасибо! – и достаточно твёрдо отказался от предложенной старым хозяином «рюмочки чая». Лейтенант вышел из тесной земляники и отправился на свою батарею. Он не обращал никакого внимания на тех стройных девчат, что попадались ему на пути.

Лейтенант обошёл все четыре орудия и убедился, что служба идёт точно так, как ей положено армейским уставом. Стреляные гильзы убрали в сторонку, чтобы они не мешались у бойцов под ногами.

Ящики с боеприпасами предусмотрительно вскрыли и расположили поближе к зениткам. Сами снаряды уже подготовили к началу стрельбы. Наблюдатели вовсе не спали, как другие бойцы. Они стояли в окопах и смотрели в синее небо через большие бинокли. Вдруг там покажутся самолёты фашистов?

Яков вернулся в своё небольшое жилище и, по привычке, взглянул на свой новый хронометр. Парень увидел, ещё нет пяти. Он тут же решил, что после взрыва какой-нибудь

бомбы, стрелки застыли навечно. Зенитчик поднёс дорогие «котлы» к правому уху и с удивлением услышал мерное тиканье.

– «Столько всего нами сделано после первой атаки, а на циферблате семнадцать часов, без каких-то минут». – размышлял лейтенант: – «Если и дальше, время так будет тянуться, то сутки на батарее покажутся долгими». – что случится с ним дальше, по прошествии столь короткого срока, он не хотел даже думать: – «Будет, что будет!» – сказал себе парень и тут же занялся другими делами.

Открыв старый термос общевойсковой защитной окраски, Яков взял мятую солдатскую кружку и торопливо напился тёплой невкусной воды. Не выходя за порог тесной землянки, он ополоснул пылающее жаром лицо. Немного расслабился и внезапно почувствовал, что ему нездоровится. После контузии, голова сильно болела и немного кружилась.

Лейтенант осторожно приблизился к узкой лежанке. Упираясь в доски руками, он опустился на жёсткое ложе. Повернувшись на спину, устроился, как можно удобнее и плотно закрыл измученные солнцем глаза.

Под тёмными веками парня вспыхнуло множество радужных точек и разноцветных колец. С каждой секундой, они становились всё ярче, злее, крупнее. Их мерцающий блеск быстро заполнил всё пространство гудящего черепа. Зенитчик подумал о том, что сейчас его взорвёт изнутри.

Когда стало казаться, что мозг больше не вынесет напо-

ра фотонов, свет стал понемногу бледнеть. Он слабел до тех пор, пока совсем не погас. Потом, всё повторилось, в обратном порядке. На счастье парня, он уже крепко спал и не видел феерию фантастических образов, терзающих его контуженый мозг.

Вторая атака

Минут через тридцать, раздался крик наблюдателей: – Внимание, воздух!

Очнувшись от забытья, лейтенант вскочил на дрожащие от слабости ноги. Забыв о сильной контузии, он бросился к выходу. Очутившись на пороге землянки, Яков остановился, вернулся назад и схватил тяжёлую каску, что звалась «халхинголка». Хоть она весьма устарела, но железо от этого хуже не стало. Оно хорошо защитит черепушку от мелких осколков.

Офицер нахлобучил увесистый шлем поверх пыльной пилотки. Выскочил из двери наружу и, затягивая на ходу ремешок, быстро взбежал по склону оврага. Парень поднял глаза к синему небу и увидел ту же картину, что была в вышине после полудня.

Так же, как утром, к тракторному заводу двигались три эшелона фашистских стервятников. Только теперь, в каждом из них находилось до пятнадцати больших самолётов. Следом за воздушной армадой виднелся такой же внушительный строй фашистских машин.

– Очень похоже, что удар придётся не только по нам, как по бедным сиротам, но и по нашим товарищам справа и слева. – пробормотал испуганный Яков. Словно услышав эти

слова, самолёты не спеша перестроились и встали в длинную линию. Сейчас они шли сразу на три батареи.

Заместителя у лейтенанта теперь уже не было. Вся тяжесть командования упала на крепкие плечи одного лейтенанта. Резвой рысцей офицер оббежал все четыре орудия. Он отдал нужные распоряжения и крикнул: – Огонь!

Соседи-артиллеристы тоже не сидели без дела. Они сразу включились в работу. Все посылали снаряды в фашистов с такой частотой, как только могли. То есть, до двадцати выстрелов в течении минуты.

В этот раз, двухмоторные «Junkers 88» шли на максимально большой высоте. Они держались, не менее чем, в девяти верстах от земли. Это позволило фрицам весьма увеличить дальность полёта сброшенных бомб. Поэтому, не только снаряды зенитчиков могли оказаться вблизи самолётов, но и сами орудия уже находились в зоне их поражения.

Боясь угодить под прицельный огонь, пилоты плевали на точность. Они не стали снижаться к земле, чтобы поправить прицел. Открыли люки на том горизонте, где в тот момент находились и сбросили фугасы на цель.

Заострённые стальные цилиндры освободились от крепких захватов и вереницей посыпались вниз. Большая часть тяжёлых снарядов обрушилась на пустую нейтральную полосу. Зато все остальные, достигли расположения зениток.

Чувствительные запалы сработали от удара о плотную землю. Полутонные «чушки» взорвались с ужасающим шу-

мом. Оглушительный гром перекрыл частый грохот орудий. Позиции всех батарей превратились в центр смертоносного шторма.

Ударные волны металась по ровной площадке и направлялись в разные стороны. Они, налетали на боевые орудия и, как огромные молоты, били во всё, что встречалось у них на пути. Пятитонные пушки качались на резиновых скатах, словно лёгкие шлюпки в приличной волне.

Спрессованный воздух сносил брустверы мелких окопов. Сминал людские тела и швырял их на многие метры вперёд. Острые обломки металла, с ужасающим визгом мелькали во-круг, и сокрушали всё то, во что попадали в полёте.

Продолжая командовать, Яков бросил взгляд в левую сторону. В этот момент, расчёт первой зенитки попал под удар горячих осколков. Правый наводчик, подносчик снарядов, а вместе с ним заряжающий, облились потоками крови.

Солдаты рухнули наземь и сильно забились в жестокой предсмертной агонии. Пушка вскинула ствол к облакам. Перестала стрелять и замерла, словно перст, указующий в небо.

Левый наводчик выпрямился на жёстком сидении. Растерянно огляделся вокруг, но не нашёл никого, на замену убитым бойцам. Рядом стоял лишь наблюдатель, зажавший ладонью открытую рану в груди. Он не мог ни крутить маховик, ни подносить большие снаряды. Единственное, что ему удалось бы сейчас, только дёргать за спусковой механизм.

Яков прижал рукой тяжёлую каску, сползавшую на нос, выпрыгнул из небольшого окопа и по открытой поверхности степи бросился к умолкнувшей пушке. По дороге парень увидел вторую зенитку. Возле неё суеилось целых пять человек.

Лейтенант остановил пехотинца, несущего «чушку» к дымящемуся жерлу казённика. Приказал отдать тяжёлую ношу своему заряжающему, и бежать вслед за ним. Вместе с солдатом они долетели до первой позиции. Яков занял место, стоящее справа, а солдата послал к штабелю ящиков за новым снарядом.

Едва парень устроился на жёстком сидении, как за спиной звонко лягнул затвор, принявший боеприпас. Парень облегчённо вздохнул, прильнул к прицелу и вместе с левым наводчиком стал направлять ствол орудия на чужой самолёт.

Всё это время, сверху валились немецкие бомбы. Беспрерывно гремели мощные взрывы. Над ухом свистели осколки. Воздух наполнили страшная копоть и пыль, поднятая с безводной степи.

Не видя того, что твориться вокруг, Яков поймал «пикировщика» в перекрестье прицела. Наравил его за самолётом фашистов и крикнул: – Огонь! – за плечом прозвучал оглушительный выстрел, уже ставший привычным.

Над землёй вспухло облако газов от взрыва. Фюзеляж вражеской машины потерял большую часть правой плоскости.

Утратив половину крыла, самолёт задымил уцелевшим мотором и завертелся огромной юлой.

Он клюнул носом, вошёл в «плоский штопор» и с громким воем врезался в почву. Хорошо, что упал в стороне от позиции. Иначе накрыл бы собою одну из зениток.

Поворачивая пушку к другому фашисту, парень взглянул на соседей, расположенных слева. В этот момент, тяжёлая бомба попала в орудие второй батареи.

К небу взлетел султан дыма и пыли. В нём кувыркались части казённика и горящие шины подвижной платформы. Рядом мелькнули людские тела, разорванные в мелкие клочья. От них остались лишь отдельные части: головы, руки, ноги и торсы.

Скорбеть о товарищах, у Якова времени не было. Сражение продолжалось с такой же жестокостью, с какою оно начиналось минут десять назад. А может быть, стало намного страшней.

Пилоты фашистов швыряли бомбы в советские пушки, защищавшие заводские цеха. Зенитчики дружно вели ураганный огонь и сбивали немецких стервятников одного за другим.

И те и другие несли чрезвычайно большие потери. Скажи кто-то о них, два года назад, никто из людей, ни за что не поверил, что такое возможно. Однако, теперь все настолько озлобились, что никто не хотел никому уступать.

Вот только, у них были разные цели. Фашисты рвались

на восток ради мирового господства. Наши бойцы защищали Отчизну. Они всеми силами бились с врагом, что желал загнать в вечное рабство, не только всех россиян, но и тех, кто находился поблизости.

А скорее всего и совсем уничтожить их в газовых камерах. После чего, пустить кожу мёртвых людей на абажуры для ламп, кости смолоть в муку для скота, а из мяса и жира сделать брикетки дешёвого мыла.

Спустя двадцать минут, волна самолётов израсходовала боезапас. Эскадрильи повернули назад и устремились прямо на запад. Благодаря советским зенитчикам, кое-что изменилось. Фашисты мчались домой не таким чётким строем, как летели на город имени Сталина.

Каждый «бомбёр» двигался сам по себе, не соблюдая хвалёного немецкого строя. Количество военных машин сократилось на треть. Остальные сильно дымили моторами. Они едва шевелили рулями, пробитыми крупной картечью во многих местах.

Опасаясь свалиться в пике, пилоты люфтваффе мечтали о большой передышке в уютных казармах. Все очень надеялись, что теперь-то они, наконец, в безопасности. Мол, пушки уже далеко, а советские «красные соколы» безвозвратно разбиты асами Германа Геринга.

А вот защитникам города не удалось отдохнуть даже пару минут. Вторая волна самолётов сменила ушедших. Бушу-

ющий огненный ад снова открыл на земле очередной филиал. На позиции всех батарей обрушилась другая атака. Волжская степь потонула в несмолкаемом грохоте.

Не замедляя взятого темпа, Яков крутил ручки маховиков и поворачивал пушку в плоскости, лежащей вдоль горизонта. Он целился в самолёты с помощью второго наводчика.

Подносчик снарядов таскал тяжёлые «чушки». Он, как челнок, бегал туда и сюда и заряжал тяжёлую пушку опять и опять. Раненый в грудь наблюдатель стрелял. Привычные для всех операции повторялись снова и снова.

Уши у всех заложило от частых разрывов. Лейтенант почти что, оглох от невыносимого шума. Несколько раз, осколки железа свистели возле него. Кусочки металла порвали сапоги и одежду. Они разрезали кожу на руках и ногах и сильно били по каске. Если б не крепкая сталь «халхинголки», то парень давно был бы мёртв.

В разгар смертельного боя, послышался голос одного наблюдателя. Перекрывая ужасающий грохот, он громко крикнул: – Немецкие танки! – и всё вокруг стало значительно хуже, чем было до этого.

Яков глянул на северо-запад. От далёких развалин катились две «тридцатьчетвёрки». Лейтенант чуть не выкрикнул: – Наши! – но вовремя понял, жуткую вещь. Вместо красной звезды, на броне находились большие кресты.

Сзади тянулись пять или шесть фашистских «Т-3» с ко-

роткими, двухдюймовыми пушками. За ними мелькали стальные «коробки», несущие значительно меньший калибр, от двадцати до тридцати семи миллиметров.

Лейтенант повертел головой. Яков с радостью понял, что все пушки его батареи целы, а расчёты на месте. Правда, возле орудий крутилось всего по три-четыре бойца, а не по семь человек, как положено по регламенту РККА. Зато, они продолжали стрелять в небеса, и ещё отбивались от самолётов фашистов.

Парень отметил, что грунтовая дорога, по которой движутся танки, тянется наискосок. Она проходит по пустырю между руинами жилого посёлка, и упирается в широкий прогал. В тот самый разрыв, что лежал между его, и соседней, второй батареей.

То есть, бронемашины слегка подставляли свой бок под выстрел первого и второго орудия. На расстоянии в один километр, зенитки пробьют лобовую броню толщиной даже в сто миллиметров.

Встав на площадку, на которой сидел, измученный Яков напрягся и, перекрыв шум смертельного боя, крикнул во всю мощь своих лёгких: – Первое и второе орудие! Бронебойным по танкам! Третье с четвёртым, стрелять по воздушным стервятникам!

Несмотря на шум громких выстрелов и грохот разрывов от бомб, парня услышали на находящейся справа позиции. Они тотчас исполнили приказ командира.

Соседняя пушка и та, где был лейтенант, опустили стволы в горизонтальную плоскость. Две остальные продолжили бить в самолёты противника. С неба по-прежнему слышался вой «пикировщиков», падали бомбы и сухо трещали пулемёты фашистов.

Не отвлекаясь на то, что творится вверху, Яков стал поворачивать жерло орудия в сторону дальних развалин домов. Парень видел в прицел ближайшую «тридцатьчетвёрку». Он подумал о том, что приходится бить по танку завода, который сейчас защищает. Отдал команду: – Огонь! – и с радостью убедился, что не промазал.

Бронебойный заряд попал в переднюю часть плоской башни и окутал её густым облаком дыма. Машина затормозила. Прокатилась ещё пару метров, а затем замерла неподвижно.

К сожалению парня, большая болванка попала в скошенную лобовую плиту и воткнулась в неё под острым углом. Она не смогла одолеть прекрасную советскую сталь.

К счастью зенитчиков, удар оказался настолько силён, что поворотные механизмы заклинило. 76-миллиметровая пушка грозной машины потеряла былую подвижность.

Однако, фашисты не вышли из боя. Подрабатывая то одной гусеницей, то другой, танк повернулся немного направо. Жерло орудия фрицев нацелилось на окоп той зенитки, где командовал Яков.

Внутренний ствол замер на месте и выбросил в воздух сноп раскалённого пламени. Тяжёлая «чушка» врезалась в

землю в метре от низкого бруствера, защищавшего пушку.

Раздался душераздирающий грохот. К небу взметнулся вал серой иссохшей земли. Вокруг лейтенанта засвистели осколки. Пыльная туча накрыла весь расчёт с головой.

Задержавшись на долю секунды, зенитка пальнула в ответ. Массивный снаряд попал в то самое место, где плавно сошлись бронекорпус и удивительно прочная лобовая маска машины.

Струя раскалённого газа стремительно рванулась вперёд. Она пробила 45-ти миллиметровую сталь. Двинулась дальше и сожгла внутри всё, что попало у неё на пути.

От огромной температуры, сработал неизрасходованный фрицами боезапас. Невероятной мощности взрыв сорвал надстройку с моторной части машины. Поднял тяжёлую башню на несколько метров и швырнул далеко на развалины.

Закончив с артиллерийской дуэлью, Яков взглянул на другую «тридцатьчетвёрку». Лейтенант тут же вспомнил, что краем уха услышал, как вторая зенитка дважды пальнула.

Её мощный заряд врезался в танк чуточку ниже. Он снёс передний каток и разорвал широкую гусеницу. Боевая машина утратила движитель с одной стороны и, волчком, закружилась на месте. Она остановилась, но так неудачно для фрицев, что подставила пушке весь правый бок.

Новая «чушка» пробила сталь бронекорпуса. Она влетела в широкий моторный отсек. Тотчас взорвалась и разворотила внушительный дизель. Осколки пробили все баки с горю-

чим. Солярка плеснулась на раскалённую сталь и вспыхнула огромным костром.

Два люка на башне немедля открылись. Уцелевшие фрицы, выскочили из горячей машины и ожившими факелами заметались по пыльному полю. Они слепо потыкались в разные стороны. Бессильно упали на землю и уже больше не двигались.

У Якова не имелось ни охоты, ни времени, чтобы жалеть ненавистных врагов. Он перевёл прицел на ближайший «Т-3». Грянул выстрел орудия. В угловатой фашистской «коробке» появилась дыра размером с кулак.

Внутри что-то тихонечко грохнуло. Из всех щелей стал валить густой чёрный дым. Однако, наружу никто не полез. Скорее всего, все захватчики мгновенно погибли.

– «Туда им и дорога». – равнодушно подумал зенитчик.

С другими немецкими танками произошло нечто подобное. Яков действовал так же уверенно, как на полигоне «БУ-Зы». Он не обращал никакого внимания на то, что фашисты палили в него из десятка стволов.

Ничего с этим было сделать нельзя. Оставалось только надеяться на благосклонность судьбы. Парень вспомнил о том, как говорила его старая бабушка, жившая в молоканском селе: – «Всё в руке божей!» – иногда повторяла она. Лейтенант отогнал посторонние мысли и сосредоточился лишь на точной стрельбе.

Несмотря на большие потери, фрицы всё так же рвались вперёд. Ехавшие в колонне, «коробки» не повернули назад. С невероятным упорством, они мчались к советским позициям.

На счастье зенитчиков, эти машины оказались устаревшей конструкции. Их покрывала броня, что могла бы сдерживать только огонь пулемётов. Их небольшие снаряды были значительно легче, чем у могучих орудий.

К сожалению Якова, это вовсе не значило, что они безопасны. Ведь советские артиллеристы находились на совершенно открытой платформе. Их не защищал даже совсем небольшой металлический щит.

Осколки и взрывная волна могли очень легко убить человека. Попади кусочки железа в механизмы орудия, и оно тотчас выйдет из строя. К счастью, пока всё обходилось небольшими ранениями. Две мощные пушки жгли «коробки» захватчиков одну за другой.

Когда передовые машины сгорели, от батареи до фрицев осталось меньше чем полкилометра. Из всех нападающих танков уцелело лишь четыре «Т-2». За ними тянулось то барахло, что пришло к Сталинграду напрямик из Европы. А точнее сказать, из Италии, Испании, Франции, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Хорватии, Болгарии, Польши, Финляндии и других верных стран-сателлитов бесноватого Гитлера.

Все они, несли на себе пулемёты и малокалиберные авиа-

ционные пушки. Поэтому, не пёрли вперёд напролом, как советские «тридцатьчетвёрки» и модернизированные «Т-3» из Германии.

Они укрывались за подбитыми танками. Выкатывались на прямую наводку, всего лишь на пару секунд. Строчили из пулемётов «MG-34», посылали несколько мелких снарядов и тотчас устремлялись назад.

Клубы чёрного дыма и горящая немецкая техника закрывала от артиллеристов большую часть обширного поля. Попасть в маневрирующие стальные «коробки» было удивительно сложно. Это позволяло фашистам почти безнаказанно стрелять по зенитчикам.

Стараясь понять, из-за какого укрытия появится очередной лёгкий «panzer», Яков переводил прицел с одного подбитого танка на следующий. Он слышал свист пуль и осколков, пролетающих мимо, и с содроганием думал:

– «Так они, перебьют всех до единого. У нас даже нет охранения из пехотинцев. Так что, скоро фашисты подъедут вплотную и без труда захватят позицию».

Ощувив новый удар по железной станине, Яков испуганно вздрогнул, и повертел головой. Взрывы бомб и снарядов обрушили стенки земляного окопа орудия. Ударные волны снесли невысокие брустверы, взрыхлили солончаковую почву и засыпали всё почти углубление.

Зенитка увязла в белесом крошewe до самого верха плат-

формы и стояла сейчас в мелкой впадине с пологими склонами. Не защищали её даже простые отвалы земли. Кусочки свинца и металла залетали сюда, не встречая препятствий.

Парень продолжил стрельбу и горько думал о том, почему же конструкторы советских зениток не поставили щит из брони, как это сделали на обычных орудиях? Он хоть бы немного закрыл весь расчёт от проклятых фашистов. У них было бы, больше шансов на то, чтобы выжить в этом бою.

– «Наверное, начальство решило, что подобные пушки будут всегда находиться в тылу и защищать города лишь от чужих самолётов. К сожалению, война дошла до самого Сталинграда. Вот и мы оказались на фронте».

Из-за горящего, фашистского танка «Т-3» вынырнул угловатый уродец. Он был раскрашен в камуфляж жёлто-серых пустынных цветов. Видно, приехал сюда напрямик из африканской пустыни. Оттуда, где воевал за дурные идеи «великого итальянского Дуче».

Маленький «panzer» дал очередь из пулемёта и сделал несколько выстрелов из маленькой пушечки калибром в двадцать три миллиметра. Двигаясь задом, бронемашина рванулась в укрытие. В этот же миг, она оказалась в перекрестье прицела зенитки. Яков крикнул: – Огонь!

Тяжёлая «чушка» попала в защитную маску небольшого орудия. Сорванная мощным ударом, башня слетела с моторного блока и, подсакивая, как пустая жестянка, покатилась на запад. Туда откуда, они все пришли. Яков проводил её

взглядом и с ужасом понял, что только танками дело не кончилось.

Из дальних развалин показалась колонна колёсных и гусеничных броневиков. На крыше каждого из «ханомагов» стоял пулемёт «MG 34» и маячил расчёт из двух немецких стрелков.

Немного отстав, тянулись грузовики со снятыми тентами. От привычных «полуторок», они отличались лишь трёхместной кабиной. В каждом из кузовов, сидело по два отделения фрицев.

– А вот и подмога к ним подоспела! – пробормотал офицер. Он крикнул наводчику второго орудия: – Осколочными по пехоте! – и перевёл визир на головной «ханомаг». Яков быстро прицелился и дал команду: – Огонь!

Парень увидел, что снаряд угодил в лобовую решётку машины. Лист тонкой брони разлетелся, будто стеклянный. Мощная взрывная волна ринулась дальше и смачно врезалась в работавший карбюраторный двигатель.

Блок из цилиндров сорвался с крепёжных болтов и, словно огромный валун устремился назад. Он смял водителя и командира, сидевших рядом в кабине. Влетел в пехотный отсек и смолол в кровавую кашу десять фашистов.

Залп обоих орудий уничтожил два транспортёра, а следующий за ним, добавил к погибшим машинам ещё одну пару броневиков. После чего, дошла очередность до грузовиков.

Первый из них разлетелся в мелкие клочья. Все остальные затормозили. Фрицы начали прыгать через борта. Они валились на землю, и драпали в разные стороны, как серо-зелёные блохи.

Оставленные без вниманья зенитчиков, лёгкие танки выскочили из-за подбитых «средних» камрадов. Они открыли пальбу из малокалиберных пушек и пулемётов. Рванулись вперёд и, с удивительной скоростью, помчались вперёд.

Батарее зенитчиков весьма повезло. Рельеф данной местности помог ей уцелеть на открытой позиции. Оказавшись на свободном пространстве, фашисты лишились защиты развалин. Тех, что закрывали бронемшины от соседних орудий, расположенных справа и слева.

Командиры других батарей заметили атаку врага, и отдали новый приказ. Половина их пушек перестала стрелять по «лаптёжникам». Перевела стволы в горизонтальную плоскость и открыла пальбу по наземным захватчикам.

Стальные «коробки» попали под плотный перекрёстный огонь. Через пару минут, все до одной запылали огромными дымными кучами. Между ними металась фигурки фашистов, охваченные безжалостным пламенем.

Последний танк замер на месте в ста метрах от Якова. Парень со страхом подумал: – «Хорошо, что вся волжская степь перерыта большими воронками. Машины бросало из стороны в сторону. Стрелки не могли навести пулемёты и пушки,

как следует. Иначе, перебили бы нас, словно в тире!»

Лейтенант не стал отвлекаться на невесёлые выводы. Парень прильнул к прицелу орудия и стал наводить его на автомобили фашистов. Освободившись от пехотинцев, грузовики тотчас разворачивались и пытались, как можно скорее, удрать с поля боя.

Зенитчики не давали им этого сделать. «Мерседесы», «Бенцы», «Феномены», «Стайры» и американские «Опели» с «Фордами» взрывались от каждого попадания снаряда и превращались в кучи раскалённого хлама.

Водители не успевали покинуть большие кабины. Они сгорали, как свечи вместе с хвалёными «траками». Кто-то из шоферов, катался в пыли и пытался сбить пламя, охватившее тело.

Покончив с последним автомобилем, Яков облёгчённо вздохнул. Пристальным взглядом парень окинул поле ужасающей бойни. Оно дымилось воронками и раскалёнными остовами разнообразных машин.

Никаких шевелений лейтенант не заметил. Он хотел поднять голову и посмотреть, не нужно ли подключиться к товарищам, отражавшим атаку стервятников? Именно в этот момент, он почему-то замер на месте

Яков сидел неподвижно и не мог толком понять, почему не отдал приказ второму наводчику: – Поднять ствол орудия к небу?

Ведь там, наверху по-прежнему шёл яростный бой. Вой пикирующих на красноармейцев, «лаптёжников» резал уши и душу, словно острой пилой. Гремели зенитки, взрывались мощные бомбы. Очереди из пулемётов продолжали стегать по земле во всех направлениях. Осколки и пули отвратительно цокали по металлу оружейной платформы.

Повернув пушку на северо-запад, Яков вновь прильнул к окуляру. Он напряжённо взгляделся в развалины, до которых, как ему показалось, было не более трёх сотен метров.

Парень заметил фашистских солдат, мелькающих среди кучек камней. Они перебежали с места на место. Низко пригнувшись, выскакивали на открытую местность и тут же прятались в глубоких воронках от бомб.

Лейтенант посмотрел на юго-запад, увидел там туже картину и понял с ужасающей ясностью: – «Пока мы отбивались от самолётов и танков, пехота подкралась на расстояние точного выстрела. Сейчас они все рванутся в атаку».

– Второе орудие! – крикнул Яков соседям: – Осколочными гранатами по развалинам справа! Огонь! – сам же, он быстро прицелился и начал стрельбу по руинам, расположенным слева.

Установленный на небольшую дистанцию, взрыватель сработал в трёх сотнях метрах от жерла ствола. Туча свинцовой шрапнели накрыла не менее, чем два отделения. Справа от парня грохнул ещё один выстрел. Та же ужасная участь постигла фашистов с другой стороны.

К сожалению зенитчика, у двух орудий, палившим по немецкой пехоте, осталось лишь по половине расчёта. То есть, по одному подносчику тяжёлых снарядов, вместо трёх, нужных по штату.

Причём, все имели ранения и были сильно измотаны. А им, между прочим, ещё приходилось выполнять роль заряжающего, и производить каждый выстрел. То бишь, дёргать за спусковой механизм.

На соседних позициях, дела обстояли нисколько не лучше. Плюс ко всему, они были заняты борьбой с самолётами немцев, продолжавшими часто пикировать на боевые позиции.

Пока бойцы бегали за новым снарядом, штурмовая группа фашистов вскинулась на ноги. Крепкие сытые фрицы поднялись в полный рост, дружно крикнули: – «Hurra!» – и с невиданной прытью рванулись вперёд. За ними спешили солдаты, что были поплоче или постарше.

Заметив атаку «камрадов», пилоты «лаптёжников» побоялись попасть по своим пехотинцам. Они перестали пикировать на третью батарею зенитчиков и навалились на соседей, что справа и слева.

Фашисты приблизились на расстояние прицельной стрельбы. Они открыли огонь на ходу из винтовок и нескольких ручных пулемётов. Среди сумасшедшей пальбы, была

также слышна, трескотня двух или трёх автоматов. Скорее всего, стреляли из «шмайсеров» начальники нападавших команд.

Выпущенные из десятков стволов, пули свистели, словно свинцовые осы. Смертоносные кусочки металла били в плотную землю и поднимали фонтанчики пыли. Они громко стучали по платформам орудий и высекали из них пучки длинных искр.

Наконец, за спиной Якова лязгнул затвор, и новый снаряд оказался в стволе. Послышался пушечный выстрел. Время, невероятно замедлилось. Парень увидел, как боевая болванка врезалась в тело фельдфебеля, бежавшего с пулемётом в руках.

Раздался оглушительный грохот. Взрывная волна превратила фашиста в облако красного месива. Руки и ноги отбросило в разные стороны. Голова в стальной каске упала на землю, и словно мяч для футбола, покатилась по ходу движения.

Сотни раскалённых осколков брызнули в разные стороны. Они летели вперёд, били, кромсали, калечили всех, кто находился вокруг. Убитые штурмовики споткнулись на полном бегу и рухнули в пыль, как гнилые колоды. Живые, завывали от ужасающей боли. Хватаясь за страшные раны, они валились на землю, словно трава под косой.

Фрицы лишились половины отряда. Несмотря на большие потери, они не прервали атаку и продолжали бежать к батарее. Стрельба немного ослабла, но пули, по-прежнему, с

визгом буравили воздух. Каждый летящий кусочек металла нёс в себе тяжкую рану, а то и мгновенную смерть.

Оглянувшись назад, Яков увидел, что заряжающий его пушки кинулся за новым снарядом. В ту же секунду, что-то попало в правую голень бойца. Он нелепо взмахнул левой рукой. Потерял равновесие и рухнул ничком.

С ощутимым трудом солдат перевернулся на спину. Отталкиваясь локтями и здоровой ногой от земли, он подполз к штабелю ящиков и упёрся в него мокрой от пота спиной. Стащил с плеча карабин, ловко передёрнул затвор и приготовился к последнему бою в коротенькой жизни.

– «Снарядов больше не будет!» – подумал вдруг Яков: – «Сейчас толпа фрицев окажется рядом. Командир второй батареи увидит, что они уже здесь и прикажет врезать по нам. Чтобы пушки не достались врагам, и они не ударили с фланга в него!»

Не желая безропотно ждать, когда его кто-то убьёт, парень спрыгнул с неудобного кресла наводчика. Отошёл на два шага назад и присел за невысокой станиной орудия. Какая никакая, а всё же защита от пуль стреляющих фрицев.

Выхватив из кобуры пистолет, лейтенант снял оружие с предохранителя и взялся левой рукой за воронённый затвор. Защитная коробка ствола сдвинулась немного назад. С тихим щелчком взвёлся курок.

Плавным движением Яков отпустил тугой механизм. Он

тут же вернулся на прежнее место. Тупорылый заряд вошёл в открытый патронник. Теперь можно было стрелять по врагам.

Парень поднял «ТТ» на уровень глаз. Как можно удобнее, он положил правую кисть на спущенное колесо платформы зенитки. Рядом устроил ладонь левой руки. Свободными пальцами он обхватил свой кулак, с зажатой в него рукоятью оружия. Навёл мушку на ближайшего фрица и очень плавно нажал на спусковую скобу.

Послышался выстрел, удивительно тихий в окружающем шуме смертельного боя. Отметив, что попал в того пехотинца, в которого целился, лейтенант стал посылать в нападающих пулю за пулей.

С другой стороны от орудия расположился первый наводчик орудия. Пожилой усатый боец встал на колено левой ноги. Скинул с плеча винтовку под названием «Mauser» и прикнул к ней внушительный штык армии Гитлера.

Данный предмет весьма отличался от четырёхгранных советских штыков, предназначенных для «трёхлинейки» конструктора Мосина. Это был достаточно длинный, широкий, обоюдоострый кинжал.

Мужчина привычно поднял оружие и отправил патрон в длинный ствол. Опёр цевьё на колесо платформы зенитки и, без всяких эмоций, прицелился в бегущих фашистов.

Фашисты стремительно мчались вперёд. Враги очень ста-

рались, как можно быстрее, проскочить открытое место. Стреляя на полном ходу, они в полный рост бежали к батарее зениток.

О точном огне не могло быть и речи, но пули свистели так близко и часто, что уберечься от них было почти невозможно.

Оказавшись в неглубоком укрытии, Яков вдруг успокоился, и начал действовать так, словно вновь очутился в тире войскового училища. Дымящиеся гильзы «ГТ» вылетали из выводного окна одна за другой. Тяжёлый затвор дёргался после каждого выстрела, возвращался на прежнее место и вгонял новый заряд в опустевший патронник.

Яков всегда отличался завидною точностью на огневом рубеже. Сейчас лейтенант находился в очень удобной позиции. Бил никуда, не спеша и с упора, и каждый выстрел зенитчика срезал одного врага за другим.

Выпустив все восемь зарядов, парень увидел, что кожух затвора не вернулся назад, как положено. Оголив круглый ствол, он остался в том положении, куда его сдвинуло выстрелом.

Левой рукой парень взял из подсумка запасной магазин. Мгновенно сменил им порожний. Большим пальцем правой руки парень спустил рычажок «затворной задержки». Приготовился к ведению огня. Вскинул оружие на уровень глаз и с ужасом понял, что уже опоздал. Пока он возился с перезарядкой, немцы приблизились к краю окопа.

К счастью зенитчиков, магазины у карабинов и пулемётов врагов уже опустели. Фашисты не имели возможности пополнить запасы патронов. Они это хорошо понимали и удивительно дружно рванулись врукопашную схватку.

Убив высокого немца, бегущего к пушке, Яков сдвинулся в сторону, пропустил мимо мёртвое тело, которое продолжало бежать, и заметил приклад, летящий в лицо. Парень резко отпрянул назад. Грохнулся на спину и выстрелил в противника снизу.

Тяжёлая пуля пробила лобную кость и влетела в череп фашиста. Мозг нападавшего фрица превратился в серое, жидкое месиво. Из носа и рта мертвеца хлынула алая жидкость. Подчиняясь инерции, покойник устремился вперёд, и рухнул на лежащего Якова.

Стараясь уйти из-под тяжёлого трупa, лейтенант дёрнулся в сторону. Опёрся о землю и ощутил под ладонью черенок от сапёрной лопатки. Парень крепко сжал пальцы. Вскинулся на ноги и, стараясь удержать равновесие, взмахнул левой рукой.

Рядом вдруг оказался огромный фашист. Он держал карабин, как дубину, и пытался ударить зенитчика сверху. Парень повёл инструментом в обратную сторону и рубанул узким лезвием по горлу врага.

Остриё перебило артерии с мышцами. Из глубоких разрывов ударила горячая алая кровь. Штурмовик уронил верный

«Mauser» и схватился за рану руками. Он упал на колени, как перед древней иконой, и, содрогаясь в страшной агонии, свалился ничком.

Вокруг, началось настоящее месиво. Вертясь, как юла, Яков уходил от прикладов фашистов. Бил лопаткой вправо и влево, а когда понимал, что уже не успеет ударить, палил во врага из «ТТ».

Краем глаза, он видел, что левый наводчик орудия расстрелял все патроны. Боец поднялся на ноги и, следуя правилам боя штыком, направил винтовку вперёд. Мужчина отбил мощный удар, направленный в грудь. Продолжая движение, он врезал прикладом по морде напавшего фрица. Тот кувыркнулся, и словно лёгкая кегля укатился куда-то в сторону.

Боец выставил ствол перед собой и воткнул острое лезвие в живот другого фашиста. Длинный клинок вспорол всю одежду и потное тело. Стенки брюшины разъехали в стороны. Серо-багровые органы кучей рванулись наружу.

За спиной у Якова грянул раскатистый крик. Это послышалось родное: – Ура!

Откуда-то сзади выскочило с десятков бойцов. Они все в едином порыве помчались на немцев. Те слегка отшатнулись назад. Ряды враждующих армий мгновенно смешались. Образовалась огромная жуткая свалка.

Никто из противников не чувствовал рядом своих. Каж-

дый видел только врага, что стоял перед ним. Он дрался сам за себя и за свою драгоценную жизнь. Крики ярости, злобы и боли, слились в оглушительный, неразборчивый рёв.

Чавканье разрубленных тел, треск перебитых костей, хрипы израненных в драке и уже умирающих воинов, сопровождали картину неистовой битвы. Их дополнял безудержный мат на двух языках.

Каким-то неведомым образом лейтенант оказался во втором эшелоне безудержной схватки. Он перевёл сбившееся от напряжённого дыхания и, как можно скорее, перезарядил пистолет.

Стараясь не угодить в советских солдат, офицер стал палить в проклятых фашистов. Яков всегда был приличным стрелком. Он легко попадал в нужную цель, что была на дистанции в тридцать-сорок шагов. Захватчики падали один за другим.

Выпустив последний патрон из «ТТ», Яков пошарил взглядом вокруг. Парень искал хоть какое оружие, готовое к бою. Всюду лежали неподвижные трупы. Среди них, находились винтовки с пустыми затворами и парочка «шмайсеров» без магазинов.

Противники опустошили обоймы, когда фашисты бежали к зениткам. Перезарядиться уже никто не успел. Столкнувшись с врагом, все стали драться лишь тем, чем попало под руку. В ход шли штыки и приклады, небольшие лопатки и железные каски.

Все сразу же впали в какую-то жуткую, невероятно высокую степень агрессии. Все били руками, ногами и головами, куда попадут. Остервенело душили друг друга. Рвали зубами лица и глотки. Давили руками в глаза неприятеля, пока те не вытекали наружу, как грязная кровавая жидкость.

Смертельные антагонисты ни в чём не уступали друг другу, ни в силе, ни в ловкости, ни в злобе, ни в ярости. Никто не хотел отходить от занятой ими позиции.

Раненные, вместе с убитыми, снопами вались на землю. Однако, живые и там продолжали борьбу. Все бились до тех самых пор, пока его личный враг не переставал шевелиться.

Дерущихся с обеих сторон становилось всё меньше и меньше. Яков подумал о том, что скоро останется он, да какой-нибудь «обер» крупных размеров. Так что, придётся им последним решать, чья же, сегодня возьмёт? Обычно так завершались бои крупных стай, состоящих из диких зверей.

Найдя трёхлинейку с примкнутым штыком, парень поднял винтовку с земли. Взял оружие наперевес, как учили инструкторы по рукопашному бою, и, шатаясь от сильной усталости, двинулся на помощь своим. Он шёл к тем красноармейцам, кто ещё кое-как стоял на ногах.

Тут он увидел такое, от чего похолодело в груди. Оказалось, что на помощь противнику спешит более полусотни солдат. Они не были молоды и так же подвижны, как группа штурмовиков, что напала на батарею зенитчиков. В нача-

ле атаки, немцы старшего возраста сильно отстали от своих резвых «камрадов» и не могли их тогда поддержать.

Пока фрицы бежали до места жестокого боя, они не теряли времени даром и заменили обоймы в оружии. Если бы не общая свалка, в которой невозможно понять, где русские, а где фашисты, то перестреляли бы всех за пару секунд. Сила вдруг оказалась на стороне проклятых захватчиков. Красноармейцы медленно подавались назад.

– «Сейчас, нас окружат и всех перебьют!» – понял вдруг Яков и приготовился к неминуемой смерти.

Секунду спустя, послышался лающий крик на чужом языке: – Panzer! – вопил кто-то из фрицев. Громкий испуганный вопль поняли все, кто находился поблизости. Даже те, кто неистово дрался и, как всем казалось, не замечал ничего, что творилось вокруг.

Удивительно дружно фашисты отступили на шаг. Затем, разом вдруг повернулись и, подхватив легкораненых под руки, побежали к ближайшим развалинам. Все, как один, петляли из стороны в сторону. Низко пригибались к земле. Ныряли в воронки, попавшиеся им на пути, и всеми силами старались удрать, как можно скорее.

Удивлённый поведением противника, Яков глянул назад и едва не заплакал от радости. Ворота главного корпуса, который защищали зенитчики, были распахнуты настежь. Из них выезжали некрашенные «Т-34». Грозно рыча мощными

дизелями, они разворачивались в небольшую цепочку, параллельную линии фронта.

Еле стоящие на дрожащих ногах, усталые красноармейцы повернулись к востоку и посмотрели на сборочный цех большого завода. Все увидели советские танки и закричали: – Ура!

Душевный подъём оказался настолько велик, что все были готовы, немедленно бросится вслед за врагом. Но пока собирали годное к бою оружие, лежавшее среди множества мёртвых солдат. Пока рылись в подсумках покойников в поисках полных обойм или, хотя бы отдельных патронов, все слегка успокоились.

Зенитчики сразу же вспомнили о своих официальных обязанностях и, как можно скорее, вернулись к умолкнувшим пушкам. Нужно было готовиться к новым атакам фашистов.

Тем временем, танки опять перестроились. Они встали в колонну и быстро помчались на юго-запад, в центр Сталинграда.

– Почему они едут мимо нашей позиции? – удивлённо спросил какой-то боец.

– Потому, что недавно сошли с заводского конвейера. – объяснил пожилой невероятно усталый солдат. В нём Яков узнал своего наводчика слева, с которым стрелял по немецкой пехоте и танкам.

Боец был очень грязен и сильно истерзан. Его, словно только что грызла стая диких собак. Или же на мужчину напало племя злобных индейцев, пришедших из книг американских писателей.

Каски нет и в помине. На многих частях тела бойца виднелись глубокие рваные раны. Фаланги пальцев ободраны до самых костей. Большой клочок кожи на черепе срезан, как скальп. Ярко-алая кровь заливала лицо.

– Могли бы и стрелнуть в проклятых фашистов! – возмутился какой-то боец: – Куда они так спешат, словно вшивые в баню?

– Да нет в их машинах сейчас ничего, ни экипажа, ни снарядов с патронами! – мрачно бросил наводчик: – Там лишь одни заводские водители. Вот перегонят машины в ближайший танковый полк. Там их снабдят боевыми припасами с топливом. Посадят командиров с людьми, и только тогда, они отправятся в бой. А пока это обычные тракторы с оружейными башнями.

– Хорошо, что фашисты об этом не знали. – облегчённо вздохнул незнакомый боец: – Не то, грохнули нас, как и всех остальных. – он кивнул на десятки мёртвых солдат, одетых в различную форму. Как в красноармейскую, так и в немецкую.

Погибшие люди вповалку лежали возле первой зенитки. Было трудно понять, где торчит голова, рука или нога одного, а где начинается тело другого покойника.

Вспомнив об отступивших фашистах, Яков рванулся к платформе. Лейтенант осмотрел свою пушку с разных сторон. Покрутил маховички один за другим и с облегчением понял, это орудие не пострадало в бою. Он вопросительно взглянул на наводчика, ранее сидевшего слева. Тот с пониманием кивнул. Мол, всё в полном порядке, ещё постреляем.

Зентчик вернулся к красноармейцам, пришедшим на вырубку небольшому расчёту. Хорошо, что они появились удивительно вовремя. Яков чётко представился: – Командир третьей батареи зенитчиков! – и тут же спросил: – Откуда вы прибыли, и кто ваш начальник?

Вперёд вышел крепкий сержант с краповыми петлицами на гимнастёрке синего цвета и доложил: – Взвод полка МВД. Прибыл из штаба дивизии на двух автомашинах. Наш лейтенант сразу увидел, что здесь начался бой. Он приказал двум отделениям остановиться возле той пушки, что справа. – боец указал в сторону второго орудия и тотчас продолжил:

– Они сиганули из кузова и помчались на помощь зенитчикам. Мы подъехали к вам. Спешились и рванули в атаку. Офицер взбежал на откос вашей балки. Тут же поймал немецкую пулю и теперь лежит там в низине. – боец махнул рукой себе за спину. Туда, где находилась длинная балка.

Посмотрев в эту сторону, парень отметил, что там уже нет двух машин: – «Ушли, сразу после того, как ссадили пехоту». – расстроился Яков: – «Даже «тяжёлых» с собой не за-

брали».

– «Хотя,» – добавил он про себя: – «тут шла такая кровавая бойня, что ещё неизвестно, чем бы всё дело закончилось? То ли, мы всех фрицев побили? То ли, они нас погрызли в куски? Так что, водителям приходилось спасать свою технику. Да и некому было грузить наших раненых. Все дрались врукопашную».

Вслух он ответил сержанту: – Раз вашего лейтенанта убили, то вы поступаете под моё руководство. Этот солдат, является командиром орудия номер один. Всем выполнять команды бойца. Я пройду по позициям и осмотрю батарею.

Парень указал на наводчика, с которым стрелял по фашистам. Мужчина устало сидел возле раненого в ногу товарища и, довольно умело, накладывал ему перевязку на кровоточащую голень.

Яков предупредил пехотинцев, что в развалинах прячутся немецкие снайперы. Он посоветовал всем, ходить только низко пригнувшись, а не маячить во весь полный рост.

Затем, нашёл свою «халхинголку», слетевшую в драке с фашистами. Стряхнул с неё пыль и невольно отметил, что вмятин на каске стало значительно больше. Похоже, что за это короткое время, она спасла его голову несколько раз.

Парень надел старый увесистый шлем. Застегнул ремешок и, чуть склонившись вперёд, двинулся к соседней позиции. Он углубился в траншею, засыпанную до половины зем-

лёт, и прошёл несколько метров. Сзади слышались одиночные выстрелы из трёхлинейек.

– «Добивают тяжелораненых немцев!» – вскинулся Яков. Он хотел поскорее вернуться назад и отчитать своих подчинённых. Секунду спустя, парень вдруг вспомнил кошмар переправы через широкую Волгу. Тогда, вместе с солдатами, гибло большое число малолетних детей, их матерей и больных стариков и старух.

Перед глазами зенитчика всплыли проспекты и улицы. На них находилось великое множество сгоревших дотла жителей города. Яков сказал, словно сплюнул: – Фашисты тоже нас совсем не жалеют! – он сделал пару шагов и со злостью добавил: – Нам своих изувеченных негде лечить, а тут ещё с ними возись. Ни к чему на них тратить лекарства, бинты и еду.

Пройдя тридцать метров, Яков наткнулся на немного побитую зенитную пушку. Чуть покосившись, она стояла среди десятков мёртвых солдат. Картина ужасающей бойни мало чем отличалась от той, что он видел минуту назад. Между лежащими трупами бродили солдаты, одетые в разную форму. Все оказались измученны и сильно оборванны, до последних пределов.

Красноармейцы собирали оружие. Кто-то менял «трёхлинейки» с длинным стволом, на более короткие «маузеры». Кстати сказать, благодаря данной детали, они весили

несколько меньше. Приблизительно на пол килограмма. Всё будет легче таскать на плече.

Некоторые из уцелевших счастливых держали в руках пистолет-пулемёт «МР 40», или же «шмайсеры», как их называли на фронте. Правда, таких было всего два человека.

За длинный солнечный день, воздух и степь раскалились до нестерпимого зноя. Будь здесь поблизости градусник, он наверняка показал бы температуру «за тридцать», а то и «под сорок».

Поэтому, вторым самым важным трофеем, были фляги фашистов. Их тут же срывали с поясов мёртвых немцев. Снимали бакелитовые колпачки, сделанные в виде стаканчиков и закрывавшие пробки с винтом. Бойцы открывали баклажки и жадно глотали, что находилось внутри.

Бойцы не обращая внимания даже на то, что же сейчас попадало им в рот: простая вода, эрзац кофе или отвратительный шнапс? Лишь бы было чем утолить невыносимую жажду, возникшую после побоища. Покончив с питьём, бойцы лезли в под сумки, рюкзаки и карманы убитых.

Парень хотел приказать: – Прекратить мародёрство! – потом протяжно вздохнул и грустно подумал: – «Пусть себе роются. Всё равно, никто из них не протянет и суток, а так, глядишь, найдут какие-то документы фашистов. Вдруг попадётся, что-то действительно важное?»

Один из бойцов заметил подошедшего к ним лейтенанта. Окинул его цепким взглядом с головы и до ног. Протянул

Якову шикарный хронометр, только что снятый с убитого «обера», и спокойно сказал: – Возьмите вместо своих.

Офицер поднял левую кисть на уровень середины груди и взглянул на запястье. Из наручных часов задорно торчал маленький острый осколок. Отметив, что новенькие, дорогие «котлы» безнадежно испорчены, парень решил, что вряд ли удастся их здесь починить. Он снял погибший подарок отца и швырнул его в сторону.

Застегнул на руке ремешок, ещё сохранивший тепло мёртвого немца. Перевёл взгляд на стрелки и с удивлением понял невероятную вещь. Выяснилось, что с начала смертельного боя прошло девяносто восемь минут: – «А мне показалось, что весь этот ужас длился часов шесть или семь». – сказал Яков себе потрясённо.

Лейтенант одёрнул свою гимнастёрку и представился тем МВДешникам, что остались в живых. Все тотчас отвлеклись от своих интересных занятий. Встали по стойке смирно и напряжённо застыли.

В напряжённых глазах читался знакомый вопрос: – Что сейчас сделает молодой офицер, который только что, взял чужие часы? Станет орать и грозить трибуналом? Или поймёт, что и сам замазан по уши и сделает вид, что ничего не случилось?

Парень не стал никому «давить на мораль». Пошёл по второму пути и спросил совсем о другом: – Кто уцелел из об-

слуги орудия?

Ему указали на худого бойца. Он сидел на земле, привалившись к стенке окопа. Левая нога у солдата была перебинтована выше колена. Глаза устало закрыты. Лицо побледнело от кровопотери.

Это был правый наводчик по имени Павел. Его Яков отметил ещё в прошлый раз, часа четыре назад. А запомнил его потому, что солдат был очень внимателен. Он спрашивал про материальную часть зенитных орудий больше чем все остальные.

Рядом лежал подносчик снарядов с перевязанной бинтом головой. Услышав вопрос, они попытались подняться. Лейтенант остановил их движением руки. Обернулся к пехоте, искавшей, чем можно ещё поживиться, и задал новый вопрос: – Кто-то нашёл у фашистов еду, шоколад или сахар?

К этому времени, лейтенанта, покрытого пылью и гарью, уже все признали начальником. Ведь он ни кого не кричал и, первым делом, спросил о своих подчинённых.

Несколько мозолистых рук протянулось к зенитчику. В раскрытых грязных ладонях виднелись надкушенные куски колбасы, разорванные обёртки конфет и белоснежные куски рафинада.

– Накормить командира орудия и его заместителя! – Яков кивком указал на двух пушкарей: – Дать им чего-нибудь сладкого, стопочку шнапса и всем выполнять их приказы. Пойду обратно, проверю! – перед уходом он строго доба-

вил: – Документы погибших, а так же, все бумаги фашистов, быстро собрать и сдать лично мне. Возьму по дороге назад.

На двух прочих позициях дела обстояли чуточку лучше. Они не подверглись атаке немецкой пехоты. Возле орудий не лежало большого количества трупов. Правда, и здесь не обошлось без погибших.

Из четырнадцати человек, бывших возле третьей и четвёртой зенитки, один был убит наповал, а трое бойцов получили различные раны. Ефрейтор, с которым Яков прибыл сюда, оказался в очень плохом состоянии. Скорее всего, он не сможет дожить до заката.

– «Если к этим потерям прибавить ещё восемь убитых со второй и первой позиции,» – размышлял командир батареи: – «то остаётся шестнадцать бойцов. Причём, четверо из них изувечены. Будем надеяться, что среди остальных найдётся восемь наводчиков».

– «Ладно!» – успокоил сам себя офицер: – «На данный час получается, по три пушкаря на орудие. Вместо подносчиков будут бойцы, из пришедшего к нам подкрепления. Я насчитал двадцать два пехотинца. К сожалению, лишь пятнадцать из них остались здоровыми.

С учётом всех раненых, что могут быть наблюдателем, на каждую нашу зенитку придётся по шесть-семь солдат. Так что, пока ещё можно держаться какое-то время. По крайней мере, до первого серьёзного боя».

Распределив наводчиков и пехотинцев по неполным расчётам, Яков велел навести должный порядок возле орудий. Пока зенитчики возились с обустройством окопов и подноско́й снарядов, невредимые пока МВДешники занялись погребением товарищей.

Они собрали все документы и небольшие бумажки, лежавшие в пластмассовых капсулах «смертных медальонов» убитых. Переписали на общий листок адреса, имена и фамилии погибших солдат.

Затем, отнесли всех покойников на скромное кладбище и похоронили в большущей воронке, появившейся возле могил. После чего, очередность дошла и до мёртвых фашистов.

– Товарищ лейтенант, а почему у них такие странные зенки? – обратился вдруг к Якову хмурый солдат.

Парень приблизился к любознательному красноармейцу и нагнулся над фрицем, лежавшим навзничь. Стараясь не замечать физиономию трупа, он посмотрел в распахнутые настежь глаза.

Они неподвижно уставились в белёсое небо. Зрачки у покойника оказались очень большими. Тонкая радужка, обрамлявшая их, выглядела синенькой ниточкой. Она едва различалась вокруг бездонных чёрных провалов.

Как всякий уроженец Баку, Яков доподлинно знал, как действовали на людей анаша, гашиш или опий. Он видел и таких наркоманов, что одною ногою стояли в могиле. Поэто-

му тотчас спросил: – Нашли у фашистов какие-то ампулы или, например, сигареты с отвратительным запахом?

– Нет, только это. – ответил солдат. Он протянул лейтенанту початую пачку таблеток. На ней виднелась латинская надпись: – «Pervertin». Боец немного помялся и тихо добавил: – Причём, они отыскиались у всех до единого.

Яков немедленно вспомнил о том, что слышал в зенитном училище. Преподаватели говорили тогда, что это лекарство давно применяется фрицами, и всегда выдаётся воюющим армейским частям. В первую очередь, им снабжали танкистов и лётчиков. Мол, даже верхушка руководства Германии давно принимала такой препарат.

Он придавал потребителю снадобья уйму энергии и огромной уверенности в собственных силах. Повышал работоспособность с выносливостью, притуплял чувство усталости, сокращал время, что нужно для сна, и, к тому же, лишал людей аппетита. Им требовалось значительно меньше еды.

Но кроме положительных качеств, имелось великое множество побочных эффектов. «Pervertin» вызывал быстрое привыкание к нему. Без него, человек себя ощущал, как с большого похмелья. Мало того, препарат весьма расширял зрачки у людей. Те не так хорошо реагировали на перемену яркости света.

– «Выходит,» – задумался Яков: – «фашисты снабжали солдат этим наркотиком, а не давали им «сто граммов вод-

ки перед атакой», как делали в советских войсках. Значит, благодаря той химической гадости, штурмовики дрались с небывалой жестокостью!

Теперь мне понятно, почему они никого не жалеют и удивительно зверствуют на тех территориях, что оказались под ними. Мы же для них вовсе не люди, а просто двуногий бессмысленный скот!»

Лейтенант объяснил подчинённым бойцам, что эти таблетки очень вредны для здоровья. Он приказал закопать их все до одной и дальше держаться от них в стороне.

Пока солдаты выполняли команду, Яков уселся на ближайший ящик с гранатами. Парень опёрся локтями в колени и низко повесил гудящую голову. Устало закрыл воспалённые гарью глаза и попытался немного расслабиться.

Чуть посидев в этой позе, Яков собрал всех здоровых солдат и коротко объяснил, что должен делать каждый боец, находящийся возле зениток. Где взять снаряды, как их подготовить к стрельбе и как их вставить в затвор.

Как произвести выстрел из пушки? Как лучше всего, наводить ствол в вертикальной и горизонтальной плоскости. Объявил, что если погибнет пушкарь, они должны его заменить. Убедившись, что люди прониклись коротенькой речью, Яков отправил их всех по местам.

После чего, взял документы погибших товарищей и собранные у немцев бумаги. Сунул всё в полевую сумку, висевшую сбоку, и отправился к прожектористам. Нужно было

связаться со штабом дивизии и доложить им о состоянии дел на позиции.

Краткая передышка

Яков шёл по хорошо знакомой, еле заметной тропинке. После повторной атаки фашистов, путь лейтенанту показался вдвое длиннее. Оно и понятно, ведь чувствовал себя он очень неважно, если выразиться помягче.

Голова болела так сильно, будто её кто-то стянул пылающим обручем. Тело трясло и ломило, от недавно завершившейся драки. Ноги утратили привычную лёгкость.

Парень шагал с ощутимым трудом, словно был не в сапогах, пошитых из хрома прекрасным бакинским сапожником, а в массивных свинцовых галошах. В тех самых колодках, которые надевали на себя водолазы, при погружении в море.

Оказавшись в расположении прожектористов, он даже не глянул на молоденьких девушек, возившихся у звукоулавливающей установки «ЗТ-2». Парень прошёл мимо них прямо в землянку начальника.

Лейтенант передал капитану толстую пачку бумаг и попросил переслать её в штаб. Пожилой человек обещал всё отправить при первой возможности и кивнул на полевой телефон, стоящий на убогом столе.

Опускаясь на ящик из-под знакомых до боли снарядов, Яков привычно поправил чехол для оружия, висящий у него на ремне. Лейтенант удивился, тому, что кобура крепко за-

стёгнута. Он ощупал её и неожиданно понял, что внутри находился полученный утром «ТТ».

Зенитчик немедленно вспомнил о том, что с ним случилось в рукопашной драке с фашистами. Как только Яков истратил патроны, он сразу забыл о своём пистолете. Всё внимание парня занимала та обстановка, что сложилась на его батарее.

Если б кто-то спросил: – Куда подевался персональный «ТТ»? – то парень просто пожал бы плечами и спокойно ответил: – Скорее всего, потерялся в ужасном бою.

Яков пошарил рукой в левом кармане грязных, как прах, галифе. Он вытащил две пустые обоймы и мысленно похвалил свою аккуратность: – «Хорошо, что не бросил на землю, а по привычке к порядку сунул сюда».

Найдя свой пистолет, Яков облегчённо вздохнул и спросил капитана: – У вас не найдётся зарядов к «ТТ».

– Сколько вам нужно? – поинтересовался мужчина.

– Хотя бы на три обоймы. – неуверенно откликнулся парень. Он вынул оружие из кобуры и привычным движением выщелкнул пустой магазин.

– Неужто все пули за день потратил? – удивился хозяин землянки: – Не оставил хотя бы одну, для себя? – он тут же решил, что парень лишь хочет разжиться патронами. Капитан улыбнулся и, приглашая к шутливой беседе, тихо добавил: – И сколько ты немцев сегодня убил?

– Не заметив усмешки, парень честно ответил: – Точно не

знаю.

Затем парень вспомнил, что враги не стояли на месте. Они со всей скорости мчались вперёд по изрытой степи и, как паяцы метались в разные стороны. В них было трудно попасть. Поэтому, несколько раз он задел атакующих вскользь и, очень возможно, нанёс им всего лишь царапины.

Потом, эти «подранки» потерялись в месиве боя и неизвестно, чем там закончилось дело? То ли, фашисты погибли? То ли, остались в живых? Кого-то из фрицев парень не смог свалить первой пулей и чтобы добить, приходилось стрелять ещё один раз.

Прикинув число тех врагов, что упали и остались лежать, он с сомнением сказал: – Скорее всего, девять из них, получили своё!

Яков на секунду задумался. Перед глазами всплыло облако взрыва, в котором мелькали обломки машин и множество тел, разорванных в мелкие клочья. Затем, вспомнились два тяжёлых снаряда, попавшие в гущу противника.

Лейтенант немного помялся, не зная, можно ли всех этих фашистов записать на свой личный счёт? Однако, решил, что это не пустое бахвальство, а доклад о минувшем сражении и тихо добавил: – Ещё штук шестьдесят, накрыли шрапнелью.

Хозяин как-то по-новому глянул на восемнадцатилетнего парня. Ведь он со своей батареей вывел из строя два взвода

проклятых фашистов. Капитан невольно подумал: – «Да если бы все воевали, как он, то от фрицев уже ничего не осталось!»

Сорокалетний мужчина был до войны инженером. Являлся сугубо гражданским спецом и ударно работал на одном из заводов военной промышленности. Его призвали в Красную армию всего лишь квартал назад.

Он прибыл в регулярную часть, расположенную на северо-западе от города Сталина. Это случилось до наступленья фашистов. Поэтому, немолодой человек ещё не участвовал в кровопролитных боях и оказался у тракторного завода вместе с отступившей дивизией.

До вчерашнего дня, капитан и отделение прожектористов находились во второй, а то даже в третьей линии фронта. Так что, он не и ведал о том, сколько красноармейцев погибло по дороге сюда и сколько зенитчиков легло уже здесь, на защите заводского конвейера.

Батареи орудий находились от них далеко. Что там творится, капитан толком не знал. Он слышал лишь грохот выстрелов множества пушек и только. Сам он туда никогда не ходил. Незачем, да и очень опасно на переднем краю.

Видел лишь разных людей, заглянувших с ближайших позиций, для того чтобы связаться со штабом полка. Причём, редко кто из этих гостей появлялся тут дважды.

Там, где стояли прожекторы, было относительно тихо. Фашисты бомбили лишь пушкарей, и цеха большого завода. На

четыре машины, врытые в землю на большом пустыре, ни «пикировщики», ни истребители не обращали внимания.

У фрицев имелись более важные цели. К тому же, маскировочная серая сеть укрывала отделение днём. Ночью были видны лишь лучи мощных светильников. Остальное, тонуло во тьме.

Капитан уважительно посмотрел на молодого зенитчика, кивнул на полевой телефон, стоявший в углу, и предложил: – Пока ты будешь звонить, я набыю для тебя магазины.

Яков благодарно кивнул и сел к аппарату. Он быстро связался со штабом и доложил очередному дежурному: – Только что, была отбита массированная атака немецких бомбардировщиков, танков и мотопехоты.

Силами второй, третьей и четвёртой артбатареи сбито три самолёта люфтваффе, повреждено не меньше пяти. Сожжено восемь танков, шесть бронетранспортеров и семь автомашин. Уничтожено до роты немецких солдат. Фашисты не сумели прорваться к главному цеху и повернули назад.

Пропустив похвалу от начальства мимо ушей, Яков сухо продолжил: – На соседнем участке уничтожена зенитная пушка. На моей, батарее под номером три, одно из орудий сильно побито, два остальных требуют большого ремонта. Потери в личном составе зенитчиков достигли шестидесяти процентов.

Взвод МВД, прибывший сюда час назад, принял участие

в рукопашной схватке с фашистами. Он потерял командира и двадцать семь человек ранеными и убитыми. Немедленно нужно прислать к нам людей, орудия и боеприпасы. Ещё одна такая атака и на данных позициях никого не останется.

В ответ он услышал те же слова, что и с утра. Мол, ребята держитесь! Мы знаем о всех ваших трудностях. Делаем всё, что в наших силах. Как только появится такая возможность, пришлём долгожданную смену.

Выслушав знакомые байки, Яков буквально взбесился. Не имея привычки ругаться, парень, неожиданно для себя самого, перешёл на азербайджанский язык и прокричал в микрофон всё, что он думал о снабжении переднего края.

Причём, он использовал невероятно ужасные связки из слов тюркских наречий. Услышав подобные фразы, каждый бакинец сразу бы схватился за нож. Ну, а любая бакинка попыталась бы вырвать негодяю глаза.

Закончив орать, парень не стал даже слушать возражений начальства. Осторожно положил на рычаг телефонную трубку и отрешённо подумал: – «Если там поняли хотя бы часть из того, что я им сказал, то скоро пришлют на позицию взвод с гауптвахты.

Поставят меня перед строем. За полминуты, прочтут приговор военно-полевого суда, и шлёпнут за оскорбление руководства дивизии. В назиданье всем окружающим».

– «Хотя,» – остановил он себя: – «какая теперь-то мне раз-

ница? Из тех, кто прибыл сюда в девять утра, уже половина погибла. Все остальные, вряд ли долго протянут. Не зря же в штабе сказали, что больше суток здесь никто не выдерживает. Лишь покойному заместителю моей батареи, удалось протянуть вдвое дольше».

Встав с шаткого ящика, Яков поднял гудящую голову и встретился с очень испуганным взглядом хозяина. Судя по потрясённому виду мужчины, капитан догадался, что сейчас говорил разъярённый зенитчик. А может быть, он родился, где-то поблизости, знал кое-то из тюркских наречий, и смог уловить общий смысл разговора?

– «Певать!» – совершенно спокойно решил лейтенант: – «Пока сообщит, куда нужно. Пока там соберутся, приять надлежащие меры. Меня уж давно фашисты убьют!»

Мужчина подал бесшабашному гостю, снаряжённые им магазины и непечатую коробку с патронами. Он немного помялся и тихо сказал: – Может, выпьешь стаканчик с устатку? У меня сам понимаешь, в основном молодые девчонки. Напитки, вроде «сучка», они не выносят. Всё уходит ко мне, как начальству. Ну, а я и сам не любитель этого дела.

– Налейте немного. – кивнул лейтенант. Зенитчик, словно опомнился и уже сказал про себя: – «Нельзя мне сейчас выпивать, и так голова идёт колесом!» – он чуть помолчал и продолжил: – Если у вас есть избыток, то я отнесу водку к себе на позиции. Нужно раны обработать бойцам.

– Конечно, конечно! – поспешно сказал капитан: – Ты

иди, а я следом пришло к вам солдата. Он принесёт термосок с аракой.

Едва двигая тяжёлые ноги, Яков вернулся на свою батарею. В который раз, за нескончаемый день, он обошёл четыре орудия. К этому времени, все раненые были хорошо перевязаны, а убитые уже похоронены.

Красноармейцы, оставшиеся ещё на ногах, продолжали возиться с мёртвыми фрицами. Церемониться с врагами не стали. Стараясь укрыться в неровностях местности, бойцы просто тащили фашистов на нейтральную полосу и бросали в большие воронки от бомб и снарядов. Пусть там гниют себе потихоньку.

Чёрный дым от сгоревших фашистских машин уже не стелился над выжженной степью. Воздух вокруг совершенно очистился. Наверняка, снайперы фрицев видели всё, что творилось на данной позиции. К счастью, они не стреляли.

Видно, решили дать время противникам, чтобы те схоронили убитых «genossen». Пусть даже столь примитивным, удручающим способом. Всё лучше, чем твои сослуживцы по армии будут валяться в пыли, и разлагаться под яростным солнцем у всех на виду.

Тем более, что в ближайшее время, опять «panzersoldat» придётся идти к советским позициям. Ну, а гнать технику по телам чистокровных арийцев, не очень приятно.

Когда было кончено с очень тягостным делом, Яков взгля-

нул на стенки окопов. Все они были обрушены взрывами бомб. Лейтенанту хотелось отдать команду: – Подновить оплывшие брустверы.

Он посмотрел на бойцов, валившихся с ног от усталости, и благоразумно подумал: – «Пусть отдохнут хоть немного. Не то начнётся атака, а у них не останется сил, чтобы винтовку поднять».

Затем, его мысль двинулась дальше: – «Как же эти траншеи содержались в порядке до вчерашнего дня?» – задумался парень. Он посмотрел на скромное кладбище, где лежали десятки зенитчиков. Окинул пристальным взглядом продолжительный ряд свежих холмиков и сам себе же ответил: – «Скорее всего, раньше здесь находилось значительно больше народу».

Тут он заметил пожилого солдата. Он шёл со стороны пустыря, где устроились прожектористы. Мужчина с побледневшим лицом смотрел на позиции батареи зениток. Глаза человека наполнял сильный страх.

Он видел четыре орудия, иссечённые пулями, серую степь, хорошо перепаханную большими воронками, а так же, израненных красноармейцев, безучастно лежащих на голой земле. Все они были замотаны в пропитанные кровью бинты.

– «Видно, старик не бывал под обстрелом, а только, изда- лека слышал мощные взрывы». – усмехнулся лейтенант про себя: – «Как они, интересно, сюда все попали? Такие непуганые?»

Скорее всего, приехали из Казахстана. Причём, ещё до того, как фашисты взялись бомбить переправу. Ну, а потом, сидели в глубоком тылу, пока линия фронта сама не добралась до них».

– «Хотя, чего это я на него ополчился?» – остановил лейтенант пустопорожние мысли: – «Боец принёс на позицию водку, обещанную сердечным соседом, а я над ним насмехаюсь. Тоже мне, ветеран отыскался. Сам, лишь сегодняшним утром, явился сюда».

Приняв подарок из рук вестового, Яков велел сказать капитану: – Большое спасибо! – и без промедления отпустил старика. Нечего ему здесь ошиваться. Пусть поскорее уходит, не то фашисты опять рвануться в атаку.

Он проводил завистливым взглядом, спешившего «в тыл» человека. Позвал сержанта того отделения, что прибыл в разгар рукопашной и устало спросил, как устроились его подчинённые. Пока командир отвечал, зенитчик принялся к дыханию своего собеседника.

Отметив, что от бойца не пахнет спиртным, Яков кивнул на немецкую флягу, висевшую на поясе пехотинца, и приказал: – Снимите бакелитовый колпачок, закрывающий пробку.

Удивлённый мужчина исполнил странный приказ. Лейтенант указал на двенадцатилитровую ёмкость, стоявшую возле ноги, и строгим тоном продолжил: – Возьмите этот

небольшой термосок. Пройдите по позициям моей батарее и налейте бойцам по порции водки. Судя по виду стаканчика, – он кивнул на непривычную ёмкость, что находилась в руке МВДешника, и спокойно закончил: – в него помещается, не более ста пятидесяти граммов.

Тем, кто уже крепко принял на грудь, ничего не давать, а то, чего доброго, ещё опьянеют. Если потребуется, обработать глубокую рану, плесните столько, сколько нужно для этого.

Пусть, хотя бы, польют «сучком» на бинты. Вдруг он сможет остановить течение крови? Да и дополнительная дезинфекция, лишней не будет. То, что останется, принесёте ко мне. Я нахожусь в той землянке. – лейтенант указал на «дом офицеров» и коротко бросил: – Выполняйте команду!

Проводив взглядом спину сержанта, Яков направился к длинной низине. Опустив гудящую, как колокол, голову он поплёлся к строению, отведённому ему, для жилья.

Немного качаясь, зенитчик вошёл в помещение. Зачерпнул кружкой воду из армейского термоса, стоявшего возле двери, и небольшими глотками выпил тёплую невкусную жидкость.

Ощувив, что сильная жажда чуть притупилась, парень устало вздохнул. Сделал два шага вперёд и медленно сел на жёсткие нары. Он медленно снял тяжёлую каску и положил на «табурет», торчавший возле «стола». Рядом бросил пи-

лотку, промокшую насквозь от горячего пота.

Яков прислушался к состоянию всего организма и осторожно ощупал свой лоб. Кожа под пальцами была очень горячей и влажной. Череп болел намного сильнее, чем прежде. Перед глазами мелькали какие-то искры и тени.

Его легонько подташнивало. Хотя после завтрака прошло много времени, есть лейтенанту совсем не хотелось. Желания хлопнуть рюмочку водки, у него совсем не возникло.

Лейтенант двинулся так осторожно, словно у него на макушке, стояла хрустальная ваза. Яков улёгся на усталую спину. Опустил свинцовые веки и тотчас лишился сознания.

Как это ни странно, но сквозь неожиданный обморок, он каким-то мистическим образом, ощущал почти всё, что творилось вокруг. По крайней мере, ему так казалось.

Спустя полчаса, в дверь постучали. Не услышав ответа хозяина, снаружи открыли щелястую створку. В помещение вошёл сержант пехотинцев. Осматриваясь в полумраке землянки, он чуть потоптался возле порога, увидел, что командир лежит, как убитый, и двинулся дальше.

Стараясь не очень шуметь, МВДешник прошёл к свободной лежанке и осторожно поставил на пол двенадцатилитровую ёмкость с оставшейся водкой. Затем повернулся и, крадучись, направился к выходу. Его силуэт тотчас исчез в сиянии солнца, висевшего над иссушенной степью. Узкая дверца тихо закрылась.

Ранение в голову

Раздались до боли знакомые крики двух наблюдателей: – Воздух! Курс 40! Двенадцать самолётов на западе! – кричали они в один голос. Благословенная тишина батареи разорвалось с отчётливым треском. Яков мгновенно очнулся от тяжёлого сна.

– Опять! – простонал он вполголоса. Зенитчик спустил сапоги на утоптаный пол и, помогая телу руками, с огромным трудом принял «положение сидя». Несколько долгих секунд, лейтенант ориентировался в полутёмном пространстве. Он очень старался сфокусировать рассеянный блуждающий взгляд.

Его зрение, помутнённое сильной контузией, наконец-то, пришло в состояние нормы. Предметы перестали двоиться и уже не дрожали в застоявшемся воздухе тесной землянки. Действуя весьма осторожно, парень поднялся на нетвёрдые ноги. Он слегка пошатнулся и, опёршись рукою на ящик, встал вертикально.

Якову вспомнился текст из толстого медицинского справочника, который он когда-то читал в далёком Баку. Лейтенант тихо сказал про себя: – «Э-э братец, да у тебя, кажется, сотрясение мозга? Хорошо бы тебе полежать пять-шесть дней в тишине и покое, ан нет, приходится идти воевать!»

Снаружи уже раздавались команды наводчиков. Командиру батареи зениток нельзя было отсиживаться в тесной землянке дольше, чем его подчинённым. Ещё, чего доброго, примут за труса. Он потрогал свой череп дрожащей рукой. Осторожно надел на макушку пилотку, а сверху пристроил тяжёлую каску.

Принял, насколько было возможно, вид бодрячка и вышел наружу из небольшого жилища. Яков привычно взглянул на часы и со злостью подумал: – «Двадцать один, десять минут. Каждые четыре часа, атаки фашистов, пропади они пропадом!»

Стараясь не сильно качаться во время ходьбы, парень добрался до узкой траншеи, соединяющей второе и третье орудие. Он посмотрел на позиции и облегчением понял, что здесь, кое-что изменилось в лучшую сторону.

Пока он лежал без сознания, приезжали ремонтники из штаба полка. Мастера немного почистили изношенные пальбою стволы. Заменяли разбитую пушку на относительно новую и, кое-как подшаманили все остальные. Снарядов тоже имелось в достатке.

Лейтенант не стал возмущаться. Мол, почему, не разбудили своего офицера? Справились сами, без Якова, вот и прекрасно. Теперь самое главное отбиться от фрицев. Он устремил рассеянный взгляд на самолёты фашистов. Собрал волю в кулак и с трудом разогнал слабый туман, клубившийся перед глазами.

В гудящем от травмы, мозгу заработал мыслительный арифмометр. Зенитчик прикинул расстояние до ближайших стервятников. Понял, что пора бить по врагу и отдал команду: – Беглый огонь!

Всё остальное, оказалось повтором той свистопляски, что случилось в тринадцать и семнадцать часов. Над головой возникла непрерывная карусель самолётов с крестами чёрного цвета. Их сопровождал оглушительный вой ныряющих сверху «лаптёжников».

Послышался грохот выстрелов мощных орудий, взрывы бомб, треск бортовых пулемётов и яростный свист множества кусочков металла. Воздух наполнила ядовитая вонь от сожжённой взрывчатки, и тучи серой земли, поднятой ударной волной к багровому вечернему небу.

Подносчики метались от штабелей ящиков к тяжёлым лафетам и подносили снаряд за снарядом. Наводчики вертели рукоятки зениток с удивительной скоростью. Заряжающие вгоняли тяжёлые «чушки» в стволы, закрывали клиновые затворы и по команде стреляли по фрицам.

Время от времени, в кого-то из пушкарей попадала тяжёлая пуля или осколок от разорвавшейся бомбы. Боец тут же валился с платформы. Свободное место занимали товарищи, бывшие рядом. Перебинтованные наблюдатели оттаскивали раненых в сторону, и делали там перевязки на скорую руку.

Яков стоял посреди крошечного ада. Зенитчик громко

командовал. Парень пытался хотя бы немного корректировать беглый огонь. Краем глаза он видел, что самолёты фашистов напали на обоих соседей, которые расположились с разных сторон.

Они отбивались с той же удивительной яростью, что и его батарея: – «Значит, не стоит от них ожидать хоть какой-нибудь помощи. Придётся справляться самим!» – сказал себе офицер. Послышался крик, долетевший с четвёртой позиции: – Правый наводчик убит!

Лейтенант помчался к орудию, что внезапно умолкло. Он сел в неудобное кресло и, вместе с левым наводчиком, начал выцеливать фашистских стервятников. Картина ужасного боя резко уменьшилась. Она сжалась до небольшого кусочка багрового неба, висевшего над головой.

Теперь ему было некогда глянуть, что происходило справа и слева? Самое главное, поймать воюющий «юнкерс» в прицел. Услышать лязг стального затвора, раздавшийся чуть за плечом. Отдать команду: – Огонь! – и стерпеть грохот выстрела, ударивший в уши. Затем, всё повторить великое множество раз. И так до конца налёта фашистов.

То там, то здесь, слышался вой сбитого «юнкерса», летящего вниз для встречи с советской землёй. Душу зенитчика наполняла сильная гордость за свою батарею: – «Ещё одного гада, мы сбили сегодня!»

Вдруг, Яков понял, что над ним только чистое небо, в ко-

тором нет «пикировщиков». Теперь можно слезть с железного кресла. Размять онемевшую шею и посмотреть на пыльную степь, усеянную большими воронками.

Но радость от окончания налёта продолжалась недолго. Едва стих грохочущий бой, на парня опять навалилась усталость и боль. Яков с трудом повернулся и увидел молодого сержанта. Он был из тех пехотинцев, что пришли на позицию в конце рукопашной атаки фашистов.

Красноармеец сидел слева от казённика третьей зенитки и выглядел слегка ошарашенным. Видно, не ожидал от себя столь активного роста. От подносчика боеприпасов, прямо в наводчики.

Отметив, что сам легко ранен в левую руку, Яков позвал сержанта к себе и назначил его заместителем всей батареи. Не внимая отказам, опешившего МВДешника, лейтенант в двух словах рассказал ему всё, что узнал о позиции, когда прибыл сюда.

После чего, послал проследить за перевязкой солдат и наведением порядка вокруг. Собрав все последние силы в кулак, командир потащился в расположение прожектористов.

Опять связался со штабом и сообщил дежурившему там офицеру о завершившемся бое, о четырёх повреждённых и двух сбитых фашистских машинах. Кроме того, он доложил о потере ещё одной трети от всех пушек.

Не возражая ни единого слова, зенитчик прослушал заклинанья о том, что нужно держаться на вверенном ему ру-

беже. Ничего не спросив, он, молча, бросил тяжёлую трубку.

– «А что тут ещё говорить?» – размышлял он устало: – «Сил на то, чтобы просить подкрепление, у меня больше нет. Как обстоят дела на нашей позиции, в штабе давно уже знают».

Смогут прислать десяток бойцов, технику и снаряды с патронами, простоим здесь какое-то время. Нет, значит, сделаем всё, что сумеем и погибнем здесь смертью героев».

Подивившись неожиданным мыслям, парень подумал о том, что весьма изменился за последние сутки. Теперь он своим фатализмом стал во всём походить на майора Степана Сергеевича, с которым плыл из Баку в Сталинград.

Простившись с начальником прожектористов, Яков медленно выбрался из душной землянки. На лице пожилого мужчины застыла печать изумления. Ведь у него на глазах молодой лейтенант, не нюхавший пороха, в течение дня, стал ветераном, прошедшим через ужасную кровавую бойню. Теперь у него и седина на висках.

Едва двигая гудящие ноги, зенитчик вернулся к своей батарее. Он спустился в низину и увидел пару «полуторок». С ними приехал и тот старшина, что привёз его утром сюда.

На грузовиках прикатили ещё двенадцать солдат. В этот раз, прибыли люди из разных частей. Это был сводный отряд на подобье того, что собрал Степан Сергеевич Дроздов по пути к речке Сухая Мечётка.

Судя по цвету петлиц и знакам-эмблемам, висевших на них, здесь оказались кавалеристы, связисты, пехота и даже моряк Черноморского флота, невесть каким образом, оказавшийся в Сталинградской степи.

К радости Якова, среди них отыскалось два пушкаря. Лейтенант объяснил двум коллегам, особенности зенитных орудий и распределил всех людей по расчётам. После чего, проследил, как старшина раздал бойцам водку с едой, съёл полный черпак варёной перловки и внезапно почувствовал, что ему очень плохо.

– «Если я куда-то не лягу, то очень скоро, просто рухну на землю». – сказал он себе. Лейтенант еле поднялся с какого-то ящика, на котором сидел и, находясь в полусне, как автомат, дошёл до землянки. Он опустился на жёсткую койку и, в тоже мгновенье, провалился во мрак.

Новый налёт начался в шесть утра, сразу после рассвета. Яков едва разлепил опухшие веки. Доковылял до своей батареи, где отдал привычный приказ: – Беглый огонь!

Что было дальше, прошло, как бы мимо него. Нет, он не стоял деревянным столбом. Лейтенант зорко следил за обстановкой, сложившейся рядом и продолжал отдавать боевые команды. Затем, он заменил убитого пулей наводчика, на третьем орудии.

Под его руководством, пушка сделала несколько выстрелов в летящих фашистов. Чуть погодя, где-то поблизости,

грохнула полутонная бомба. Острый осколок, пробил прочный шлем над ухом зенитчика. Горячий обломок рассёк тонкую кожу и завяз в голове, чуть не дойдя до поверхности мозга.

Получив крепкий удар, Яков ощутил себя так, словно в правый висок вонзился острый клинок. Лейтенант тут же лишился сознания и рухнул лицом на лафет. Большой козырёк «халхинголки» врезался в прочный настил колёсной платформы.

Ремешок старой каски немедленно лопнул. Защитный убор обломил кусочек железа, застрявший в костях, слетел на пыльную землю и покатился по ней, как металлический тазик.

Из разрезанных тканей бурно хлынула кровь и залила глаза офицера. Упавшего ничком командира оттащили в сторону. На свободное место сел новый наводчик. Орудие продолжало стрелять по проклятым фашистам.

К неподвижному лейтенанту подполз чумазый солдат с ногой, искалеченной взрывом. Увидев, что кровь продолжает идти, боец сразу понял, что начальник пока что не умер. Из сумки с красным крестом он вынул упаковку с бинтом. Зубами порвал бумагу пакета и стал перевязывать молодого зенитчика.

Замотав череп раненого, красноармеец уложил его на спину и без сил повалился на землю. Им оставалось лишь ждать, когда прекратится атака фашистов и выжившие артиллери-

сты, отнесут их в землянку. Хотя это и неподалеку отсюда, но там, в крайней мере, реже падают бомбы, а над головой не свистят сотни вражеских пуль.

Когда и как закончился бой, Яков точно не знал. Сознание парня иногда поднималось из тёмных пучин забытья. Оно осторожно всплывало к зыбкой туманной поверхности. За ней виднелись размытые контуры безжалостного тварного мира.

Ментальная сущность зенитчика следила за суетою солдат возле стреляющих пушек. Она отмечала яркие вспышки разрывов и самолёты со свастикой, мелькавшие в небе.

Время от времени, до лейтенанта едва доносились какие-то звуки. Они почему-то, все были удивительно дробными, как многоголосое эхо в глубоком ущелье. Затем, зыбкие картины действительности скрывались за радужной плёнкой и всё, опять исчезало.

Вдруг, его резко подняли чьи-то грубые руки. Появилась невероятная боль, Поддерживая гудящую голову парня, его куда-то несли, а потом, уложили на жёсткое неудобное ложе.

По лицу потекла тёплая прозрачная жидкость. Что-то попало в запёкшийся рот. Чтобы не захлебнуться в потоке, пришлось напрягать последние силы, и быстро глотать невкусную воду.

Наконец, контуженный Яков остался один. Вокруг была тишина, нарушаемая очень привычным гулом бомбёжки. Она отдалялась всё дальше и дальше. Наконец, лейтенанту

стало очень спокойно...

– Кто здесь устроил этот бардак? – рокотал чей-то уверенный раскатистый голос: – Почему, у четырёх зенитных орудий всего двенадцать бойцов? Они что, до сих пор ещё дрыхнут? Как могли допустить, что осыпались стенки окопов? Где командир батареи?

Дверь в небольшую землянку широко распахнулась. К жёсткой лежанке с трудом подбежали два тяжело дышавших бойца. Они разглядели, что Яков пытается встать и бросились ему помогать.

Действуя весьма осторожно, солдаты подняли лейтенанта с постели. Надели на забинтованную голову парня пилотку, побелевшую от проступившего пота. Подхватили командира под руки и, держа почти на весу, устремились наружу.

Оказавшись на ярком свету, зенитчик на время ослеп. Из глаз потекли обильные слёзы. Утихшая было боль в голове, вспыхнула с удивительной силой. Механически двигая ватные ноги, Яков кое-как продвигался на звук грозного рыка.

Парень не мог уяснить, что же сейчас происходит? Мысли дробились и путались. В ушах громко стучало. Капли холодного пота тёкли по пылающему от температуры лицу.

Кое-как сфокусировав зрение, Яков увидел перед собой спины пяти офицеров. За ними маячила большая фигура, одетая в форму с лампасами. Скорее всего, она издавала громкие крики.

Державшие лейтенанта под руки, солдаты остановились, как вкопанные. Они убедились, что командир самостоятельно держится в вертикальной позиции. Отступили назад, но не ушли далеко. Бойцы встали так, чтобы успеть подхватить командира, если он вдруг начнёт, валиться на землю.

Сообразив, что его привели для доклада начальству, Яков аккуратно поднял правую руку к пилотке. Парень чуть покачнулся, но немислимым чудом, удержался на месте.

Он проглотил плотный ком, застрявший в ссохшемся горле, и, сильно растягивая слова, хрипло сказал: – Командир третьей батареи зенитчиков прибыл по вашему распоряжению.

Услышав сзади невнятную речь, генерал обернулся. Свита тотчас расступилась. Пред глазами высокой комиссии оказался худой лейтенант, еле стоящий на дрожащих ногах.

Выглядел он просто ужасно. Морда небрита несколько дней. Постоянно и сильно потел. Сквозь смуглую кожу, проступил нездоровый румянец. Пьяный настолько, что даже качался.

Форма достаточно новая, но так сильно измята и настолько грязна, словно он очень долго валялся в пыли. Вместо уставной фуражки простая пилотка солдата, выгоревшая от солнца почти добела. Голова кое-как забинтована. Из-под тонких слоёв серой марли дико торчат тёмные волосы с проседью.

Генерал хотел повторить свой вопрос насчёт безобразия, что царило вокруг, но сначала, решил кое-что уточнить: – Давно здесь находитесь лейтенант? – рыкнул он низким раскатистым басом.

– Сутки назад принял под своё руководство четыре орудия и шестнадцать красноармейцев. – сообщил начальнику Яков. Он немного пришёл в себя от тяжёлого сна и стал выражаться гораздо понятнее.

– За истекший период, батарея отразила пять мощных воздушных атак. Сбила девять и повредила не меньше тринадцати самолётов фашистов. Отбросила мотопехоту. В ходе боя, сожгла восемь танков, шесть бронетранспортёров врага и семь грузовиков. Уничтожила до роты живой силы противника.

Услышав впечатляющий список успехов, генерал немного смягчился, и спросил тоном ниже: – За последние сутки, к вам было послано два взвода пехоты. Почему до сих пор не поставлено охраненье вокруг?

Совершенно спокойный зенитчик, неожиданно вспомнил, что выходя из землянки, он чётко услышал, как генерал назвал цифру двенадцать. Прибавил к ней двух бойцов, которые его сюда привели, и с печалью отметил, что это все люди, которые могут сейчас стоять на ногах.

Он опустил руку от солдатской пилотки и, чуть покачнувшись, поспешил доложить: – В данный момент, четырнадцать пехотинцев обслуживают четыре орудия. Прочие пять-

десять шесть человек и ВСЕ НАШИ ЗЕНИТЧИКИ, – он сделал ударение на последних словах: – находятся там. Парень показал на скромное кладбище, лежащее в сотне метров к востоку.

Вместе с многочисленной свитой, полководец непроизвольно взглянул в указанном ему направлении. Генерал думал увидеть землянки, в которых самым бессовестным образом, дрыхли бойцы.

Его острый взгляд наткнулся на длинный ряд могильных досок, сооружённых из ящиков для перевозки снарядов. Они торчали из маленьких холмиков недавно насыпанной почвы и ярко сияли своей новизной.

– За истекшие сутки, – продолжал монотонно докладывать Яков: – ранило и убило много бойцов. Вследствие этого, состав оружейных расчетов сменился, как минимум, трижды. Для удержания данной позиции требуется срочное пополнение, состоящее из шестнадцати артиллеристов и взвода пехоты.

Генерал с осуждением смотрел на зенитчика, который посмел дать ему конкретные цифры того, что нужно батарее для боя. Насупленный взгляд скользнул по усталому донельзя человеку. Но вместо того, чтоб приструнить солдафона-окопника, начальник вдруг тихо спросил: – Как ваша фамилия?

– Лейтенант Малинин! – доложил седой доходяга и покач-

нулся, как пьяный.

– Яков, ты что ли? – выдавил из себя генерал.

Парень собрал свою волю в кулак и разогнал плотный туман, застилавший глаза. Он присмотрелся к грозному лицу полководца. Напряг засбоившую память и, наконец-то узнал в нём бывшего комиссара войскового училища. Того самого, что закончил месяц назад.

– Так точно! – вздохнул молодой лейтенант и едва слышно добавил: – Здравствуйте, Пётр Андреевич.

Лишь после сказанных слов, генерал совсем убедился, что перед ним стоял его недавний курсант. Один из лучших студентов старшего потока училища, который он вёл до отъезда на фронт в мае 42-го.

Генерал повернулся к притихшей вдруг свите. Ткнул пальцем в ближайшего офицера с артиллерийскими знаками в чёрных петлицах и приказал: – Товарищ капитан, примите у лейтенанта батарею зенитных орудий.

Штабной порученец аж вздрогнул от таких неожиданных слов. Причём, его тряхнуло так сильно, будто в тело ударила фашистская пуля. Офицер побледнел, как свежеснеженный снег и с трудом произнёс: – Слушаюсь!

– Контуженного командира и всех тяжелораненых красноармейцев немедленно отправить в санбат. – закончил говорить проверяющий. Словно стараясь запомнить окружающую местность, он пристально глянул на плохо устроенные

позиции батареи зениток. Открыл было рот, чтобы что-то сказать по поводу отсутствия брустверов у оплывших окопов, но промолчал.

Генерал коротко бросил: – Поехали дальше! – и направился к «эмке» чёрного цвета, густо припорошенной пылью. Привычно устроился на переднем сидении рядом с шофером и со злостью захлопнул узкую дверцу. О чём тут ещё говорить, если бойцы и так на пределе физических сил, а других ему взять решительно негде? Тут и угроза расстрела ничему не поможет.

На заднем диване машины устроились два адъютанта. Прочая часть пышной свиты бросилась к «ГАЗ-64». У советского «джипа» были крупные, лупоглазые фары, большие колёса и полукруглые вырезы вместо передних дверей.

Офицеры набились в открытый салон, вмещающий шесть человек, и быстро расселись на продольных скамейках, расположенных сзади. Машины тронулись с места и помчались на север, в сторону посёлка Спартаковка.

Через пару минут, подъехали две, знакомые лейтенанту «полупорки». В их кузовах лежали ящики с боеприпасами, медикаментами и армейские термосы с остывшей едой.

Зенитчики, державшиеся ещё на ногах, оставили возле орудий двух наблюдателей. Они спустились в низину и, без лишних слов, принялись за разгрузку машин.

Растерянный капитан стоял в стороне от солдат и совер-

шенно не знал, что же ему делать теперь? Яков подошёл к офицеру, и хотел было представить бойцам нового командира их батареи.

Зенитчик вдруг пошатнулся и начал валиться затылком назад. Не отходивший от парня, сержант удивительно вовремя подхватил его под руку и удержал от падения. Подвёл к ближайшему ящику и, словно больному ребёнку, помог опуститься на доски.

Лейтенант посидел неподвижно какое-то время. Немного привёл себя в норму и тихо сказал: – Познакомьтесь. – он указал на сержанта, стоявшего рядом: – Мой заместитель. Он введёт вас в курс дел на данной позиции, а я, извините, что-то себя плохо чувствую. – Яков сполз на серую землю, вытянулся, и устало затих.

Эвакуация в тыл

Очнулся Яков, лишь после того, как его подхватили чьи-то крепкие руки. Парня подняли в кузов разгруженной бойцами «полуторки» и разместили на голых досках. Он слегка повернул тяжёлую голову, громко гудящую от неистовой боли.

Зенитчик дождался, когда пред глазами погаснут большие цветные круги. Поднял тяжёлые веки и разглядел, что рядом лежал тот любопытный боец, который спрашивал об устройстве орудия больше всех остальных.

Судя по грязным бинтам, густо пропитанным кровью, Павла ранило в грудь тяжёлым осколком. Он был без сознания и очень трудно хрипел при каждом прерывистом вздохе.

Чуть дальше устроили пятерку «тяжёлых» солдат, которых Яков не смог даже узнать. Лицо одного замотали так сильно, что видны были только щёлочки глаз, заплывшие чёрно-синими пятнами. Другой был ранен в спину. Он лежал на животе и смотрел в противоположную сторону. Все прочие находились далеко от зенитчика.

На прощание сержант МВДешников пожал руку всем отъезжающим. Перелез через правый низенький борт, и неловко спустился на землю. Видно, у него болела нога. Машина тронулась с места и на всех парах помчалась вперёд.

Несмотря на большие ухабы, по которым летела «полупортка», Яков сразу уснул. Лейтенант приходил в себя лишь время от времени. Обычно это случалось, когда оглушённого парня пытались поднять.

Стоило это сделать кому-то, как в черепе Якова немедля вскипала несусветная боль. Горячей волной она растекалась по мозгу и билась в висках с такой неистовой силой, что ни о каком забытии не могло быть и речи.

Приходилось чуть поднимать опухшие веки и смотреть на окружающий мир сквозь пелену горьких слёз. Это помогало зенитчику немного отвлечься от сильных страданий.

Глядя поверх деревянного борта, Яков отметил, как машина петляла меж полуразрушенных зданий завода. Пару раз, она заезжала в пустые цеха, где укрывалась от атаки «лаптёжников».

Затем, грузовик миновал развалины большой проходной и вырвался в полностью разрушенный город. По двум сторонам от дороги тянулись сожженные жилые дома. Они стояли вдоль улиц, как закопчённые временем скалы.

Небольшое шоссе всё время шло под уклон. Лейтенант догадался, что оно ведёт на восток. Вот только, вместо санбата, обещанного ему генералом, бойцов привезли прямо к руслу реки.

Их уложили на плащ-палатки, залитые высохшей кровью, отнесли на пустой обрывистый берег и разместили там длинным неровным рядочком. Красноармейцы лежали плечом к

плечу, словно на выставке.

Тем раненым, кто возмутился таким обстоятельством, санитары сказали: – Так вас будет удобнее брать и носить на плавсредства. Так что, погрузка пройдёт намного быстрее. Все тотчас замолчали.

Яков с трудом приподнял гудящую голову и осмотрелся вокруг. Недалеко от сапог плескались мелкие волжские волны. В десятке шагов с другой стороны находился обрыв, высотой в несколько метров.

Те, кто мог двигаться самостоятельно, сразу вставали на ноги. Те, кто не мог, перемещались, как-нибудь по-другому. Но все они, шли или ползли, к песчаной террасе, резко вздымавшейся над урезом воды. Красноармейцы приваливались спиной к земле и защищали себя хотя бы с одной стороны, с проклятого запада.

Все остальные, а их оказались многие сотни, оставались лежать на открытом пространстве. Они с ужасом пялились в синее небо. Там очень часто мелькали воздушные машины фашистов.

Над Волгой вились самолёты с крестами на крыльях: «мессершмитты», «фокке-вульффы» и «хейнкели». Пилоты стреляли длинными очередями и поливали из пулемётов всё то, что виднелось внизу.

Иногда, истребители шли почти над землёй. Они пронеслись над песчаными пляжами и палили по беспомощным

людям. Красноармейцы лежали бок о бок, как спички на длинной столешнице. Они не могли даже сдвинуться с места.

Чуть выше над Волгой, кружились десятки «лаптёжников». Они нападали на любую машину, танк или отряды пехоты, что двигались по улицам города. В глубине небосвода, парили ненавистные «рамы» и постоянно выискивали крупные цели.

Едва на фарватере появлялся корабль или же катер приличных размеров, как разведчики вызывали артиллеристов по радио и выдавали координаты данного судна. Нужно сказать, что пушкарки бесноватого Гитлера стреляли удивительно точно.

Большие фугасы прилетали с проклятого запада. Со свистом и шелестом они падали в воду по близости от теплоходов, вместительных барж или внушительных лодок с мотором.

Гремели ужасные взрывы. Ударные волны рвали железо в мелкие клочья. Поднимали обломки к белёсому небу и швыряли в разные стороны всё, что находилось внутри. Иногда, это было оружие, снаряжение и продовольствие, но чаще всего, мелькали останки солдат, спешивших в разрушенный город.

От таких попаданий, баржи с горючим тотчас занимались дымным огнём. Горящее озеро нефтепродуктов разливалось по Волге. Оно плыло вниз по течению, сжигая всё то, что

попадалось на длинном пути.

И левый и правый берег реки, подвергались обстрелу из крупнокалиберных пушек. В гудящем от напряжения воздухе свистели большие снаряды. Горячие осколки фугасов летели в несчастных людей, оказавшихся рядом.

Здесь не имелось траншей и землянок, где могли бы укрыться бойцы. Во-первых, их некому было копать, а во-вторых, вода находилась рядом с поверхностью пляжа. Она тотчас заливала каждую ямку.

Меж «тяжёлыми» ранеными и увечными красноармейцами бегали бледные девушки в когда-то белых халатах. Санитарки металась по длинному пляжу и пытались хоть чем-то помочь искалеченным людям.

Их было мало, а тех, кто нуждался в лечении, удивительно много. Так что, бедные медики просто падали с ног от усталости. Похоже, что смены для них, в ближайшее время, уже не предвиделось.

Хорошо, что время от времени, они находили в себе толику сил. Забирали умерших бойцов и, волоком таща по песку, уносили куда-то в сторонку. Делалась это лишь для того, чтобы на свободное место устроить того, в ком ещё теплилась жизнь.

Как только сильно стемнело, движение на переправе усилилась. Число теплоходов и лодок значительно выросло. Яков снова попал в тот ужасный кошмар, который он пере-

жил всего лишь три ночи назад.

Вот только, тогда он был крепок, здоров и полон энергии, а теперь оказался совершенно беспомощным. Его подняли с земли, словно бревно и погрузили на маленький катер, заполненный до последних пределов.

Здесь были бледные от голода женщины, старики и старухи, а так же дети всех возрастов. От постоянно вопящих младенцев, до очень худых, неуклюжих подростков.

Звбитый людьми, перевозчик сдал низкой кормою вперёд. Он развернулся на месте и, виляя из стороны в сторону, рванулся к левому берегу Волги. Висящая в небе, чёрная «рама» заметила его продвижение. Пилоты-разведчики дали команду своим пушкарям и стали работать корректировщиком стрельб.

Через короткое время, к артиллеристам фашистов присоединились «лаптёжники». Сверху посыпались снаряды и бомбы. Возле бортов часто вспухали фонтаны кипящей воды. Они на миг зависали в остывающем воздухе и обрушивались на открытую палубу.

Волны бурным потоком проносились по доскам, избитым осколками с пулями, и возвращалась в родную стихию. Они норовили смыть всех людей, что находились поблизости.

Кораблик швыряло, как в бушующем море. Каким-то неведомым образом, он всё никак не тонул. После воздушной атаки, катер сразу выравнивался и резво двигался дальше.

Яков лежал на мокром настиле. Вокруг находились десятки гражданских. Все что-то тихо шептали и закрывали глаза каждый раз, когда рядом гремел ужасающий взрыв.

Послышался вой «пикировщика». Перед глазами зенитчика вдруг появился прицел. Парень сильно задёргался. Он непроизвольно задвигал руками, будто крутил маховик вертикальной наводки орудия.

Яков «поймал в перекрестие» атакующий «юнкерс» и крикнул сорванным голосом: – Пли! – В голове полыхнул стукоток всёсокрушающей боли. Офицер провалился в безмолвную тьму.

Новый мучительный приступ, лейтенант испытал, когда его снова подняли на руки, уложили на плащ-палатку и понесли через остров под названием Зайцевский. Добравшись до главного русла, санитары сняли парня с брезента и устроили на жёсткой земле.

Ощувив под собой твёрдую, неподвижную плоскость, Яков снова лишился сознания. Он был в забытьи до тех самых пор, пока его не стали грузить на подошедший корабль.

Теплоходик рванулся через главный поток шириною в один километр. В небе опять появились «лаптёжники». Они нападали ещё несколько раз. Теперь ужасная мука длилась значительно дольше, чем под вблизи Сталинграда.

Таким образом, Яков то вдруг терял, то обретал связь с реальностью. Наконец, он как-то понял, что его привезли на

«полуторке» к Ахтубе. Зенитчик даже запомнил, как въехали на убогий паром, и переплыли неширокий рукав великой реки.

На двух берегах той протоки стояли «ручники» Дегтярёва и без остановки строчили в белесое небо. Сверху падал очередной «пикировщик» с тнвтонскими крестами на крыльях. Он поливал огнём переправу и пытался попасть увесистой бомбой в маленький плот.

Затем, машина оказалась на суше и поехала в гору, к посёлку «Верхняя Ахтуба». На станции железной дороги Якова снова подняли. Занесли в обычный плацкартный вагон и, как очень «тяжёлого» уложили на нижней койке в открытом купе.

Во всех проходах устроили раненых, способных двигаться самостоятельно. Те из них, кто не мог уже больше стоять, сидели и неподвижно лежали на грязном полу.

Часа через два, погрузка успешно закончилась. Эшелон, собранный из санитарных вагонов, тронулся с места. Стуча колёсами на раздолбанных взрывами стыках, он двинулся на юго-восток, к посёлку «Верхний Баскунчак».

К той самой маленькой станции, которую зенитчик с земляками-бакинцами удачно объехал в «полуторке» НКВДешника. Хорошо, что у «синих фуражек» нашлось тогда место в маленьком кузове.

Поезд медленно шёл, а вернее сказать, еле-еле тащился.

Мало того, он вдруг замирал каждые несколько вёрст. За те несколько дней, что Яков был в Сталинграде, здесь совсем ничего, не изменилось в лучшую сторону. Составы на обоих путях, стояли вплотную друг к другу.

Так же, как прежде, на запад направляли здоровых крепких людей и новую, с иголки, технику. Оттуда везли только раненых или гражданских, бегущих от фрицев. И те и другие смотрели на встречный поток, но все угрюмо молчали.

Свежие военные части пользовались большой привилегией. Путьцы их пропускали в первую очередь. Иногда открывались короткие «окна» в другом направлении.

Тогда санитарный состав устремлялся вперёд. Он проезжал какой-то участок железной дороги и опять замирал. Стоя в голой степи, он собой представлял неплохую мишень.

Советские истребители куда-то исчезли в начале жаркого лета. Они до сих пор, почти не мелькали над пыльной землёй. Самолёты фашистов свободно летали над трассой. Они бросали тяжёлые бомбы на составы и станции и стреляли из всех пулемётов.

Им было совсем безразлично, кто там внизу, кадровые военные, идущие на битву с врагом, или же просто гражданские, бегущие в тыл? Не замечали они и красных крестов, нарисованных на крышах теплушек.

Им не было разницы, кто из советских людей погибнет сегодня, а кто только завтра? Главное, побыстрее очистить прекрасную землю от всех «утерменшей». Ведь именно здесь,

должны расселиться арийцы, представители высшей, человеческой расы.

Если санитарный состав шёл по путям то, услышав вой самолётов, машинисты тотчас тормозили. Медики бросались наружу и, словно юркие мыши скрывались в ближайших оврагах. За ними спешили те раненые, кто был способен хоть как-то ходить.

А вот все «тяжёлые» оставались на месте. Те, кто мог шевелиться, сворачивались в плотный комок и прижимались к наружным стенкам вагона. Все очень надеялись, что длинные строчки из пуль пройдут по оси длинного поезда и не заденут их тело.

Всем прочим, не удавалось свершить даже такого простого движения. Они лежали пластами. Одни лишь молились всевозможным Богам. Другие смотрели на потолок застывшими от страха глазами и бормотали такие ругательства, какие приходили на память.

Налёты фашистов случались с таким интервалом, что можно было, сверять ручные часы. Причём, производились они помногу раз за день. Далеко не всем пассажирам удавалось их пережить.

Бегущие от войны, горожане гибли от взрывов авиабомб, попадавших в вагоны. Их настигали осколки, летевшие в разные стороны, и кусочки свинца, посылаемые фашистами с неба.

Многие люди умирали от тяжких ранений, полученных ещё в Сталинграде, а так же от новых увечий, что настигали в пути. Санитарный состав, забитый у Волги до последних пределов, каждый день избавлялся от холодеющих тел. Их выносили наружу и клали длинным рядочком вдоль длинных путей.

Время от времени, появлялись мобильные отделения железнодорожных бригад. Так же, как и везде, бойцы разъезжали на разбитых «полуторках». Они собирали покойников в открытые грузовые платформы. Везли в ближайшую балку и хоронили, немного присыпав серой землёй.

Постепенно вагон освободился настолько, что на грязном полу никто не лежал. Все размещались на полках второго и первого яруса. На третий, раненым воинам не удавалось забраться.

К этому времени, Яков уже вернулся в сознание. Чувствовал парень себя значительно лучше. Голова не трещала так сильно, как раньше. Боль и шум, терзающий уши, можно было терпеть.

Зенитчик вдохнул застоявшийся воздух и неожиданно понял, что обоняние снова включилось. Осеннее солнце раскалило вагон до сорока с чем-то градусов, если не больше.

В нос резко ударила сильная вонь. Лейтенанта едва не стошнило от жутких миазмов. Несло кислым потом, давно уж немытых человеческих тел, отходами жизнедеятельности

многих людей и отвратительным гноем, текущим из ран.

Едва удержав мощный рвотный позыв, Яков поднял опухшие веки и осознал, что он оказался в медицинском вагоне. В памяти парня всплыли слова санитаря, стоявшего перед ним, какое-то время назад:

– Осколок сидит в кости черепа. Поэтому, мы не тронули эту железку. Дали лекарство, снижавшее острую боль, и зашили разрез на голове. У вас сотрясение мозга. Сейчас очень нужен продолжительный отдых. Лежите спокойно и старайтесь не двигаться, хотя бы первые дни.

Врачи осмотрели солдата, лежавшего справа на полке, в том же купе. Всем сразу стало понятно, его нельзя поднимать и нести в операционное отделение состава.

Оно находилось в нескольких вагонах отсюда. Пока доставишь больного туда, он уже точно умрёт. Медики поговорили на древней латыни и твёрдо решили, нужно резать на месте.

Сделали красноармейцу пару больших уколов новокаина. Положили бедняге на нос кусочек бинта, смоченный хлороформом. Подождали минуту, пока боец не уснёт, и открыли железную банку. В ней были стерильные инструменты, которые принесла медсестра.

Хирург взял длинный скальпель и привычным движением, разрезал грудную клетку солдата. Он удалили приличных размеров осколок, засевший у правого лёгкого. Зашил глубокую рану, устроил дренаж и наложил небольшую по-

вязку.

Яков вспомнил о той операции, что проводили в купе: – «Как там этот солдат? – подумал зенитчик и очень медленно повернул гудящую голову. Скосив глаза на соседнюю полку, лейтенант удивился до крайности. Там лежал тот самый любопытный боец из его батареи.

Рана у Павла пошла на поправку. Теперь он дышал не так трудно и хрипло, как раньше. Однако, был до сих пор без сознания и выглядел просто ужасно. Полуседая щетина росла на лице и оттеняла бледные, впалые щёки. Синюшные губы сильно потрескались и покрылись коростой.

– «Какое странное стечение судеб?» – удивлённо подумал бакинец: – «Вместе с ним воевали на одной батарее. Вместе прошли через ад переправы и оказались рядом на койках, в одном санитарном вагоне.

Расскажи кому, не поверят. Сразу заявят: – Заврался зенитчик! Такого не может случиться на фронте, протяжённостью в тысячи вёрст! – хотя то, что мы пережили в городе Сталина, невозможно представить себе!»

Посмотрев на нижнюю полку, расположенную через проход от купе, парень увидел сержанта лет двадцати. Он был одет в замасленный комбинезон чёрного цвета. Танкист сидел, прислонившись к стене, и спокойно смотрел на лежащего пластом лейтенанта.

Яков вполголоса поздоровался с ним. По реакции моло-

дого соседа парень вдруг понял, тот его слышит, но судя по неподвижному взгляду, совершенно не видит.

С неба раздался вой самолёта фашистов. Следом послышался долгий гудок паровоза. Поезд со скрежетом затормозил и замер среди голой степи. Все, кто мог ходить, принялись суетиться. Они поднялись на ноги и со всей возможной скоростью, двинулись в сторону тамбуров.

Стараясь не мешать пассажирам, танкист убрал босые ступни из прохода, и привычно свернулся калачиком на своей нижней полке. Яков знал, зачем люди торопятся к выходу?

Все очень хотели переждать атаку снаружи. Ведь шансов спастись там, значительно больше, чем внутри санитарного поезда, неподвижно стоящего у всех на виду.

Парень хотел рвануться за ними. Попытался подняться. Понял, что не сможет этого сделать и, положившись на злодейку-судьбу, остался на месте.

Когда все «ходячие» освободили вагон, Яков прислушался и разобрал, что взрывы бомб и трескотня пулемётов доносились со стороны паровоза. Зенитчик решил, что пока нет особой опасности, и слегка успокоился.

Стараясь, отвлечься от грохота боя, он попытался завести разговор. Офицер окликнул танкиста и сразу представился: – Меня зовут Яков, а вас?

– Сержант Первов. – отозвался сосед и, хмыкнув, продол-

жил: – Хотя, теперь мы не в воинской части. Находимся в положении раненых. Поэтому, давай без чинов и фамилий. Если хотите, то можете звать меня Доля.

– Это что, ваше прозвище? – спросил лейтенант.

– Нет сокращённое имя. – отмахнулся танкист.

Зенитчик вспомнил далёкий Баку и своего одноклассника. Тот был в восьмом поколении греком чистых кровей. В те времена, Яков учился в простой семилетке. Дружил с чернявым потомком Гомера и частенько бывал в его шумном доме.

Парень вспомнил родню дорогого приятеля и сообщил: – Дядю моего соседа по парте все звали Долий, что значит – верный друг Одиссея, или большой сосуд для вина.

Как это ни странно, древний герой «Илиады» очень любил много выпить хмельного напитка. В такой ситуации, его странное прозвище соответствовало всем обстоятельствам. Как мне известно, – стараясь отвлечься, продолжал лейтенант: – данное имя происходит от какого-то древнегреческого или римского корня.

– Точно. – обрадовался чему-то танкист: – Первый раз мне встретился кто-то, кто слышал о столь редком имени. К сожалению, оно непривычно для русского слуха. Поэтому, дома меня все называли попросту – Доля. Я давно уж привык и теперь отзываюсь на сокращённое имя.

Остальные все думают, что это обычная кличка. То есть, часть чего-то большого, или же участь, судьба. Я, лично, не

против и таких толкований. Но если меня об этом не спросят, то не спешу объяснять, что здесь и как.

Закончив с необычным знакомством, Яков задал новый вопрос: – А почему, ты не вышел наружу, как все остальные?

– Я был мехводом на «Т-34» и воевал в западной части города Сталина. Пять дней назад, ближе к раннему вечеру, в танк прилетел крупный снаряд. Грохнуло так, что я получил большую контузию и перестал что-либо слышать. Чувствую только, что машина горит, и скоро огонь доберётся до тела.

Я ошупью вылез из люка механика. Откатился в сторонку, и тут рядом со мной упала крупная мина. Потом, детонировала боевая укладка. От всех этих взрывов, к небу взметнулось большое облако пыли, и мне очень плотно забило глаза.

Когда я очнулся, воздух немного очистился, и стало возможно дышать. Протёр я зенки руками, и понял, что совершенно не вижу. Как на грех, и наши и фрицы стреляли с разных сторон. Где свои, где чужие, ничего непонятно?

Лежу там и думаю: – «Я нахожусь на нейтральной земле. Слепой, словно крот и совершенно не знаю, куда мне нужно ползти? Вокруг идёт нешуточный бой. Так что, вряд ли какой санитар полезет спасать бедолагу.

Скорее всего, фрицы заметят, как я тут лежу, и шлёпнут за милую душу. Чем просто сидеть и ожидать пули от фашистского снайпера, лучше покончить с собой одним махом».

Я вынул «Наган» из поясной кобуры. Взял курок револь-

вера и поднял дуло к виску. Тут сзади, кто-то схватил меня за руку и кричит в самое ухо: – «Перестань валять дурака!»

В голове у меня сильно гудело, словно от огромного колокола, но кое-как разобрал, что это голос моего командира. Он тоже успел покинуть машину. Увидел, как я хочу застрелиться, и успел отвести ствол в сторонку от черепа.

Короче говоря, вытащил он меня к нашим окопам и за руку отвёл к переправе. На другом берегу я попал в медсанбат. Врачи посмотрели глаза. Сказали, что с ними всё в полном порядке, но я получил травму мозга. Современные медики не могут мне чем-то помочь.

Правда, потом, меня всё же, слегка успокоили. Говорят, мол, были подобные случаи, когда зрение вдруг возвращалось само по себе. Сам понимаешь, такой я на фронте не нужен, вот меня и отправили в тыл.

При первом налёте, я тоже хотел выйти наружу, а затем, вдруг подумал: – «Что я же буду мешаться под ногами у зрячих? Вдруг не позволю кому-то спастись? К тому же, я могу заблудиться и отстать от санитарного поезда.

Кто тогда меня будет лечить? Таких убогих, как я, теперь по России многие тысячи. Врачей на всех нас не хватит. А так, или убьют прямо в вагоне, или доеду до нужного места. Оттуда, как-нибудь доберусь до дома родителей.

– А, где ты жил до войны? – спросил лейтенант.

– В Горьковской области. Княгининский район, колхоз

«Красные Лебеди». Никогда не слыхал?

Яков ответил, что сам он родился в Баку, столице Азербайджана. До этого года, никогда нигде не бывал. Поэтому, точно не знает, что и где в России находится. Хотел зенитчик спросить, куда они едут, но благоразумно решил, что вряд ли ослепший танкист знает об этом.

Непонятно зачем, он посмотрел на немецкий хронометр, висевший на левом запястье. Он поразился сразу двум невероятным вещам. Во-первых, что дорогие часы никто не снял по дороге и они до сих пор у него на руке.

А во-вторых, они продолжали идти. То ли, сам заводил по привычке, когда иногда, возвращался в сознание? То ли, так поступал, какой-нибудь очень честный сосед по вагону, чтобы после узнать, сколько же время сейчас?

Зенитчик взглянул в пыльные окна вагона. Парень сориентировался по солнцу и стрелкам хронометра и с удивлением понял, куда направляется поезд. Он шёл не на северо-запад, куда нужно сержанту, а на юго-восток. То есть, в обратную сторону.

Яков немного подумал, но не сказал слепому танкисту о данном открытии. Не стал его сильно расстраивать. Вместо этого, лейтенант перевёл разговор на войну. Он рассказал, как его батарею спасли новые танки, что в нужный момент, выехали из ворот Сталинградского тракторного.

Сержант оживился и вдруг сообщил: – Кстати, за день

до ранения, я тоже был возле главного цеха. Накануне, наш полк столкнулся во встречном бою с немецкими «панцерами».

Мы здорово потрепали друг друга, но нам удалось оттеснить проклятых фашистов и занять их позиции. За нами осталась нейтральная полоса и все железяки, что на ней находились.

Сильно разбитые танки, в первую очередь, плохие машины «Т-2», пехота забрала себе. Зарыла в землю до верха моторной платформы, и стала использовать, словно обычные «ДОТы».

Из любопытства, я однажды залез в такую «коробку» и удивился, что там очень свободно, будто сидишь в кабинете. Не то что, в нашей «тридцатьчетвёрке». Хотя, если сделать просторную башню, то нужно мотор туда ставить гораздо сильнее.

А где его взять? И так в нём пятьсот лошадей. Да ладно, что об этом триндеть? Пусть тесно, зато броня значительно толще и пушка мощней, чем у фрицев. – успокоил Доля себя и вернулся к началу рассказа.

– Одним словом, после той заварухи мы осмотрели машины. Семь битых танков, можно было ещё починить. Командир батальона сказал, чтоб мы отогнали «коробки» в ремонт. У одних, башню заклинило, у других, пушка залипла в одном положении, у третьих, проблемы с дизелем или транс-

миссией.

Мы подождали, пока стало темнеть, и вышли из развалин домов, где прятались от немецких «лаптёжников». Взяли друг друга на крепкий буксир, вытянулись походным порядком, и поспешил к заводу, где раньше делали тракторы.

Двигаемся по сожженному городу в нашем глубоком тылу. Вокруг ни единой души. Ни военных тебе, ни гражданских. На одном из пустых перекрёстков, из улочки вдруг появились четыре «тридцатьчетвёрки» с красными звёздами. Они лихо втиснулись в нашу колонну, и мы общим строем катимся дальше.

Наши радики были разбиты, спросить по радио мы их не можем, а вылезать наружу из башни никому неохота. Хоть и едем по своей территории, а вдруг, где-то рядом спрятались снайпер фашистов? Зачем же идти на рожон? Вот мы и думаем: – «Мало ли что? Может, ребята из другого полка? Они, как и мы, тоже идут на починку».

Минут через тридцать, мы добрались до завода и ввалились гурьбой на площадку, разбитую перед цехом ремонта. Все гуськом потянулись к открытым воротам и забыли следить за приبلудами, приставшими к нам по дороге.

А те мерзавцы отошли от колонны. Разъехались в стороны и встали по разным углам. Затем, развернулись пушками к центру и стали палить в четыре ствола. По людям, по зданию, по искорёженным танкам.

Мы все сидим в своих тесных «коробках». Ничего толком не видим и не можем понять, что же творится снаружи? Мы ведь находимся в глубоком тылу. Так кто там стреляет, откуда, в кого и зачем?

Тем временем, фрицы работали без передышки и лупили по нам прямо в упор. Убили много рабочих с танкистами. Сожгли пару-тройку приличных машин, которые только нуждались в мелком ремонте. Разрушили кирпичную стену и повредили уйму станков.

Много они бед натворили, пока мы не поняли, что и к чему. Пока не взялись за дело всерьёз и не сожгли их всех четверых. Один уже загорелся, а всё никак не уймётся. Горит дымным пламенем, но прёт прямо на наших. Пошёл на таран и смял «тридцатьчетвёрку» чуть раньше, чем самому башню взрывом снесло.

Долго мы потом удивлялись. Ну, мы-то понятно, нам некуда уходить с нашей отчей земли. Мы защищаем её до последней кровиночки. А фрицы-то что? Ведь они же просто захватчики. У них всех должны быть, другие мотивы. Главное, для таких оккупантов, выжить в начавшейся бойне и благополучно дождаться делёжки добычи.

Кроме того, одно дело, драться стенка на стенку, когда рядом чувствуешь локоть товарища. Совершенно другой колленкор, забраться в гущу врага, и сгинуть в такой мясорубке, как камикадзе японцев.

Но, как нам говорил капитан, на Дальнем Востоке особый

отбор на верность фашистской идее. Их долго учат особенным образом. И, где только фрицы набрали таких добровольцев, готовые пойти на верную смерть? Никому неизвестно.

Опять же, с немцами тоже, всё ясно. Слепая любовь к бесноватому Гитлеру. Германия превыше всего, и прочие бредни о высшей расе арийцев и господстве над миром. А зачем вот припёрлись в Россию остальные их сателлиты: Италия, Румыния, Хорватия, Венгрия. Я слышал, здесь даже финны имеются.

Ну ладно, можно подумать, мол, они тоже надеются на кусок пирога, но ведь на каких удивительных танках они тут воюют? Это же древняя убогая дрянь. Авиационные пушки двадцать-двадцать пять миллиметров, лобовая броня только двенадцать.

Да наши 76-ти миллиметровые «чушки» пробивали их, словно картонные. Ведь верная гибель идти на подобных «коробках» в атаку, а они лезут вперёд, очертя свою буйную голову.

– «Лапёжники» тоже летят на зенитки с неслыханной яростью, словно их никакой снаряд не берёт. – сказал задумчивый Яков. Затем, помолчал и закончил той фразой, что слышал от преподавателей в бакинском училище:

– Верность идее и патриотизм, конечно, могут играть определённую роль, но мне лично кажется, что главную скрипку здесь ведёт «первитин». Насколько я знаю, его дают

фрицам. В первую очередь, танкистам и лётчикам.

– А что это такое? – удивился сосед, который впервые услышал это странное слово.

Парень тотчас объяснил, как действует данный наркотик, и какие последствия от него появляются. Заодно, он посоветовал, никогда не принимать это снадобье внутрь.

В качестве простого примера, лейтенант описал, как фашисты, напали на его батарею. Как фрицы кидались в атаку за целую сотню шагов, и дрались настолько жестоко, словно хотели поскорей умереть. В заключение, Яков поведал, какие большие зрочки были у мёртвых пехотинцев врага.

– Теперь мне понятно, почему они бьются, как черти. Будто хотят прямо отсюда попасть в свои райские кущи. – задумался Доля.

– Насколько я помню, – вставил тут Яков: – у древних германцев и скандинавов они назывались Вальхалла. Там боги построили небесный город Асгард, а в нём возвели прекрасный чертог для доблестных воинов, павших в бою.

Сержант помолчал, а потом снова вернулся к рассказу: – После того, как сожгли всех фашистов, подъехавших к ремонтному цеху, мы посчитали потери. Выяснилось, что в перестрелке погибло много танкистов, местных водителей, а так же механиков.

То есть, подбитые наши «коробки» стало некому уже ремонтировать, а новые «тридцатьчетверки» некому гнать, в

танковый полк. Обычно, экипаж приходил на завод в повреждённой машине. Он брал те, что готовы к отправке. Складывал в них оставшийся боезапас и отправлялся к линии фронта.

Теперь на заводе людей почти не осталось. Поэтому, сначала мы помогали ремонтникам навести порядок у цеха. Потом, тем экипажам, что остались в живых, пришлось разделиться и сесть в разные танки.

В некоторых «коробках», вообще оказалось, по одному человеку. Плюс ко всему, машины только сошли с заводского конвейера. В них не имелось снарядов для пушки и даже патронов для пулемёта.

Выехали мы цепочкой из дальнего цеха. Смотрим, чуть вдалеке стоит батарея зениток. Вокруг неё кипит рукопашная, а мы совершенно ничем, не можем помочь нашим ребятам.

Порычали моторами, сделали вид, что строимся в боевой распорядок. Глядь, немцы все повернули и помчались назад. Ну, думаю: – «Слава Христу! А то пришлось бы кидаться в ту драку только с голыми траками».

– А когда это было? – спросил настороженно Яков.

– В аккурат, в день начала учебного года, первого сентября. – ответил сержант.

– Так значит, мы ещё там, с тобой могли встретиться? – удивился зенитчик.

– Могли! – мрачно откликнулся Доля: – Если б у нас был

боекомплект. Танк, он только с виду отчаянно грозный. Он конечно, большой молодец, когда бьётся на открытом пространстве, да против пехоты, которая не успела хорошенько зарыться в земле.

А среди высоких домов, он живёт столько же, сколько обычный солдат. Не более трёх полных суток. Чаще всего, просто сгорает вместе с людьми. Даже такой агрегат, как «Т-34» и тот, очень недолго воюет.

– Знаю. – хмуро сказал лейтенант: – В том жутком бою, мы сами сожгли два таких агрегата, с крестами на башне.

Словно не слыша зенитчика, Доля продолжил: – Мне ещё повезло. Продержался ровно неделю, а когда всё же подбили, смог без увечий вылезть наружу.

Иной раз, машина горит, а вокруг идёт такая стрельба, что экипаж даже не может и нос из неё показать. Оно и понятно, пока ты маячишь на башне, в тебя все палят, словно в тире.

– Так ведь у танков имеется люк, установленный в днище. – удивился зенитчик.

– Есть! И высокий клиренс машины вполне позволяет выбраться через него. Но на окраинах Сталинграда уже нет даже ровного места. Кругом большие воронки от бомб и кучи битого камня. Да ещё множество трупов лежит друг на друге.

Иной раз, все улицы и пустыри сплошняком покрыты покойниками. Едешь прямо по ним и только по форме можно понять, здесь наши легли, а здесь уже фрицы.

Сержант вдруг резко озлобился и почти крикнул зенитчику: – Так что, хрен его знает, где нижний люк удастся открыть! Обязательно во что-то упрётся. Вот и приходится лезть через верх. – танкист отвернулся к стене и надолго умолк.

Состав продвигался, не быстрее инвалида в тяжёлой коляске. За пять долгих суток поезд прошёл менее двухсот километров. Причём, все это время он подвергался атакам фашистских стервятников.

К счастью зенитчика, его санитарный вагон оказался одним из очень многих подобных. Он находился в сплошной веренице таких же собратьев. Сверху они были очень похожи один на другой.

Поэтому, немецкие лётчики били по тем, что подвёрнуты под руку и не следили за их очередностью. Гитлеровцам оказалось без разницы, кого они уже обстреляли, а кого ещё нет. Главным было для них, нанести наибольший урон живой силе врага. Плевать, если им попадались обычные гражданские люди.

Добравшись до станции «Верхний Баскунчак», поезд встал у развилки железной дороги и торчал рядом с ней ещё один день. После чего, снова тронулся в путь.

Только свернул не на юг, как надеялся Яков, а устремился в противоположную сторону. Теперь он направился точно на север и неспешно тащился к посёлению «Пушкино». До него

оказалось целых четыреста вёрст.

Ветка отстояла от Волги почти на двести км, но по ней подвозили большую часть советских солдат и воинской техники. Поэтому, фрицы бомбили её с невероятным упорством.

Так же, как и другую дорогу, по которой недавно проехал санитарный состав. Массированные налёты фашистов продолжались до середины пути, а потом неожиданно кончились.

– «Скорее всего, все самолёты фашистов кружатся сейчас над городом Сталина и его ближайшей окрестностью». – решил лейтенант: – «Да и зачем, летать так далеко и тратить ресурс у воздушных машин?»

Противник сам подойдёт на нужное тебе расстояние. Нужно разрушить железнодорожную насыпь в одном единственном месте. Эшелоны собьются в плотную кучу, и можно, бить их какой только хочешь, на выбор».

Пятнадцатого сентября, поезд прошёл узловую железнодорожную станцию. До начала войны здесь находился посёлок под названием «Урбах». Лишь год назад, все поволжские немцы были срочно подняты с места и депортированы в дальние части страны. Кто-то из них попал в Казахстан, а кто-то в Сибирь. Как они там устроились в необжитых местах, никто даже не думал об этом.

Опустевшему месту дали новое имя и почему-то назва-

ли его в честь великого Пушкина. То ли, он здесь бывал когда-то проездом, когда изучал историю Пугачёвского бунта? То ли, просто избрали нечто нейтральное? Никаким боком не связанное, ни с внешней политикой, ни с теми людьми, что жили в этой степи, в прежнее время.

Здесь эшелоны повернули на запад, прошли семьдесят шесть километров и въехали на новенький мост через Волгу, который построили лет восемь назад. Он оказался длиной почти в две версты. Внизу, на расстоянии четырнадцать метров, протекала большая река. Рухни состав с такой высоты, от него ничего не останется.

Обеспокоенный Яков глянул в окно. Парень заметил, что возле крайней опоры стоит батарея из четырёх зенитных орудий. Это были такие же пушки калибром 85-миллиметров, что были у лейтенанта в городе Сталина. Только вместо суровых мужчин, возле них находились расчёты, состоящие из молоденьких девушек.

Вокруг не темнели воронки от бомб и снарядов. Яков с облегчением понял, что «лаптёжников» фрицев здесь ещё даже не видели. Далековато для них. А если бомбардировщики сюда и являлись, так только двухмоторные «юнкерсы», «хейнкели» или «дорнье».

Но чтобы не угодить под шрапнель, они должны все держаться на очень большой высоте. С восьми, а то и с девяти тысяч метров, мост выглядит тоненькой ниточкой. Попасть в него почти невозможно. Значительно проще бить по жилью

и заводам. Это причинит неприятелю огромный урон.

Поезд спокойно проехал по мосту через Волгу. Добрался до небольшого Саратова и замер на тихой маленькой станции. Несмотря на размер населённого пункта, здесь было достаточнолюдно, но, самое главное, не слышалась канонада орудий.

Всюду царило такое спокойствие, что Якову вдруг показалось, будто он, наконец-то, вернулся в Баку. Причём, в то благословенное время, в котором не знали войны.

Вот только, всё это было не так. Вокруг находились сотни калек в кроваво-грязных бинтах. Они не позволяли забыть лейтенанту о том, что сейчас в Сталинграде ведётся жуткая бойня.

Через час ожидания, появились местные медики. Большую часть прибывших раненых, тех, что «полегче», быстро увели на перрон и отправили в госпиталь, расположенный рядом.

Почти пришедшего в себя, лейтенанта эскулапы не взяли. Не тронули ослепшего Долю и любопытного Павла, который стал иногда возвращаться в сознание.

К позднему вечеру, на вокзал привезли партию очень «тяжёлых». Их уложили на свободные полки и сообщили, что утром, состав отправится дальше на север, в город под названием Куйбышев.

– «Нельзя нам здесь оставаться до наступления ночи». –

невольно подумал зенитчик: – «Не ровён час, нагрянут самолёты фашистов. Начнут сыпать бомбами, и погибнешь, в глубоком тылу, ни за грош».

Однако, никто из начальства, почему-то, не спрашивал его компетентного мнения. Эшелон и не тронулся с места. Пришла осенняя тьма, и всё случилось именно так, как представил себе обстрелянный на фронте зенитчик.

Ближе к двенадцати, послышался вой до боли знакомой сирены. Динамики громко сказали: – Граждане, воздушная тревога! – и чуть погодя, начался воздушный налёт.

Вспыхнуло множество прожекторов большого диаметра. Лучи ударили вверх и пошли прочёсывать небо широкими полосами. То один, то другой белый конус, захватывал самолёты со свастикой, неспешно летящие на большой высоте. Ослепительный свет проявлял их на чёрном, бархатном фоне, и провожал до тех самых пор, пока они не уйдут от маленькой станции.

Забухало с десятков орудий, разбросанных по ближайшим окрестностям. В зенит полетели снаряд за снарядом. Один за другим, вспухали вспышки разрывов. Облака из картечи стремглав разлетались во всех направлениях.

Попавшие под плотный огонь, пилоты фашистов забыли о заданной цели. Они торопливо нажали на красные кнопки гашеток. Открылись широкие люки в днищах машин. Вниз полетели многие тонны смертоносного груза.

Самолёты метнулись в разные стороны. Они провели противозенитный манёвр и поспешили убратся в благословенную тьму. Часть фашистских стервятников получила пробоины в корпусе. Дымя своими моторами, они повернули на запад.

Один крупный снаряд попал в хвост ближайшего к станции «хейнкеля». Потеряв оперение сзади, «бомбёр» утратил возможность манёвра. Оглашая окрестности душераздирающим воем, он устремился к земле.

От фюзеляжа с крестами вдруг отделилось несколько маленьких точек. Над ними раскрылись купола парашютов. Лётчики из сбитой машины повисли над городом.

Каждого из них захватил луч прожектора и повёл вниз настолько, насколько позволили здания, стоявшие рядом. К месту посадки пилотов, рванулась милиция и патрули Красной Армии. Бойцы рассыпались цепью по улицам и стали искать приземлившихся фрицев.

Множество сброшенных бомб обрушилось на жилые кварталы. Они упали на большие дома, окружавшие станцию, на железнодорожные насыпи и поезда, стоявшие рядом друг с другом.

Сотни килограммов тротила взрывались с оглушающим звуком. Спрессованный воздух разносил в щепки всё, до чего мог дотянуться. Поверхность степи задрожала, как в ходе землетрясения.

Тысячи огненных струй взвились в тёмное небо и подожгли всё вокруг, что могло загореться. К жаркому смерчу рванулись струи холодного воздуха. Слабый ночной ветерок неожиданно резко усилился. Пылавшие головни срывались с огромных пожарищ и разносились в разные стороны. От них занимались другие постройки.

Огонь стремительно ширился и быстро захватывал квартал за кварталом. Пожарники бесстрашно работали в этом аду. Они тащили длинные толстые шланги и с помощью двухручных насосов пытались тушить бушевавшее пламя.

Одна из внушительных бомб попала в тот поезд, где размещался зенитчик. Тяжёлый фугас громынул ужасающим шумом. Плацкорт с полусотней бойцов тотчас превратился в облако плазмы.

Другие вагоны, что стояли поблизости, немедленно смялись в лепёшку. В них находилось множество раненых, приехавших из Сталинграда. Всех тут же убили удивительно мощные ударные волны.

Разорванный на половины, состав содрогнулся от такого удара. Буфера громко лязгнули. Задняя часть эшелона тронулась с места и, набрав приличную скорость, пошла под уклон. Она устремилась к локомотиву, пыхтящему под сортировочной «горкой».

Столкновение паровоза и поезда, не сулило чего-то хорошего. Котёл, наполненный паром, мог разлететься в куски. Тогда тучи осколков изрешетили бы все эшелоны, стоящие

рядом.

Откуда-то выскочил чумазый путеец. Мужчина схватил тормозную колодку, лежавшую рядом на насыпи. Стрелой метнулся к железнодорожным путям и положил тяжёлый «башмак» на блестящие рельсы.

Катящееся вперёд, колёсо тотчас натолкнулось на прочный упор. Оно перестало вращаться, затормозило и пошло дальше юзом. Раздался отвратительный скрип двух железных частей, яростно трущихся одна о другую. Вагоны остановились в нескольких метрах от локомотива. Крушения удалось избежать.

Заключение

К утру, сильный пожар удалось потушить. Работавшие полночи, ремонтники растащили обломки сгоревших вагонов и восстановили пути. Санитарный состав двинулся дальше. Он шёл прямо в Куйбышев.

Насколько знал Яков, с октября 1941-го года, по апрель 1942-го, данный промышленный город был «запасным центром» СССР. Туда перебралось Правительство и представители зарубежных посольств, находящихся в то время в стране.

В Москве оставался лишь Сталин со своими соратниками и Ставка Главнокомандующего. После разгрома фашистов на подходе к столице, всё руководство вернулось в свои кабинеты в Кремле.

Яков глянул в окно. Саратов исчез далеко позади. Только теперь, лейтенант убедился, что, наконец, он оказался в тылу. Впереди было двухмесячное лечение в госпиталях и благополучное избавление от жесточайшей мигрени.

После выздоровления, его назначили командиром на батарею зениток, стоявшую в городе Горьком. Вместе с ней, Яков двигался вслед за линией фронта, и вёл бои с авиацией фрицев. Так продолжалось вплоть до прихода долгожданной Победы в 1945-м году.

Война для Якова закончилась в Чехии, недалеко от границы Словакии. Оттуда он, уже капитаном, вернулся на Родину. Устроился в городе Куйбышеве. Женился, стал жить, успешно работать и растить двух сыновей.

Главы, не вошедшие в роман

Спецшкола

В конце тридцатых годов двадцатого века, Германия невероятными темпами наращивала военную мощь. Каждые одиннадцать месяцев, в прежде тихой стране удваивалась численность армии. Италия Муссолини, а вместе с ней и Япония, упорно тянулись за Гитлером. Три «державы Оси» вооружались сверх всякой меры.

Правительство СССР не могло безучастно смотреть на милитаризацию Западной и Южной Европы, а так же восточной оконечности Азии. Советский народ затягивал свои пояса, напрягал последние силы и напряжённо готовился к предстоящим сражениям.

Военное руководство Союза Социалистических Советских Республик учитывало вероятность войны на обеих окраинах огромной империи. Оно делало всё что возможно, лишь бы сберечь территорию от чужеземной агрессии.

Ни разведчики, ни дипломаты не могли тогда точно сказать, где и когда враги нанесут жестокий удар? Нужно было искать какой-нибудь выход из сложившейся вокруг ситуации.

Вооружённые силы были растянуты вдоль всех рубежей, находившихся рядом с врагом. Они разместились от Сахалина на Дальнем Востоке, до балтийского острова Котлин, где расположен Кронштадт, от заполярного Мурманска, до Чёрного и Каспийского моря. А это, ни много, ни мало, 14500 километров сухопутных границ и 25 тысяч миль морских рубежей.

Пытаясь создать необходимую плотность войск в обороне, приходилось держать на всех опасных участках большое число военных людей с огромным количеством техники.

С боевыми машинами и другим снаряжением дела обстояли неплохо. Получилось достичь количественного превосходства над вероятным противником. А вот командиров с бойцами, получивших армейскую выучку, в РККА не хватало.

Оказавшись в таком положении, руководство страны приняло секретное постановление. В нём говорилось о срочном открытии средних специализированных военных школ и училищ. О парне, закончившем одно из таких учреждений, и пойдёт дальше речь.

Яков Малинин родился в Баку пятнадцатого июля 1924 года. В те далёкие годы, в столице Азербайджана жило много людей разных наций. Большую часть населения составляли русские люди. Следом за ними, по численности, шли азербайджанцы, армяне, евреи и другие народы великой держа-

вы.

Многочисленным гражданам нужно было всё время общаться между собой. Поэтому, они стали использовать язык Толстого и Пушкина. Граждане АзССР принадлежали к разным культурам и этносам. Поэтому и возник тот акцент, что сложился из множества других диалектов. Тогда говор южной республики узнавался очень легко, так же, как речь украинцев.

В 1938 году в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону и Одессе открылось шестнадцать средних артиллерийских спецшкол. Чуть позже, подобные учреждения появились в Баку, Ереване, Самарканде, Ташкенте и других городах.

В это же время, на просторах страны стали «крутить» кинофильм под названием «Юность командиров». В нём рассказали о многих вещах, что были весьма интересны тогдашним подросткам. Речь шла и о мальчишеской дружбе, и о первой светлой любви.

Кроме того, там хорошо осветили процесс воспитания офицеров РККА, Всё завершалось тяжёлым походом через горный хребет. Именно там, курсанты хорошо закалились не только физически, но и духовно.

На фоне больших приключений звучала прекрасная песня, написанная самим Дунаевским на слова баснописца Сергея Михалкова. Зрителям отлично запомнились звонкие строки:

Пусть тот, кто бесстрашен и молод,
Кто любит советский народ,
Пусть с первых рядов комсомола
К орудиям грозным встает.

Как все ребята тех лет, Яков смотрел ту картину несколько раз. Он сразу влюбился в мальчишечье братство, отлично показанное на белом экране. Парнишка быстро решил, что будет учиться в недавно открывшейся в городе артиллерийской спецшколе.

По тогдашним законам, туда принимали одних комсомольцев. Это было ему даже на руку. Подросток вступил в ряды ЛКСМ Азербайджана ещё год назад. Он слыл активистом, и с той стороны не имелось каких-то проблем.

В мае 1939 года, Яков с блеском окончил восьмой класс десятилетки и подал документы в военное учреждение. Первым делом, подросток заполнил большую анкету. В ней сообщалось великое множество данных самого разного рода.

Бдительные чекисты республики дотошно проверили всех членов семьи. Представители органов не нашли криминала в их окружении. Парнишка получил разрешение и принял участие в конкурсе на поступление в спецшколу.

Сначала пришлось пройти всех врачей. Кроме отбора придиричивых медиков, каждый должен был, показать отличную физкультурную форму и выполнить ряд упражнений на

всех спортивных снарядах.

Большое внимание комиссия обращала на то, есть ли у пришедших ребят знаки различных организаций того далёкого времени. Таких, было удивительно много – «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим».

А так же другие, более редкие, но от этого не менее важные военно-спортивные общества. Наш юный герой обладал приличной коллекцией подобных регалий и легко подтвердил все нормативы для школьников.

Как оказалось, вступительных испытаний там было неожиданно много. Преподаватели по математике, физике, химии и иностранному языку гоняли мальчишек и в гриву и в хвост.

К концу жаркого августа, экзамены, наконец-то, закончились. В назначенный день, Яков примчался к широкому стенду, который висел у дверей приёмной комиссии. Там обнаружился список тех претендентов, что успешно прошли очень строгий отбор.

Парнишка пробился сквозь плотную группу ребят. Глянул на доску и увидел в приказе свою простую фамилию. Едва удержав бурную радость, он выбрался из толчеи и чуть постоял среди шумного зала.

Спустя какое-то время, Яков всё же поверил, что он прошёл все испытания. Ведь это было непросто. Уж очень много подростков, хотели пробиться в спецшколу. Конкурс тогда

составлял более чем, пять человек на свободное место.

Такой наплыв пацанов объяснялся не только военной романтикой, влекущий мужчин во все времена. И не той пропагандой, которая бушевала вокруг. Да, она бурно выплёркивалась с газетных страниц. Кричала из чёрных тарелок всех репродукторов и лезла в глаза с белых экранов кино.

Но кроме широкой рекламы существовало ещё одно обстоятельство. И нужно сказать, оно было очень весомым. Этот существенный фактор тогда назывался – материальным обеспечением служащих.

В то давнее время, командиры РККА получали неплохую зарплату. В годы упорной учёбы, курсантов прекрасно кормили. Кроме того, они получали красивую добротную форму.

Одежда включала в себя: армейского вида фуражку с ярко-красной звездой, китель тёмно-зелёного цвета под широкий ремень, тёмно-синие брюки с красным кантом по наружному шву и аспидно-чёрную обувь: летом ботинки, зимой сапоги. Плюс ко всему, шинель офицерского кроя. Всё это выдавалось воспитанникам в течение трёх долгих лет.

Зачисленных в школу, подростков называли «спецами». Со стороны, они все смотрелись не хуже настоящих военных. Разве что, были не очень высокого роста. Зимой, носили шинель до середины икры и головной суконный убор, что назывался – «будёновкой».

Издали, она походила на средневековый рыцарский шлем с назатыльником. Сзади и обоих боков имелся большой отворот. Его можно было использовать так же, как уши у шапки. А звали её так потому, что обмундирование подобного типа, первыми в нашей стране, получили кавалеристы Семёна Буденного.

Повседневная летняя форма весьма отличалась добротностью и даже изящностью. Она включала в себя гимнастёрку защитного цвета, брюки навывпуск, того же оттенка, и щёгольскую пилотку.

На вороте кителя, гимнастёрки, а так же шинели, крепились уставные петлицы чёрного цвета. На них красовались два перекрещенных артиллерийских ствола, номер спецшколы, и гордые буквы – «СШ». Эти эмблемы сияли, как чистое золото.

В качестве официальной «парадки» для смотров, использовалась белого цвета рубашка армейского кроя и синие брюки. В особые дни, курсанты натягивали на фуражку белоснежный чехол.

Ученики из иных городов, получали места в большом общежитии. Бакинские пацаны ночевали по-прежнему дома, с родными. В восемь утра, они все являлись в спецшколу к началу линейки. Там проходила поверка и физзарядка курсантов.

После чего, все плотно завтракали и отправлялись в удоб-

ные классы. Там с ними работали лучшие преподаватели города. Учителя давали им знания не только по школьной программе, но и по разным предметам военного дела.

Курс военного учреждения ориентировался на программу высших артиллерийских училищ. Однако и предметы общеобразовательной школы изучались очень дотошно.

Большое внимание уделяли тогда языку фашистской Германии. «Спецов» обучали хорошему произношению и настоятельно требовали, чтобы курсанты всё время пополняли словарный запас.

К любому уроку приходилось заучивать сорок, а то пятьдесят новых слов. Нужно было знать правила их склонения и употребления в устной и письменной форме.

В полдень наступал часовой перерыв на обед. Мальчишки оставляли учебные парты. Выходили из здания и строились в небольшие колонны на обширном дворе. По команде, они запевали военную песню и, под руководством преподавателя, отправлялись в столовую, расположенную в маленьком корпусе.

Вслед за коротеньким отдыхом, курсантам давалось определённое время на самостоятельную подготовку по военным предметам. Плотный, питательный ужин завершал долгий день. Всё вечернее время ребят было совершенно свободным.

В те спокойные годы, Каспий был удивительно чистым

по всёму побережью. Исключение составляли только районы морского порта и судоремонтного завода Баку. Там поверхность воды покрывала радужная плёнка из нефти.

Те, кому захотелось понежиться на чистом песочке, сядились в маршрутный автобус и мчались на пляж имени Шихова. Он находился в двадцати километрах от центра столицы.

Городские мальчишки не тратили драгоценное время на дорогу и долгую поездку на транспорте. Ребята купались, а так же рыбачили, недалеко от домов, в черте огромного города.

Каспийское море достаточно древний и большой водоём. От океана он отделился очень давно. В него постоянно впадало много ручьёв и внушительных рек. В том числе, Волга с Уралом.

Благодаря капризу природы, в нём всё смешалось. Наряду с морскими животными вроде тюленей, лососей, сельди, кефали, в море хорошо размножились пресноводные рыбы – жерех, сазан, вобла, тарань и другие.

На блесну удавалось добыть и какого-то хищника, наподобие щуки и окуня. Иногда, попадались судаки приличных размеров, и даже сомы по много пудов. Вся эта живность служила хорошим приварком к курсантской столовой.

В свободные от учёбы часы, «спецы» постоянно гуляли по улицам и бульварам Баку. Они ходили в кино и на танцы и часто заглядывали в торговые лавки. Там виселись горы свежих и засушенных фруктов, винограда и горячих лепёшек –

чуреков.

Были и такие ребята, кому не хватало трёхразовой армейской кормёжки, или же не имелось денег на развлечения в городе. Им разрешалось подрабатывать в местном порту и на многочисленных рынках. Обычно курсанты «шабашили» там, где не приходилось таскать огромные тяжести. На это у них не хватало силёнок.

Спецшкола представляла собой артиллерийский дивизион, в котором, в те годы, находилось пятьсот человек. Все они разделялись на три внушительных курса. Десятиклассники входили в «батарею номер один». Ребята, что были младше на год – шли во «второй», а те, кто окончил лишь семилетку – числились в «третьей».

Каждый поток включал в себя пять-шесть классов, по двадцать пять – тридцать бойцов. По устоявшейся военной традиции их числили взводами, и дробили на три отделения.

Как только курсанты «батареи один» сдавали выпускные экзамены, их автоматически переводили в Бакинское училище зенитной артиллерии, которое все называли БУЗА. Там они продолжали упорно учиться. С течением времени, все получали звание лейтенанта РККА.

Учащиеся из «второй батареи» передвигались наверх, на очередную ступеньку. Из «третьей» команды шли во «вторую». Свободные вакансии в «третьей» занимали ребята, которых недавно приняли в школу.

После окончания учёбного года, всех отправляли в лагерь армейского типа. Там они проходили полуторамесячные летние сборы. «Спецы» жили в обычных холщовых палатках. Совершенствовали физкультурную форму и проводили соревнования в прикладных видах спорта. Яков был очень способным подростком. Он замечательно плавал и занимал призовые места в большинстве состязаний.

Всё прочее время, курсанты отнюдь не бездельничали. Они упорно вгрызались в твёрдый «гранит военной науки». Курсанты упорно осваивали стрелковое и артиллерийское вооружение. Они проводили учебные стрельбы. Изучали, как топографию, так и тактические приёмы ведения современного боя.

«БУЗА»

К лету 1941-го, Яков успешно окончил десятый класс артиллерийской спецшколы. Парень отлично сдал выпускные экзамены и был «автоматом зачислен» в училище зенитной артиллерии азербайджанской столицы.

Между собою ребята называли его по первым буквам названия. Поэтому, получилась довольно двусмысленная аббревиатура – «БУЗА». В переводе с лагерной «фени», широко бытовавшей в народе, это странное слово значило – сильный скандал, проявление недовольства, неповиновение, а если выразаться короче, то бунт.

Затем, началась невероятно счастливое время жизни курсанта. Яков отметил семнадцатилетие. Как-то разом, он очень стремительно, превратился из невзрачного худого подростка, в высокого, стройного, красивого юношу.

Как у всякого уроженца из южной республики, у него была смуглая кожа. Немного вьющиеся, тёмные волосы, большие глаза чёрного цвета и нос с малозаметной горбинкой. Во всём его облике сквозил колорит восточных краёв. Тот самый, что невесть каким образом, передавался всем нациям, долго живущим в этих краях.

Наступила пора первой сильной любви. Она не заставила ждать, себя очень долго. Однажды, парень пошёл прогулять-

ся в Нагорный парк, что являлся визитной карточкой города.

Яков жил почти у подножья крупной возвышенности. На ней привольно раскинулась огромная зона культурного отдыха. Парень частенько туда заходил. Когда один, когда вместе с друзьями.

Он бодро поднялся на большую смотровую площадку. Там, два года назад, был возведён большой постамент из гранита. На нём возвышалась фигура из бронзы революционера Сергея Мироныча Кирова.

Парень полюбовался на округлую бухту, что отлично просматривалась с самого высокого места в Баку. Потом, побродил по длинным аллеям и широким террасам, густо засаженным душистыми туями, кипарисами, а так же, магнолиями.

Какое-то время, курсант покрутился возле летней эстрады, где выступали два куплетиста, а так же артисты эстрадного жанра. После чего, отправился на танцплощадку, где и увидел юную Валю.

Молодой человек познакомился с красивой и стройной улыбчивой девушкой. Немного помявшись, он попросил разрешения, угостить её ванильным мороженым. Она посмотрела на ладного парня, облачённого в военную форму, и благосклонно кивнула.

Молодые ровесники побродили по огромному парку. Поговорили о том и о сём, и внезапно почувствовали, что приглянулись друг другу. Обоих вдруг закружила круговерть

взаимного чувства.

С этого дня начались ежевечерние встречи. Чаще всего, Яков и Валя ждали друг друга возле Девичьей башни. После чего, ходили на танцы. Долго гуляли по главным улицам старинного города и тенистым аллеям морского бульвара. Влюблённым казалось, что счастливое лето будет тянуться нескончаемо долго, а может быть, вечно.

Пришло воскресенье двадцать второго июня 1941-го года. Почти всю неделю курсант строил планы не только на день, но и на вечер прекрасного, долгого дня. Они с Валею хотели утром помочь своим родителям дома.

После обеда, встретиться у Девичьей башни и съездить на Шиховский пляж. К семи часам вернуться назад. Перекушать, переодеться и вместе подняться в замечательный парк на горе. В открытом кинотеатре посмотреть новый фильм про Валерия Чкалова, а затем заглянуть на площадку, где всегда танцевали молодые бакинцы.

Однако, всё вдруг пошло по другому сценарию. В полдень, всесоюзное радио внезапно прервало свои передачи. Диктор сказал, что у микрофона находится народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Он пошуршал немного бумагами и зачитал официальное обращение Правительства СССР.

Ошеломлённые граждане услышали страшную весть. В ней сообщалось о вероломном нападении фашистской Гер-

мании на Советский Союз. Было объявлено о начале Отечественной войны против агрессора.

Потом, прозвучал громкий призыв теснее сплотить ряды коммунистов и беспартийных страны. Закончилась речь такими словами: – Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Едва закончилась речь, как Яков метнулся к родному училищу. Он выскочил из переулка и встретил ребят, которые жили поблизости. Спустя пять минут, там собралось более двадцати человек.

Какое-то время, они громко галдели и на все голоса обсуждали слова одного из руководителей ВКП(б). Секретарь молодёжной организации третьего курса училища решил навести должный порядок. Невероятно активный вожак возвысил свой голос и прямо на улице открыл импровизированное собрание комсомольской ячейки.

Оно продолжалось недолго. Выступавшие говорили очень похожие фразы. Ребята считали себя отличными воинами, способными драться с фашистами, как в артиллерии, так и в пехоте.

Они опасались лишь одного, что Красная армия расправится с немцами удивительно быстро. Поэтому, они не успеют сразиться с коварным врагом. Все предлагали подать рапорт начальнику с настоятельным требованием, немедленно послать всех курсантов на западный фронт.

Кто-то сбежал домой. Через пару минут, появилась бумага, а так же и ручка со стеклянной чернильницей. Одногруппник, обладавший замечательным почерком, сел на широкие ступени крыльца. Он положил на колени чью-то толстую книгу, а сверху устроил чистый листок.

Затем сунул перо в «непроливайку», которую держал Яков в руке, оказавшийся рядом. Быстро составил протокол их собрания. Дал подписать всем присутствующим и принял за петицию к руководству училища.

Многочисленный митинг, шёл прямо под окнами главного корпуса. Его заметил седой офицер, дежуривший в тот знаменательный день. Сначала он стоял у окна и только смотрел.

Потом, вышел из здания и выслушал пылкую речь комсомольского лидера третьего курса. Спокойно принял бумаги от вожака ВЛКСМ. Обещал передать их по инстанции и отправил всех по домам.

Как не пытались ребята настоять на своём, руководство не шло им навстречу. Комиссар и начальник училища всячески сдерживали пылких курсантов. Они постоянно твердили: – Только освоив все дисциплины учебного курса, вы сможете чем-то помочь нашей стране!

Однако, вскоре всё изменилось. Причём, самым решительным образом. Большие потери на фронте заставили правительство родины изменить все недавние планы. В том чис-

ле, сократить долгое время подготовки курсантов.

В первую очередь, это коснулось выпускников из спецшколы. Ведь они появились в училище со знанием уставов РККА и воинских правил. Были хорошо ознакомлены с устройством и действием артиллерийских систем, стрелковых видов оружия и приборов прицеливания. Ребята уже изучали на практике приёмы веденья огня и прочие тонкости службы.

По сравнению с молодыми курсантами, что окончили десятилетку, «спецы» оказались хорошо подготовлены к изучению всех дисциплин и, особенно, военных предметов. Они в лучшую сторону отличались своей дисциплиной, прекрасной физической формой, и развитым духом товарищества.

Благодаря этому, их не смешали со вчерашними школьниками. Наоборот, оставили сложившиеся уже коллективы. Причём, в том самом составе, в каком они были в спецшколе. Переименовали классы в отдельные группы и перевели на ускоренный темп освоения полного курса.

Таким образом, обучение бывших «спецов» должно было длиться от трёх до шести долгих месяцев. И это притом, что недавно набранные абитуриенты, по-прежнему проходили программу за два полных года.

Когда Яков узнал об этом решении, он, как и все его одноклассники, сильно обрадовался. Он уже видел себя на поле кровавого боя, где сбивал самолёты со свастикой один за другим, и так же успешно, жёг огромные танки и мотопехоту

фашистов.

Через какое-то время, выяснились такие детали, о которых они раньше не думали. Дело было всё в том, что после битвы на реке Халхин-Гол, произошедшей в далёкой Монголии, многое в стране изменилось. Теперь, согласно закону «О всеобщей воинской обязанности», возраст призывников был снижен с двадцати одного года до девятнадцати лет.

К сожалению многих курсантов, им стукнуло всего лишь семнадцать. Поэтому, будущие офицеры-зенитчики не могли уехать на фронт раньше данного срока. Так что, им всем предстояло, оставаться и дальше в тылу и упорно учиться.

Едва загремела война, Яков купил в магазине карту Европы, размером метр на полтора и повесил её на стене своей маленькой комнаты. Парень нарезал крохотные прямоугольнички из плотной красной бумаги, и насадил их на проволочные булавки с ушком. Их использовали портные во время примерки.

Этими небольшими флажками Яков хотел отмечать продвижение Красной Армии вглубь чужой территории. Он был уверен, что наши войска повторят победоносный поход 1939 года.

Ведь тогда, они перешли границу страны и в течение пары недель, освободили Западную Украину и пол-Белоруссии. Теперь на очереди стояла панская Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия.

– «Наверняка и пролетариат фашистской Германии немедленно вступит в борьбу и свергнет проклятого Гитлера. Была же у немецких «камрадов» в двадцатом году своя революция». – прикидывал парень.

Однако, теперь всё пошло не по плану великих кремлёвских стратегов. Яков листал все газеты в библиотеке училища и напряжённо следил за короткими сводками «Софинформбюро». Их постоянно читали по советскому радио. Особенно парню нравился голос Левитана, всем известного московского диктора.

Каждый день, парень подходил к купленной карте и отмечал местоположение врага на территории великой страны. Он с ужасом видел, что линия тяжёлых боёв тянулась от берегов Чёрного моря до Ледовитого океана у города Мурманска.

К удивлению зенитчика, фронт продвигался не на юг и на запад, как многие годы подряд обещало правительство. Он быстро шёл в обратную сторону, на восток и на север.

К концу жаркого августа, фашисты прочно блокировали Одессу с Полтавой. Они захватили Днепропетровск, Смоленск, Ригу, Талин, Псков, древний Новгород, и приближался уже к Ленинграду.

Между этими двумя направлениями, гитлеровцы занимали все города и с неистовой силой рвались к столице страны. До неё оставалось меньше четырёхсот километров.

Глядя на земли, захваченные жестоким врагом, парень с горечью думал: — «Как же могло такое случиться? Ведь, в газетах писали, а в кино постоянно показывали, что Красная Армия самая сильная на всём континенте.

Её военная техника самая мощная и скоростная, а солдаты самые стойкие в мире. Почему же, бойцы отходят назад, вместо того, чтобы перейти в наступление и, как говорил товарищ Ворошилов со Сталиным, бить врага на его территории?»

Ответы на эти вопросы не могли дать курсанту даже те люди, что преподавали в училище. А они, между прочим, сражались на гражданской войне, прошли сухие монгольские степи и даже болота Зимней войны.

В то напряжённое время, в газете «Красная Звезда» появилась небольшая заметка. В ней говорилось о том, что на основании шестой статьи Советско-Иранского договора от 1921 года, в пределы соседней страны вошли регулярные части РККА.

Двадцать шестого августа они без боёв взяли Тавриз, Ардебиль, Лисар, Дильман и другие населённые пункты Ирана. Немного позднее, парень узнал, чем было вызвано передвижение сил нашей армии.

Выяснилось, что правительство Великобритании решило обезопасить свои нефтепромыслы, расположенные в южных иранских провинциях. Корабли привёзли с Альбиона пятьдесят тысяч солдат.

Интервенты из Англии заняли огромные площади суверенной державы. Там стали работать мощные радиостанции. Эти сигналы хорошо принимались в Азербайджанской республике.

В огромном Баку имелось достаточно современных приёмников, а так же, людей, понимавших иностранную речь. Они слушали вражеских дикторов и передавали всё то, что слышали, своим друзьям и знакомым. Те разносили новости дальше. По огромному городу тотчас поползли тревожные слухи.

В выпусках «сарафанного радио» говорилось о том, что флотилия Каспия высадила огромный десант. Три советские армии пересекли сухопутный рубеж и успешно заняли прибрежные районы Ирана.

Одновременно с этим, две полноценные армии продвинулись к югу Армении. Они должны были перехватить войско турков, если те захотят выйти на помощь восточным соседям.

По всему выходило, что в то самое время, когда танки фашистов рвались к Москве, треть миллиона советских военных оставалась без дела. Ещё двести тысяч бойцов стояли против османов. Причём, Иран вместе с Турцией придерживались политики нейтралитета.

Затем, заговорили о том, что в Иран переброшены новые военные силы из Англии. Они все уже находились в полной

готовности. Как только фрицы ворвутся в столицу Союза, британцы ворвутся в республику с юга. Захватят Азербайджан и восстановят порядки, что были ещё при царизме.

Услышав об этом, Яков вспомнил соседа по их большому двору. Когда-то давно, старик трудился на нефтепромыслах Каспия. Он любил вспомнить то, что происходило в России до Октябрьского переворота.

Аксакал говорил: – «Все эти Манташевы, Гукасовы, а так же и Нобели платили рабочим сущую мелочь, а всю огромную прибыль увозили к себе. Люди ютились в убогих землянках. Зато богатеи все жили в великолепных хоробах. Теперь в их огромных домах находятся музеи Баку, дворцы культуры и дома пионеров».

– «Если войска интервентов ворвутся в Азербайджан,» – размышлял обеспокоенный Яков: – «он превратится в очередную колонию Англии. Такую же, совершенно бесправную местность, как древний Иран, Афганистан и далёкая Индия.

Выходит, все великие жертвы народа были напрасны? Этому никогда не бывать!» – сказал он себе и стал лучше, чем прежде, учить все предметы, что давали в училище.

Оказалось, что дисциплин, связанных с воинским делом, удивительно много. Голова шла кругом от них. В первую очередь, к ним относилось стрелковое вооружение РККА.

То есть: револьвер «Наган» и пистолеты «ТК» и «ТТ». Винтовки Мосина, Токарева, и карабин оружейника Симо-

нова. Автоматы «ППД» и «ППШ». Пулемёты Максима, Дегтярёва и Шпагина.

Затем, шла материальная часть артиллерии, что относилась к зенитной, приборы управления, боеприпасы и прочее. Эти занятия включали в себя – разборку, сборку, чистку, смазку, устранение неисправностей, категорирование и, конечно, хранение.

Плюс ко всему, слесарное, токарное, кузнечное и электро-монтажное дело. Отдельно велась электротехника, где изучались двигатели разного типа, аккумуляторное хозяйство, устройства зарядки.

В артиллерийском парке «БУЗы» имела зенитные орудия разных систем и калибров. Среднего – 76 и 85-мм образца 1931, 1938 и 1939 годов, и малого – 25 и 37 мм. Кроме того, курсанты всерьёз познакомились с 20-мм пушкой, что ставили на самолёты.

В малом объёме они проходили немецкую 75-миллиметровку и американскую сороковку «М-1», типа «Бофорс». Оружие всех этих видов стояло во внутреннем, для всех закрытом, дворе войскового училища. Оно было всегда под рукой у курсантов. Тренируйся, сколько захочешь, но только в присутствии преподавателей.

В жестоких боях с вероломными фрицами Красная Армия несла невероятно большие потери. До начала войны, никто не мог и подумать о чём-то подобном. Численность войск СССР приходилось всё время наращивать.

Осенью 1941 года советская власть снова пошла на крайние меры. В стране снова снизили возраст призыва. Теперь в армию брали с 18-ти лет. Но и после такого постановления правительства, Якову все же пришлось, остаться на месте и ожидать отправки на фронт. Так продолжалось до середины лета 1942-го.

Почти каждый день, в город Баку приходили караваны большегрузных судов из Ирана. Согласно «лендлизу» они везли гуманитарную помощь из далёкой Америки.

Теперь стало ясно, зачем наши войска вдруг оказались в сопредельной стране. Они защищали границу Азербайджана от нападения с юга и охраняли тот коридор, по которому шло продовольствие с техникой.

Ещё в шестнадцатом веке, царь Иван IV, по прозвищу Грозный, вывел храбрых стрельцов к берегу Балтийского моря. С тех давних пор, англичане люто враждовали с Москвой.

Их не устраивало то обстоятельство, что какие-то «дикие русские» вдруг себя повели «неподобающим образом». Они отказались от их кораблей и стали сами возить в центр Европы дорогие товары: мёд, воск, лён, пеньку, меха, древесину, рыбу, ворвань и прочее.

Но и после свершения Октябрьской революции, британцы не изменили своего отношения к СССР. Они продолжали вредить нашей стране везде, где только возможно.

Лишь оказавшись перед лицом фашистской агрессии, спешивая Англия всё же признала нас, как союзников. Да и то лишь, на короткое время. Как долго продлится такое положение дел, никто сказать точно не мог.

Трюмы больших кораблей заполняли пшеница, рис, кукуруза и мясо, замороженное целыми тушами. Прибывшие в город, съестные припасы немедля грузились в вагоны и отправлялись на фронт.

Подвоз российских продуктов совсем прекратился. В магазинах и на многочисленных рынках стало значительно меньше еды. В Южный город пришли все лишения тяжёлой години.

Яков вспомнил о том, что после начала фашистской агрессии, жизнь в СССР резко ухудшалась. Прошло всего четверо суток. Правительство отменило все отпуска, кроме декретных, а так же, выходные и праздники.

Бакинские заводы и фабрики перешли на военный режим. Теперь каждая смена длилась двенадцать часов. Везде, где только можно, даже в небольших мастерских, изготавливали оружие с боеприпасами.

Вскоре, ввели «карточки на продукты питания». По ним всегда можно было, по госцене, купить хлеб в магазине. Однако других товаров на всех не хватало. Например, сахар вдруг исчезал. Его заменяли дешёвенькой карамелью в обёртке или старым повидлом. И то и другое выдавали чуть

в большом количестве.

Это было не очень-то вкусно. Поэтому, мамочка Якова брала дешёвые фрукты на рынке и долго уваривала их до состояния густого желе. Получившийся при этом шербет употребляли вместо привычных сладостей.

Хорошо, что в огромном Баку, все печи топили тем газом, что шёл вместе с нефтью. Его расход никто не нормировал. Плати с каждого члена семьи какие-то деньги и жги, его сколько хочешь. Поэтому, холодной зимой, газом все грели дома и квартиры.

Открылось великое множество «коммерческих» магазинов. Там продавали любую провизию по очень завышенным ценам. На шумных базарах тоже всё вдруг вздорожало. Лепёшка из кукурузной муки, испечённая на рыбьем жире, стоила от ста двадцать и больше рублей.

За один грамм сахарина требовали двести и выше. Люди, которым удавалось его прикупить, считали, что им повезло. И это в то время, когда средняя зарплата в Баку едва приближалась к трём сотням.

Местные жители взялись продавать ценные вещи, или менять на еду. В особо удачные дни можно было «махнуть» «взрослый» велосипед на полмешка обычной картошки.

Родители Якова, отец Семён и мама Эльвира, трудились на нефтепромыслах, расположенных за окраиной города. Вместе они получали неплохую зарплату и специальный «па-

ёк» в дополнение к «карточкам».

Благодаря этому, их большая семья жила довольно «прилично», как говорили тогда. Однако, курсант не хотел сидеть на шее у «предков» и объедать своих братьев и малолетних сестёр. К тому же, его растущему телу не хватало питания, которое отпускали в столовой училища.

Яков огляделся по сторонам и, как другие курсанты, стал заходить вечерами в морской порт Баку. Чаще всего, ему приходилось грузить пшеницу, кукурузу и рис. Тонкие зёрнышки иногда утекали сквозь мелкие дырки в мешках. Они собирались на пирсах, а так же на дне мрачных трюмов.

Скудные россыпи из провианта не бросали на ветер. Их осторожно сметали мётлами в вёдра, и сдавали на склады. Всё собранное тщательно веяли и очищали от мелкого сора. После чего, вновь возвращали в закрома воюющей родины.

Обычно, этим трудом занимались весьма пожилые, многолетние граждане. Многие из этих людей давно жили впроголодь. Они старались взять из ларей небольшую пригоршню крупы. Тут же всё съесть, или же сунуть в карман.

Рабочие знали, что за данный поступок можно попасть в лагеря на внушительный срок. Однако, все делали вид, будто не замечали, как в конце длинной смены, их сослуживцы ненадолго исчезали из вида.

Перед тем, как идти к проходной, ведущей в город из порта, они уединялись в укромных местах и прятали небольшую добычу под стельками своих башмаков. На вахте всегда про-

веряли только карманы и сумки. Поэтому они уносили с собой толику пищи.

Меж тем, на базаре свободно лежал шоколад в иностранных обёртках, сухое молоко от американских коров и порошок из яиц. Откуда они там появлялись, милиции было, почему-то, неважно.

Ещё Яков видел, как в центре города часто мелькали большие начальники. Они были одеты в долгополые дорогие пальто, отлично пошитые из натуральной коричневой кожи.

Несмотря на угрожающее положение на фронте, седьмого ноября 1941 года в Москве был проведён традиционный парад РККА. Как и в предыдущие годы, он проводился на Красной площади возле Кремля. Стоя на мавзолее, его принимал Верховный главнокомандующий СССР Иосиф Сталин и его окружение, состоящее из самых верных соратников.

Как всегда, вождь всех народов выступил перед микрофоном всесоюзного радио. Он опроверг нелепые слухи о том, что правительство СССР бросило столицу страны и уехало в Куйбышев, стоящий на Волге. В заключение великий учитель сказал, что разгром германской армии близок.

После той пламенной речи, перед трибуной прошагали дивизии, прибывшие в город из далёкой Сибири. Они прошли мимо храма Василия Блаженного. Отправились на западный фронт и прямо с марша начали бой с жестоким вра-

ГОМ.

В тот знаменательный день, курсанты училища собрались в актовом зале. Вместе с преподавателями они внимательно слушали репортаж о параде, посвящённый двадцать четвёртой годовщине Великой Октябрьской революции.

Яков сидел и усиленно думал: – «Когда же наши солдаты, наконец, остановят фашистов? Или Москву всё же сдадут, как фельдмаршал Кутузов во время нападения Франции?»

И что случится с державой тогда? Что выкинут наши «друзья» англичане? Бросятся на незащищённый Баку, как голодные волки? Займут нефтепромыслы и лишат нашу армию поставок жидкого топлива?» – эти вопросы читались на лицах ребят, сидевших вокруг. Ни у кого из них не было никакого ответа.

К концу ноября, фашисты прорвались к окраинам златоглавой Москвы. Как говорили вокруг паникёры, сквозь бинокли враги уже видели башни Кремля. До них оставалось всего двадцать три километра.

Работая на базаре Баку, Яков слышал всякие глупые басни. Кто-то сказал, будто бы фрицы прорвались к кольцевой остановке московских трамваев. Значит, в ближайшее время, они доберутся до центра.

Как и рассчитывал парень, всем этим бредовым идеям не суждено было сбыться. Пятого декабря 1941 года, под Москвой началось контрнаступление РККА.

Вооружённые силы противника не устояли под мощным ударом дивизий, прибывших из холодной Сибири и с Дальнего Востока страны. Фашистские части все разом качнулись назад. Оказывая сопротивление, они отошли от столицы на расстояние от ста до двухсот километров.

Курсанты облегчённо вздохнули. Все с нетерпением ждали, освобождения захваченных врагом областей. Ребята единодушно решили, что ближе к лету, начнётся генеральное наступление войск. Все сильно жалели о том, что к этому времени они не успеют окончить учёбу. Останутся в тихом и пыльном Баку, а война завершится без них.

Как это часто случается, действительность оказалась совсем не такой, как ожидали все люди. Как только подсохла весенняя грязь, войска Юго-Западного фронта резко тронулись с места. Двенадцатого мая 42-го, они дружно ударили по немецким позициям.

Сначала удача сопутствовала нашим солдатам. Красноармейцы стремительно продвигались вперёд, к Харькову и Волочанску. Однако, фашисты смогли задержать порыв наших войск.

Каким-то таинственным образом, враги перехватили инициативу в районе атаки. Они окружили наступавшую группировку в районе городка Барвенково и взяли в плен десятки тысяч бойцов.

В результате такого разгрома, советские силы оказались ослаблены на стыке Южного и Юго-Западного фронтов.

Пользуясь этим, двадцать восьмого июня противник ударил в то место, где неплотно сходились фланги двух армий.

Фрицы рванулись в открытую брешь и устремились по двум направлениям сразу – на север Кавказа и на южную Волгу. Они прорвались между Курском и Харьковом и ринулись к Дону, что протекал далеко на востоке.

Седьмого июля, фашисты вошли в правобережную половину Воронежа. Двадцать третьего, они захватили Ростов-на-Дону. После чего, открылась прямая дорога к Каспийскому морю.

Немецкие части оказались в тысяче километров от берега и продолжали стремительно мчаться вперед. Первая часть большой группировки рвалась к Сталинграду. Вторя, свернула на юго-восток, и устремилась к городу Грозному.

В те времена, Азербайджан добывал семьдесят с лишним процентов всей нефти Советской страны. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что Гитлер, в первую очередь, решил захватить Закавказье.

Скоро стало известно, Фюрер велел взять Баку, двадцать пятого сентября 42-го. Причём, запретил бомбить нефтепромыслы. Он приказал их занять в полной сохранности.

Над устьем Волги и Дагестаном принялись барражировать фашистские асы. Иногда самолёты со свастикой пересекали границу между республиками СССР и пролетали над районами Азербайджана.

Двухмоторный бомбардировщик был сбит возле города Куба́. А от него, между прочим, всего сто пятьдесят километров от центра столицы. Обломки «Junkers 88» собрали, привезли в город Баку и поставили в парк Офицеров, на всеобщее обозрение публики. Он стоял возле улицы, которая называлась Куби́нской.

После этого случая, всем местным жителям, приказали всегда соблюдать режим очень строгой световой маскировки. Окна квартир украсились бумажными полосами, наклеенными на стёкла крест-накрест. Вечерами владельцы домов, закрывали деревянные ставни, чего не делали уже долгие годы.

Над самим Баку вражеские самолёты, пока не летали. Только однажды над дальней окраиной города, высоко над землёй, показался немецкий разведчик «Focke-Wulf 189», который бойцы звали «рамой».

Тотчас включились мощные лампы прожекторов. По тёмному небу начали рыскать лучи ослепительно белого света. Зенитчики отыскивали противника. Открыли ураганный огонь и отогнали врага в сторону моря.

Воздушную тревогу бакинцам объявляли всего несколько раз. Все они проходили в апреле и мае 42-го. Одна была утром, вторая под вечер, и ещё, уже поздней ночью. Зенитная артиллерия города разглядела фашистов на дальних подступах к центру и заставила их убраться назад.

Вместе с курсантами, Яков вновь написал длинный ра-

порт начальству. Ребята настоятельно требовали послать их на фронт. В ответ им сказали, как только их возраст подойдёт к восемнадцати, всех без промедленья отправят в ряды Красной армии.

Ну, а пока, они все должны всемерно участвовать в создании Бакинского рубежа обороны. То есть, помочь в возведении новых позиций для размещения мощных 85-мм орудий образца 1939 года.

В то же самое время, неожиданно выяснилась невероятная вещь. Оказалось, что далеко не все молодые зенитчики сильно рвались на защиту Советской Отчизны. Называлась фамилия, имя, отчество и год рождения парня, которого Яков знал довольно неплохо. Об этом ужасающем факте ребята узнали из официальной бумаги, висевшей на доске объявлений. Там было написано: –

«Приказ по Бакинскому училищу зенитной артиллерии № 116 от 24 июля.

Полагать убывшим с 25-го июля 1942, курсанта, такого-то, заключённого под стражу следственными органами Военной прокуратуры Бакинского гарнизона. Исключить с котлового довольствия с 25-го июля 1942 года».

Чуть позже стали известны детали того происшествия. Этот молодой человек пришёл поздно ночью в городскую больницу. Там он заявил, что, когда возвращался домой, на него напали бандиты. Началась ожесточённая драка, в ходе

которой, ему прострелили бедро.

К этому времени, на Апшероне появилось великое множество беженцев, приехавших из разных районов огромной страны. К сожалению жителей города, среди них попадались очень разные люди. Встречались и уголовники с внушительным прошлым.

В ранее спокойном Баку, вдруг стали «шалить» по ночам. Иногда даже слышались выстрелы войсковых патрулей. Поэтому, рассказ пострадавшего не удивил никого из врачей. Они обработали глубокую рану в широкой мышце ноги и, к своему удивлению, обнаружили в тканях мелкую щепку.

По тогдашней традиции, о любом «огнестреле» сообщали в районное отделение НКВД. Вот и сейчас, хирурги всё сделали согласно инструкции. Оттуда прибыл вооружённый наряд. Раненного курсанта увезли в спец.больницу, где и взяли его в оборот.

После долгих допросов, молодой человек рассказал, что не хотел отправляться на фронт. Поэтому, он пошёл на один базаров Баку. Побродил в толпе продавцов и купил боевой пистолет у неизвестного ему человека.

Ночью отправился на обширный пустырь, на котором мало встречалось прохожих. Дождался момента, когда рядом не будет людей, и выстрелил себе в левую ногу.

Чтобы ослабить удар мощной пули и не оставить ожога на коже, он целил в себя через толстую доску. Скорее всего, от неё откололся кусочек и застрял в мягких тканях.

Двадцать восьмого июля 42-го, во всех газетах страны появился знаменитый приказ № 227. В войсках его сразу называли: – «Ни шагу назад!».

Распоряжение ставки запрещало отход наших войск без приказа начальства. Оно разрешало формирование особых подразделений из числа нарушителей боевой дисциплины по неустойчивости или по трусости. Кроме того, появился новый тип военных частей – заградительный отряд НКВД.

Согласно тексту закона «самострельщику» из курсантов училища светил срок в «штрафбате». Однако, чем закончилось уголовное дело, ни Яков, ни его одноклассники, точно не знали.

По городу снова пошли жуткие слухи, один был страшнее другого. Речь шла опять о кораблях Каспийской флотилии. На них посадили семьдесят тысяч бывших польских военных и увезли в соседний Иран.

В 1939 году, вооруженные силы советской державы вошли в Западную Белоруссию и Украину. Красноармейцы освободили республики от иностранных захватчиков и присоединили их земли к Союзу братских народов.

Оказавшись в плену, служащие «Польского Войска» повели себя достаточно странно. Они не обращали внимание на то, что фашисты сначала заняли половину их родины, а потом и всю целиком. Они не желали сражаться с врагами в рядах Красной Армии, а предпочли все отправиться к дру-

зьям-англичанам.

Яков весьма удивился такому известию и тревожно подумал: – «Не повернут ли оружие эти «ландскнехты» против советских дивизий? В первую очередь тех, что, в данное время, расположились в Иране?»

Потом, он кое-что подсчитал и с облегчением вздохнул. Не так уж и много там англичан вместе с «вельможными панами». Всего сто двадцать тысяч, против наших трёхсот. Так что, вряд ли пойдут на подобную драку.

Тем более, что эти войска оторваны от туманной Британии на тысячи миль. В то время, как за спиною у наших солдат лежит граница Азербайджана с Арменией. Откуда быстро поспеет подмога. Хоть людьми, хоть оружием, хоть любой нужной техникой.

С другой стороны, если белополяки начнут воевать с немцами в Африке или в Европе, то смогут отвлечь на себя часть фашистов, а это сильно поможет советской стране. Как говорится в древней арабской пословице: – «Враг моего врага, мой друг!»

В Баку принялись говорить про Уинстона Черчилля, который не очень давно, стал премьер-министром Британии. Якобы, он отдал приказ английским войскам. Те взяли под козырёк и перебросили на север Ирана пять эскадрилий тяжёлых, четырёхмоторных бомбардировщиков «Short Stirling».

Весь этот кулак приведен в боевую готовность и ждёт лишь сигнала к атаке. Если фашисты приблизятся к Азербайджану, то возникнет угроза захвата советской республики. Тогда самолёты немедля поднимутся в воздух. Они пролетят через Каспий и разбомбят все нефтепромыслы.

Местные жители хорошо понимали, чем это грозит их любимому городу. Даже одна горящая скважина представляла собой настоящее природное бедствие. А что может случиться, после множества взрывов, люди боялись даже подумать.

Ведь в небо ударит около тысячи сильных фонтанов чрезвычайно горючих веществ. Они расположены на небольшой территории. Пламя легко перекинется с одного на другой.

Большое число страшных пожаров объединится в один, огромный костёр. Атмосфера над ним раскалится до невероятных пределов. Плотность газов резко уменьшится и они тут же ринутся вверх. На их место рванутся холодные массы, висящие рядом.

Воздух, прибывший со стороны, тотчас нагреется и тоже потянется в небо. Возникнет удивительно мощный вертикальный поток. Он будет работать, словно гигантские кузнечные мехи. Образуются восходящие струи, взлетающие высоко-высоко. Возникнет сильнейшая тяга, словно в широкой трубе.

Скорость газов превысит сто километров за час. Огонь начнёт всасывать всё, что окажется возле него. Температура в центре пожара поднимется до тысячи градусов.

То, что окажется в пламени, немедля стгорит или быстро расплавится. Так будет длиться до тех самых пор, пока в мелкий прах не обратится всё то, что находится рядом.

Огненный смерч будет пылать много часов. За это долгое время погибнут десятки, а то и сотни тысяч людей, что проживали поблизости. Яков дивился фантазии таких паникёров, болтавших о катастрофе невиданной в городе. Он был уверен, что всё это, досужие бредни.

Парень вернулся домой из училища. Там он узнал от родителей, страшную новость. Оказалось, что по приказу Москвы, нефтяники начали спешно снимать с прежних мест работающие нефтяные «качалки» и ставить заглушки на свободное место.

Вслед за рабочими, шли солдаты из войск НКВД. Чекисты минировали и подготавливали к взрыву вентили, трубопроводы, хранилища и прочую инфраструктуру, что как-либо связана, с добычей жидкого топлива. Так что, если фашисты приблизятся к промыслам, то катастрофы избежать не удастся. Успеют ли эвакуировать жителей, никто толком не знал.

Всё лето, Яков работал на батареях зенитных орудий, что стремительно строились вокруг Бакинского порта. Там он увидел, как привозили огромные ящики с буровым оборудованием. Эти контейнеры грузили на корабли и вместе с техперсоналом отправляли в открытое море.

Они шли в Красноводск, расположенный на другом бере-

гу неширокого Каспия. Оттуда их повезут либо в Башкирию, либо на Среднюю Волгу. Как оказалось, возле Уфы и города Куйбышева, наконец-то, нашли месторождения нефти. Требовалось срочно создать ещё одни нефтепромыслы для снабжения армии топливом.

В августе 42-го, Яков Малинин замечательно сдал выпускные экзамены в артиллерийском училище. Восемнадцатилетний молодой человек получил звание лейтенанта по специальности – «зенитчик артиллерист».

Парень сменил скромное обмундированье курсанта на форму кадрового офицера РККА. Теперь он носил петлицы чёрного цвета с золотистыми пушками. Вместо двух жёлтых литер «СШ», там были ярко-красные кубики. Целых две штуки.

Благодаря новому званию он получил, первый в своей тихой жизни, дополнительный продуктовый паёк. Богатый набор включал в себя сахар-песок, сливочное масло, крупы, табак в маленьких пачках и папиросы вполне приличного качества. Предлагали на выбор «Беломор-канал», «Гвардейские» или «Казбек».

Офицерам давали хорошие консервы из рыбы. К примеру, такие, как печень трески в отличном подсолнечном масле. Плюс ко всему, десять коробок с серными спичками. В тот страшный год, они неожиданно стали большим дефицитом.

Пока Яков ждал оправки на фронт, его мама поговорила

с опытными в этом деле людьми. Она разузнала, что сыну, лучше всего, взять с собою в дорогу? Парень не баловался никогда табаком.

Поэтому, она, первым делом, собрала полученное им разнообразное курево. Приложила к нему масло с крупой и пошла на базар. Там женщина всё продала. Добавила какие-то деньги и купила кусок отлично провяленной нежирной говядины.

Причём, она выбрала самый большой ломоть бастурмы, сантиметров тридцать длиной, десять шириной и пять толщиной. Прихватила к нему две банки американской тушёнки и пять средних размеров чурек, завёрнутых в кусок льняного холста.

На сладкое положила для сына изюм, курагу и сушёный инжир. Теперь, собранный ей вещмешок, весил столько же, сколько и раньше, но калорий в нём оказалось значительно больше. Мало того, всё продукты, лежащие в нём, уже были готовы к употреблению в военных условиях. Не нужно возиться с приготовлением пищи. Просто бери и с удовольствием ешь.

К вечеру, вещмешок офицера был окончательно собран. Он находился на стуле у наружной двери и ожидал, когда же хозяин отправится в путь. Маме осталось, лишь время от времени, забирать из него черствеющий хлеб и менять его свежим.

Орды фашистов продвигались вперёд. К этому времени, они перерезали железнодорожную линию, ведущую в центр России через Ростов-на-Дону. В Азербайджане скопилось большое число паровозов, порожних цистерн, теплушек и прочих вагонов, как пассажирских, так и обычных, товарных.

Естественно, что властям не хотелось, уничтожить дорогой подвижной состав. Его принялись отправлять его через Каспий, в Туркмению. Для этого поперёк вместительных барж укладывали обычные рельсы, прикреплённые к шпалам.

На верхней палубе судна умещалось от четырнадцати до восемнадцати звеньев. На эти пути загоняли локомотивы, что были сейчас не нужны на всём Апшероне. Рядом с ними ставили тендеры, отцепленные от мощных машин.

Таким хитрым образом, на длинную баржу грузили по семь, восемь, а то и по десять таких паровозов, как «Эхо», «Серго Орджоникидзе» или «Феликс Дзержинский». А каждый из них, между прочим, тянул целых сто и более тонн.

После первого рейса, стало понятно, все эти суда могли бы нести значительно больше. Ведь вдоль обоих бортов имелось свободное место. С тех пор, рядом с транспортным средством, стали укладывать самолёты со снятыми крыльями. Иногда, удавалось вместить до восьми аппаратов. Плюс ко всему, ставили автомашины и сажали в них пассажиров.

Тем же удивительным способом, через Каспий везли,

установки нефтеперекачивающего завода, турбины электростанций и прочее оборудование с бакинских заводов. В том числе, катера, способные плавать по реке и по морю.

Обратно в Азербайджан шли вагоны, груженные боеприпасами и различным оружием. Они сходили на берег и без перевалки, немедленно отправлялись на фронт, стремительно отступающий к Волге.

Судов, оборудованных для перевозки вагонов, катастрофически не хватало в Баку. Поэтому, пустые цистерны решили буксировать, как обычные баржи. Железнодорожные рельсы подвели к пологому берегу и уложили их так, что они ушли в глубину три с лишним метра.

Оказавшись поблизости, Яков подумал: – «Как же будут спускать эшелоны?»

Всё оказалось на удивление просто. Матросы бросали с катера трос. Железнодорожники крепили его к большому крюку своей длинной сцепки. Буксир осторожно тянул на себя.

Паровоз понемногу сдавал в сторону Каспия. Он тормозил весь состав, чтобы не разгонялся очень уж сильно. Таким образом, резервуары на железных колёсах, один за другим, потихоньку спускались в солёное море.

Каждая «бочка» весила более двенадцати тонн. Однако, они не тонули. Благодаря выталкивающей силе воды, цистерны, как поплавки держались на волнах. Их выводили на рейд и цепляли к тому теплоходу, что уходил в Красноводск.

Моряки сразу заметили, что пустые двадцати пяти кубовые ёмкости слишком уж поднимаются над уровнем моря. Поэтому, ведут себя весьма неустойчиво. После первого рейса, «бочки» взялись наполнять сырой нефтью, добытой в Баку.

С подобной загрузкой, они выступали над волнами только на четверть своей высоты. Увеличение осадки не позволяло теперь кувыркаться цистернам. Благодаря подобной методе, их соединяли в цепочки. Получался большой караван длинной, до тридцати пяти штук.

Заключение

Прошло много лет после разгрома фашистской Германии. Поседевший зенитчик решил навестить свою малую родину. Очень хотелось увидеть престарелую маму с отцом, братьев, сестёр и их многочисленных чад.

Яков Малинин взял месячный отпуск, положенный ему по закону, как инженеру-электрику. Купил билет в самолёт «Ил-18» и через два с половиной часа, приехал в столицу Азербайджана, Баку.

Большая часть его времени уходила на посещение родных, старых друзей и знакомых. В свободные от визитов часы, Яков с наслаждением гулял по широким бульварам южного города.

С огромным трудом он узнавал дорогие сердцу места, где не бывал уже многие годы. На одном из центральных проспектов, Яков нос к носу столкнулся с пожилым человеком.

Не зная, зачем это делает, Яков напряг ослабевшее зрение. Навстречу ему шёл какой-то мужчина, который опирался на трость. Судя по хромоте и седине в волосах, он был ровесник зенитчика.

На груди пешехода ярко сверкал новенький памятный знак «Участник ВОВ». Он посвящался двадцать пятой годовщине окончания Великой Отечественной. Их изготовили

не очень давно и выдавали лишь ветеранам войны. Очередь в военкомате возникла невероятно большая. Черёд постаревшего Якова ещё не пришёл.

Чуть ниже почётного знака, висел целый набор узеньких воинских планок. Среди них бросались в глаза колодки двух боевых орденов – «Красной Звезды» и третьей степени «Ордена Славы».

Глаза двух мужчин неожиданно встретились. Яков сразу же понял, кто сейчас перед ним. Это был тот самый курсант, что в далёком 42-м, побоялся поехать на фронт. Он купил боевой пистолет на рынке Баку и совершил «самострел» в левую ногу.

Встречный прохожий тоже заметил своего однокурсника по довоенной «БУЗе». Он изменился в лице и вдруг побледнел с удивительной силой. Немолодое лицо стало мертвенно-серым. Пожилой человек резко свернул в правую сторону и, почти что бегом, устремился по узенькой улочке.

Яков опешил от столь неожиданной встречи. Потом, посмотрел вслед однокашнику. Тот спешил, совсем не хромя, и держал трость в руке, как черенок от лопаты.

Оправившись от изумления, Яков подумал: – «Может быть, в 42-м он получил не расстрел, а срок в штрафном батальоне? Скорее всего, верно служил и доблестно дрался? Искупил ту большую вину своей пролитой кровью? Честно заработал награды и теперь гордо их носит всем на показ?»

Затем, Яков вспомнил о том, что три года назад, был он проездом в Москве, на Казанском вокзале. Тогда он шагнул на перрон, забитый людьми, и столкнулся с тем любопытным бойцом, с которым воевал в Сталинграде.

С тем самым солдатом, что ехал с ним в санитарном вагоне до города Куйбышев. Оттуда, офицера отправили в Горький. Павел же был без сознания, и они не смогли тогда обменяться личными данными.

Всего одни сутки, зенитчики воевали на одной батарее. Однако, мужчины сразу узнали друг друга и бросились тотчас обниматься. Они взахлёб говорили до тех самых пор, пока не раздался гудок отходящего поезда.

Бывший пушкарь прыгнул в тамбур в самый последний момент. Он прокричал командиру свой адрес и попросил черкнуть пару строк. Яков запомнил номер дома, город и улицу и тут же занёс всё в блокнот.

С тех пор, они с Павлом общались по телефону и письменно. Обменивались новостями и поздравлениями перед каждым крупными праздниками.

– «Почему же тогда, мой бывший сокурсник, не захотел поболтать со старым товарищем? Почему, он удрал, словно наткнулся на призрака, вставшего из глубокой могилы?» – заколебался зенитчик: – «Выходит, что в 42-м, ему удалось отболтаться от всех обвинений, а все эти награды он просто купил! Так же, как и памятный знак!*»

Честно прошедший Войну, Малинин Яков Семёнович пе-

чально вздохнул. Выкинул из головы неприятную встречу и, любуясь прекрасным Баку, двинулся дальше.

Примечания автора:

* В семидесятые годы, в Азербайджане настала «эпоха дашбаша**». Тогда стало можно купить всё, что угодно. Вплоть до звания «Героя Социалистического Труда».

** дашбаш – нажива, торговые махинации (перевод с тальшского***)

*** тальшский язык – язык тальшей, является прямым потомком или ближайшим родственником иранского языка азери (азари), бывшего в употреблении на территории Азербайджана до прихода сельджуков. Распространён в Тальше (область на крайнем юго-востоке Закавказской республики).

–22.11.2022